

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2022 Том 13 № 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Денисенко Владимир Никифорович,
доктор филологических наук,
профессор, РУДН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Новоспасская Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук, РУДН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,
кандидат филологических наук,
РУДН, Москва,
Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Electronic Journals Library CyberLeninka, EBSCOhost, DOAJ.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов: О.Н. Колышева
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 01.03.2022. Выход в свет 15.03.2022. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,5. Тираж 500 экз. Заказ № 20. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2022

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2022 VOLUME 13 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Yulia A. Evgrafova, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Ju Yunsheng, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Scopus, EBSCOhost, DOAJ, Russian Index of Science Citation, Electronic Journals Library CyberLeninka

Aims and Scope

“*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*” elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal “RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics” was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as “Reviews”, “Scientific Reviews”, “Scientific Chronicles”.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
English Text Editor: *O.N. Kolysheva*
Computer Design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н., Сибиряков И.В. (Челябинск, Российская Федерация).** Образ Челябинска в британском медиадискурсе первой половины XX века 9
- Khalil A.A.A., Larina T.V. (Moscow, Russian Federation) (Халил А.А.А., Ларина Т.В. (Москва, Российская Федерация)).** Terms of Endearment in American English and Syrian Arabic Family Discourse (Ласковые формы обращения в американском английском и сирийском арабском семейном дискурсе) 27
- Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А. (Москва, Российская Федерация).** «Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социо-культурном и «игровом поле» современных медиа 45
- Alhaded H.H. (Moscow, Russian Federation), Glushchenko T.N. (Amman, Jordan), Alhadid H.H. (Virginia, USA) (Алхадед А.Х. (Москва, Российская Федерация), Глущенко Т.Н. (Амман, Иордания), Аль-Хадид Х.Х. (Вирджиния, США)).** Evaluative Language in Arabic Academic Discourse (Оценочная лексика арабского академического дискурса) 68
- Бутенко Ю.И., Николаева Н.С., Карцева Е.Ю. (Москва, Российская Федерация).** Структурные модели англоязычных терминов для автоматической обработки корпусов научно-технических текстов 80
- Анисимов В.Е. (Москва, Российская Федерация), Гафиятова Э.В. (Казань, Российская Федерация), Калининкова Е.Д. (Москва, Российская Федерация).** Реализация идеи патриотизма в кинодискурсе: на примере российского патриотического кино..... 96

СОЦИОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Oshchepkova E.S., Shatskaya A.N. (Moscow, Russian Federation), Dedyukina M.I. (Yakutsk, Russian Federation), Yakupova V.A., Kovyazina M.S. (Moscow, Russian Federation) (Ощепкова Е.С., Шатская А.Н. (Москва, Российская Федерация), Дедюкина М.И. (Якутск, Российская Федерация), Якупова В.А., Ковязина М.С. (Москва, Российская Федерация)).** The Relationship Between Cognitive Flexibility, Bilingualism and Language Production: Evidence from Narrative Abilities in Senior Preschoolers from the Republic of Sakha (Yakutia) (Взаимосвязь между когнитивной гибкостью, билингвизмом и порождением речи на материале нарративов старших дошкольников из Республики Саха (Якутия)) 125

Дербишева З.К. (Бишкек, Кыргызстан). Особенности билингвизма в Кыргызстане	144
Гасимова Г.М., Нелюбова Н.Ю., Финская Т.Е. (Москва, Российская Федерация). Роль ценностной диады МИР—ВОЙНА в языковой картине мира представителей французского общества: традиции и современность	156
Stepanova E.S. (Samara, Russian Federation) (Степанова Е.С. (Самара, Российская Федерация)). Metaphorical Representation of Coronavirus in Medical Myths (Метафорическая репрезентация коронавируса в медицинских мифах)	174
ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА	
Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. (Москва, Российская Федерация). «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русофонном) художественном тексте	184
Kartashkova F.I., Belyaeva L.E. (Ivanovo, Russian Federation) (Карташкова Ф.И., Беляева Л.Е. (Иваново, Российская Федерация)). Colour Meaning in English Literary Pieces (Значение цвета в английских литературных произведениях)	201
РЕЦЕНЗИИ. СОБЫТИЯ	
Чулкина Н.Л. (Москва, Российская Федерация). Рецензия на книгу: Российская психоллингвистика: итоги и перспективы (1966—1921) / научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания—ММА, 2021. 626 с.	213
Ничипорчик Е.В. (Гомель, Беларусь). Международная научная конференция «СЛАВОФРАЗ-2021» г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины, 29—30 ноября 2021 года	224

CONTENTS

DISCURSIVE STUDIES

- Solopova O.A., Koshkarova N.N., Sibiriakov I.V. (Chelyabinsk, Russian Federation).** The Image of Chelyabinsk in the 20th century British Media Discourse (1901—1950) 9
- Khalil A.A.A., Larina T.V. (Moscow, Russian Federation).** Terms of Endearment in American English and Syrian Arabic Family Discourse 27
- Remchukova E.N., Kuzmina L.A. (Moscow, Russian Federation).** The “Precedent World” of F.M. Dostoevsky in the Socio-Cultural and “Playing Ground” of Modern Media 45
- Alhaded H.H. (Moscow, Russian Federation), Glushchenko T.N. (Amman, Jordan), Alhadid H.H. (Virginia, USA).** Evaluative Language in Arabic Academic Discourse 68
- Butenko Iu.I., Nikolaeva N.S., Kartseva E.Yu. (Moscow, Russian Federation).** Structural Models of English Terms of Automated Processing of Scientific and Technical Texts Corpora 80
- Anisimov V.E. (Moscow, Russian Federation), Gafiyatova E.V. (Kazan, Russian Federation), Kalinnikova E.D. (Moscow, Russian Federation).** Realization of the Patriotism Idea in Film Discourse Based on Russian Patriotic Cinema 96

SOCIOCOGNITIVE STUDIES

- Oshchepkova E.S., Shatskaya A.N. (Moscow, Russian Federation), Dedyukina M.I. (Yakutsk, Russian Federation), Yakupova V.A., Kovyazina M.S. (Moscow, Russian Federation).** The Relationship Between Cognitive Flexibility, Bilingualism and Language Production: Evidence of Narrative Abilities in Senior Preschoolers from the Republic of Sakha (Yakutia) 125
- Derbisheva Z.K. (Bishkek, Kyrgyzstan).** Features of bilingualism in Kyrgyzstan 144
- Gasymova G.M., Nelyubova N.Yu., Finskaya T.E. (Moscow, Russian Federation).** The Role of the Diad PEACE—WAR Value in the Linguistic Worldview of the French Society Representatives 156

Stepanova E.S. (Samara, Russian Federation). Metaphorical Representation of Coronavirus in Medical Myths	174
---	-----

TEXT LINGUISTICS

Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A. (Moscow, Russian Federation). “Language Keys”: Foreign Cultural Lexicon in the Translingual (Russophonic) Literary Text	184
--	-----

Kartashkova F.I., Belyaeva L.E. (Ivanovo, Russian Federation). Colour Meaning in English Literary Pieces	201
---	-----

BOOK REVIEW. EVENTS

Chulkina N.L. (Moscow, Russian Federation). Book review: I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva & E.Y. Myagkova (eds.). Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966—1921). Moscow: Institute of Linguistics-MMA, 2021. 626 p.	213
--	-----

Nichiporchik E.V. (Gomel, Belarus). International Scientific Conference “SLAVOPHRAS-2021” Gomel: Francisk Skorina Gomel State University, 29—30 November, 2021	224
---	-----

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ DISCURSIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-9-26

УДК 811.111:070:316.64

Научная статья / Research article

Образ Челябинска в британском медиадискурсе первой половины XX века

О.А. Солопова , Н.Н. Кошкарлова , И.В. Сибиряков

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
454080, Российская Федерация, г. Челябинск, просп. Ленина, 76
 o-solopova@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции образа Челябинска в британском медиадискурсе первой половины XX века (1901—1950). Актуальность исследования определяется привлечением методов лингвистического и исторического анализа; изучением образа города в исторической ретроспективе, возможностью выявить динамику нетипичного для британского медиадискурса образа «чужого» города на большом временном интервале. В работе применяется широкий спектр методов: сравнительно-исторический, диахронический, источниковедческий, когнитивно-матричный, когнитивно-дискурсивный методы, контент-анализ. Источником материала выступил оцифрованный архив исторических газет и журналов Великобритании. Авторами выявлены девять вариантов названия города Челябинск. Частотность обращений к образу Челябинска на страницах британских газет на протяжении первой половины XX века неоднородна: высокий уровень типичен для начала XX века, снижение количества текстов — для второго десятилетия, минимальное число материалов в 1921—1930 годах, рост интереса к городу, связанный с процессами индустриализации и событиями Второй мировой войны, — в последующие десятилетия. Большинство газет и журналов, в которых чаще всего освещались события, происходившие в Челябинске, издавалось в столичных городах и крупных промышленных центрах, что было связано с особенностями развития института британских печатных СМИ, с более высоким уровнем образования жителей крупных городов, с существованием у Великобритании собственных экономических интересов на территории России / Советского Союза. Авторами установлено, что моделирование образов Челябинска в британских СМИ существенно отличается с точки зрения реализации их эмотивного потенциала: негативизация медиаобраза Челябинска в начале века противопоставлена его мелиоративности в последнем хронологическом срезе.

Ключевые слова: образ города, медиаобраз, Челябинск, топоним, британский дискурс, XX век, английский язык

© Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н., Сибиряков И.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Финансирование. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740014.

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

Для цитирования:

Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н., Сибиряков И.В. Образ Челябинска в британском медиадискурсе первой половины XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 9—26. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-9-26>

UDC 811.111:070:316.64

The Image of Chelyabinsk in the 20th century British Media Discourse (1901—1950)

Olga A. Solopova , Natalya N. Koshkarova , Igor V. Sibiriakov

South Ural State University,
6, Lenin prospekt, Chelyabinsk, Russian Federation, 454080
 o-solopova@bk.ru

Abstract. The paper studies the evolution of the image of Chelyabinsk in the 20th century British media discourse. The research proves relevant as it involves both linguistic and historical analyses; it aims at retrospective study of the evolution of the image of the foreign city in British media discourse over a large time span. A wide range of methods is employed in the study: comparative, diachronic, cognitive-matrix, cognitive-discursive methods, source study, and content analysis. The source of the data is a digitized archive of British historical media texts. The authors fixed nine variations of the city name. The frequency of modeling the image of Chelyabinsk is dissimilar: it is rather high at the beginning of the century, declines in the second decade, reaches its minimum in 1921—1930, and rises again in the subsequent decades, which is explained by the interest of the British media to industrialization and the events of World War II. Most of the newspapers and magazines that modelled the image of Chelyabinsk were published in the capitals and large industrial centres, which is explained by the peculiarities of British print media, a higher level of education of large cities residents, and Britain's economic interests in Russia / the Soviet Union. The significant difference in the images of Chelyabinsk across the time is in their emotive load: negative images of the beginning of the century are contrasted to positive images generated in the latest time span.

Key words: image of the city, media image, Chelyabinsk, toponym, British discourse, 20th century, English

Financing. Acknowledgement

The research was funded by RFBR and Chelyabinsk Region, project № 20-412-740014.

Article history:

Received: 01.03.2021

Accepted: 15.11.2021

For citation:

Solopova, O.A., Koshkarova, N.N. & Sibiriakov, I.V. (2022). The Image of Chelyabinsk in the 20th century British Media Discourse (1901—1950). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 9—26. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-9-26>

Введение

Многие образы, которые формируются в современном медиадискурсе ведущих мировых держав, появляются на основе определенной, почти всегда многолетней культурно-исторической традиции. Британский медиадискурс имеет многовековую историю, что позволяет ему занимать особое место в новом информационном обществе, основы которого складываются буквально на наших глазах. Британские газеты долгое время являлись своеобразным эталоном работы профессиональных журналистов, формировали общественное мнение не только в империи, но далеко за ее пределами, создавали те образы, которые в дальнейшем проникали на страницы учебников и на экраны кинотеатров.

С этой точки зрения, сегодня очень важно понять, какие образы, связанные с Россией, а затем — с Советским Союзом, появились на страницах британской прессы в первой половине XX века, о каких российских / советских городах британский читатель мог получить представление, читая местные газеты, и каким могло быть это представление. Такого рода исследования полезны как с точки зрения преодоления некоторых стереотипов, существующих в общественном сознании россиян и британцев, так и в плане научного исследования процессов эволюции социально значимых образов, которые выступают своеобразным маркером тех изменений, которые происходят не только в языке и в культуре, но и в общественном сознании различных государств и групп социума.

Анализ системы образов города Челябинск в британском медиадискурсе первой половины XX века особенно интересен с лингвистической и с исторической точек зрения, так как позволяет увидеть малоизученные грани эволюции нетипичных для британской прессы образов «чужих» городов на большом временном интервале.

Образ как объект изучения имагологии

Изучение образа того или иного социального объекта созвучно востребованным в современном языкознании имагологическим исследованиям. Имагология как наука приобретает все большую важность, так как она способствует изучению образа (системы образов) той или иной национальной культуры в целях ее репрезентации, саморепрезентации; раскрытию терминологической и аксиологической сущности понятий *образ*, *символ*, *имидж*, *стереотип*; исследованию репрезентации имагологических конструкторов в мифах, культуре, религии, литературе, фольклоре и т.д.

Центральным термином имагологических исследований является понятие *образ*. Наиболее разработанным это понятие является в литературоведении, где под художественным образом понимается «категория эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности» [1. С. 252]. Из образа «вырастает» символ [2], который должен рассматриваться отдельно от художественного образа [3].

И.А. Авдеенко отмечает, что «художественный образ и символ отличаются как локальное и универсальное, индивидуальное и коллективное, эстетическое и экзистенциальное, актуализирующее переосмысление и фокусирующее осмысленное, обращенное к человеку и адресованное миру» [4. С. 18].

А.Д. Иванова указывает, что в «имагологии разграничиваются понятия «имагологический образ», то есть образ нации как ментально-культурное образование, и «художественный национальный образ» как эстетическое явление» [5. С. 77]. Для целей нашего исследования такое разграничение имеет важное значение, равно как и дифференциация между терминами «языковой образ» и «художественный образ». По мнению Ю.Л. Дмитриевой, для языкового образа характерны следующие черты: «способность выступать связующим звеном слова и объекта номинации; превалирование при формировании образа зрительного восприятия; воспроизводимость и множественность; пластичность; переменная сфокусированность» [6. С. 23].

Все из перечисленных выше характеристик языкового образа во всей полноте реализуются в массмедийном дискурсе. Во-первых, образ, созданный в средствах массовой информации, — это всегда сенсорно-перцептивное отражение того или иного объекта, актуализируемое при помощи определенных языковых средств и связанное со словарной дефиницией слова, обозначающего данный объект. Во-вторых, экспликация образа в массмедийном дискурсе происходит при помощи такого набора языковых средств, благодаря которым в сознании получателя информации возникают ассоциативные связи с описываемым объектом даже при отсутствии его непосредственного восприятия. В-третьих, в средствах массовой информации определенного исторического периода тот или иной объект представлен ограниченным набором когнитивных контекстов, релевантных для социально-экономического положения этого объекта на региональном и глобальном уровне. В-четвертых, любой образ — это отклик на широкий экстралингвистический и дискурсивный контекст, на фоне которого образ создается и в связи с которым воспроизводится. Наконец, в массмедийном дискурсе всегда репрезентированы как интегральные, так и дифференциальные признаки объекта, за которыми закреплены определенные культурные смыслы, то есть такие информационные конструкции, которые связаны с аксиологическими и идеологическими предпочтениями носителей определенной культуры.

В последнем случае речь идет о функциях, выполняемых образом, к которым Ю.В. Белоусова причисляет следующие: социализация, интеграция, идентификация [7]. Описанию реализации этих функций посвящены многочисленные исследования, анализирующие образ того или иного региона в современном медиапространстве [8—15]. Однако, как показывает теоретический анализ публикаций по заявленной проблематике, образ того или иного региона (города) исследуется преимущественно на современном речевом материале. В лингвистике ощущается недостаток исследований, направленных на изучение образа города в исторической ретроспективе. Восполнить эту лауну призвана настоящая статья. Важность проведения такого анализа

очевидна: ретроспективное описание образа способствует не только пониманию того, как эволюционировал город и его отражение в СМИ, но и позволяет спрогнозировать пути развития того или иного географического объекта и формирования его медиаобраза.

Методы исследования

С учетом того, что для решения этой задачи необходимо объединить усилия специалистов разных научных дисциплин, методологическая основа данного исследования носит ярко выраженный междисциплинарный характер. В ее основе лежат приемы сравнительно-исторического анализа, применение которых позволяет с научной точки зрения анализировать факторы формирования образа Челябинска в британской прессе, типичные для различных исторических условий, менявшие топонимический ряд, связанный с понятием «Челябинск».

В работе также применяется метод диахронического анализа, который способствует раскрытию динамики образа во времени и пространстве, так как образ — это не застывшая и не поддающаяся изменениям структура, а эволюционирующий вместе с социально-экономическими трансформациями феномен.

Источниковедческий анализ дает возможность обнаружить информационный потенциал архивных материалов, послуживших эмпирической базой настоящего исследования. С этой целью в работе описывается время и место создания того или иного материала, определяется его жанро-видовая принадлежность, затем содержание материала интерпретируется в соответствии с целями анализа.

Когнитивно-дискурсивный метод направлен на интерпретацию текстов, посвященных Челябинску, как продуктов речевой деятельности социума, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях.

Когнитивно-матричный анализ признается в настоящем исследовании наиболее приемлемым методом концептуализации и категоризации медиаобраза Челябинска в указанный исторический период, так как выявленные в итоге исследования компоненты когнитивной матрицы не связаны иерархическими отношениями, что позволяет раскрыть и описать доминантные когнитивные области выбранного объекта исследования.

Метод контент-анализа дает возможность с помощью числовых показателей, поддающихся статистической обработке, зафиксировать особенности тех образов Челябинска, которые наиболее часто встречались на страницах британской прессы в первой половине XX века.

Формирование исследовательского корпуса текстов: результаты автоматизированной и ручной обработки материала

На первом этапе исследования для работы с корпусом текстов и выявления ключевых слов, по которым в дальнейшем осуществлялся поиск, были

проанализированы лексикографические источники, которые включали географические справочники (GN, GTGN), словарь топонимов (CDWPN), энциклопедический онлайн-словарь (EB), толковые словари¹. Несмотря на то, что для толковой лексикографии Великобритании, по замечаниям исследователь, «не типично включение имен собственных в словари (издательские серии Longman, Collins, Oxford)» [16], в двух словарях (CED, OL) представлены словарные статьи с толкованием топонима Chelyabinsk. Следует, однако, отметить, что к исследованию было привлечено семь британских изданий серий Cambridge, Collins, Longman, Oxford, Chambers, Macmillan.

Анализ словарных статей выявил четыре возможных наименования города в английском языке: Chelyabinsk (предпочтительное), Cheliabinsk, Čel'abinsk (альтернативные), Tcheliabinsk (устаревшее). Кроме того, в предыдущих исследованиях авторов на материале британского дискурса XIX века зафиксированы варианты названия города, не зарегистрированные в словарях: Tchelyabinsk, Cheljabinsk, Tcheljabinsk, Cheliaba, Tcheliaba, Tcheljaba. Разнообразие вариантов связано с неидентичным составом языков реципиента и донора, отсутствием общепринятой системы транслитерации кириллического письма на латиницу², использованием правил «полутранслитерации и полутранскрипции при передаче русских имен и названий» [17]. Следует отметить, что употребление варианта наименования не привязано к определенной стране, региону, графству, городу и изданию. Например, в газете *Globe* (Англия, Лондонское графство, Лондон) представлено пять наименований города: Cheliabinsk, Chelyabinsk, Tcheliabinsk, Tchelyabinsk, Cheliaba.

Десять вариантов названия города на английском языке послужили ключевыми словами при работе с корпусом (BNA). Архив *the British Newspaper Archive* представляет собой коммерческую онлайн-коллекцию оцифрованных исторических газет и журналов Великобритании, созданную на базе Национальной Библиотеки Великобритании. Архив постоянно пополняется³, на момент исследования он включает более четырех миллионов оцифрованных изданий Англии, Шотландии, Ирландии, Уэльса, колоний и доминионов Великобритании.

Алгоритм формирования исследовательского корпуса текстов основан на чередовании автоматизированной и ручной выборки. Автоматизированный поиск в архиве проводится по каждому варианту названия в заданных хронологических рамках. Корпус выводит количество документов — текстов, в которых найден искомый вариант названия города. Документы сортируются по дате в прямом хронологическом порядке, что важно для дальнейшей работы при сегментации дискурса на отдельные периоды. Существующая версия корпуса предусматривает возможность скачивания результатов поиска в формате pdf и копирования текста, распознанного системой оптического распознавания

¹ Предпочтение отдавалось британским изданиям.

² Самая ранняя версия стандарта ISO принята в 1954 г.

³ В исследовании представлены данные по февраль 2021 г. включительно.

данных. В таблице 1 приведены сводные данные, включающие варианты названия города в британском медиадискурсе (варианты приведены в порядке убывающей частотности, курсивом выделены варианты, не зафиксированные в словарях), количество текстов, отобранных по соответствующему варианту (ключевому слову), нижняя и верхняя границы хронологических рамок.

Таблица 1 / Table 1

**Варианты наименования города в британском медиадискурсе
первой половины XX века (1900—1950) /
Variants of the place-name Chelyabinsk in British media discourse (1900—1950)**

Вариант / Variant	Количество документов / Number of documents	Период употребления / Period of use
<i>Chelyabinsk</i>	438	1900—1950
<i>Cheliabinsk</i>	432	1900—1949
<i>Tcheliabinsk</i>	96	1900—1937
<i>Cheljabinsk</i>	15	1904—1908
<i>Tcheljabinsk</i>	9	1901—1918
<i>Tchelyabinsk</i>	5	1910—1919
<i>Tankograd</i>	4	1944
<i>Tanktown</i>	3	1944
<i>Cheliaba</i> ⁴	3	1900—1901
Итого / Total:		
9	1003	

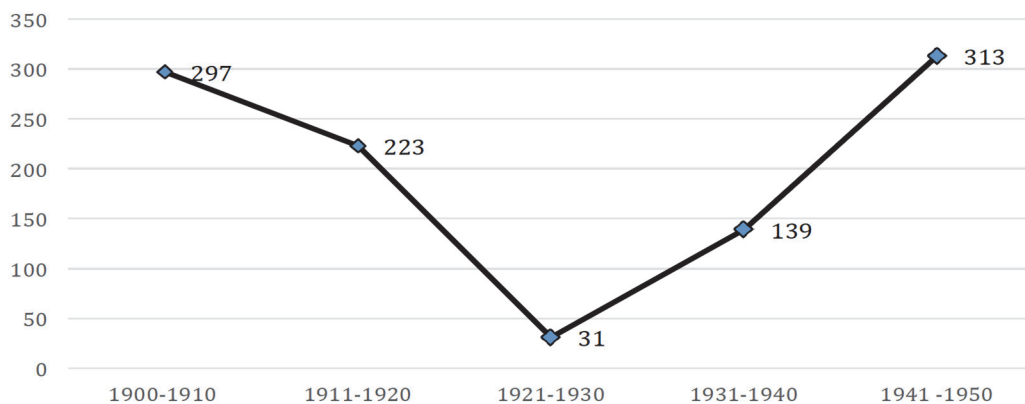
Тем не менее, при работе с оцифрованными тестами первой половины XX века неизбежна ручная обработка материалов (pdf), обусловленная несколькими причинами. Во-первых, качество распознанного текста зависит от общего физического состояния оригинального документа и повреждений бумаги и текста; во-вторых, ручная выборка позволяет существенно расширить исследовательский корпус за счет учета всех «вхождений» — каждого конкретного употребления искомого варианта (по данным исследования, один документ содержит от одного до трех «вхождений»); в-третьих, этот этап позволяет выявить те варианты наименования, которые не зафиксированы в словарях. В этих случаях в корпусе вновь проводится автоматизированная выборка по выявленным вариантам.

Данные, полученные таким образом (см. табл. 1), дают основание для первых выводов. Всего на страницах британской прессы в первой половине XX века обнаружены девять вариантов перевода названия города на английский язык. Наиболее распространенным из них стал вариант *Chelyabinsk*, помеченный в словарях как предпочтительное наименование. Но при этом в начале исследуемого периода зафиксирован вариант *Cheliaba*, содержащий негативные коннотации, а в середине века — транслитерированное и калькированное названия Челябинска в годы Великой Отечественной войны —

⁴ Варианты *Čel'abinsk*, *Tcheljabina*, *Tcheliaba* не зафиксированы.

Танкоград (Tankograd, Tanktown), что свидетельствует о том, что, во-первых, дискурс очень быстро реагирует на те изменения, которые происходят в обществе и в мире, во-вторых, о том, что понятие «Челябинск» не было статичным, но масштаб его трансформаций оказался незначительным (варианты Tankograd, Tanktown зафиксированы в 7 документах из 1003 и только в 1944 году). Очевидно, что широко распространенный в советской периодической печати военного времени топоним Танкоград остался неизвестным для британского читателя, особенно провинциального. С другой стороны, еще менее известен был топоним Челяба, что позволяет предположить, что для многих читателей британских газет в первой половине XX века понятие Челябинск носило эмоционально нейтральный географический характер.

Следующей процедурой является сегментация дискурса, в случае проводимого исследования — равномерная, распределение собранного материала по десятилетиям для исследования динамики образа города Челябинска в британском медиадискурсе первой половины XX века (рис. 1).

Рис. 1. Данные количественного диахронического анализа
Fig. 1. Statistical data of diachronic analysis

Уже на данном этапе очевидно, что частотность сюжетов, связанных с Челябинском на страницах британских газет, на протяжении первой половины XX века неоднородна. Примечателен достаточно высокий уровень обращения к образу города в самом начале XX века, который был достигнут во многом благодаря использованию названия города в качестве важного географического ориентира. Небольшое снижение количества текстов, содержащих упоминание о Челябинске во втором десятилетии XX века, было компенсировано ростом этого показателя в 1918—1919 годах (гражданская война в России), что в итоге привело к более плавной траектории снижения. Важно подчеркнуть, что минимальное число материалов, связанных с Челябинском в британских газетах первой половины XX века, зафиксировано в следующем хронологическом срезе (1921—1930), что связано с целым комплексом обстоятельств, главными из которых были тяжелый социально-экономический кризис в самой Великобритании, обострение советско-

британских отношений, ослабление внимания к процессам, происходившим на Южном Урале со стороны центральной союзной прессы. Активное участие региона в процессах индустриализации и в событиях, связанных со Второй мировой войной, вернуло «интерес» британской прессы к Челябинску на прежний уровень.

Результаты источниковедческого анализа

На следующем этапе созданы таблицы частот, включающие статистику распределения «интереса» средств массовой информации к городу Челябинску на территории Британской империи / Великобритании. В таблице 2 представлен фрагмент, включающий издания, где чаще всего упоминались события, связанные с городом, указаны страна, графство, город, издание; для каждой газеты — период, в который она издавалась, либо период, за который в архиве имеются оцифрованные копии.

Таблица 2 / Table 2

Фрагмент источниковедческого анализа / Fragment of source study

Страна / графство / город / издание // Country / county / city / publication	Количество⁵ / Quantity
Англия / England	663
Лондонское, Лондон / London, London	244
Йоркшир, Лидс / Yorkshire, Leeds	80
Globe (1804—1921)	48
Yorkshire Post and Leeds Intelligencer (1866—1955)	23
Шотландия / Scotland	201
Мидлотиан, Эдинбург / Midlothian, Edinburgh	58
Абердиншир, Абердин / Aberdeenshire, Aberdeen	29
The Scotsman (1817—1950)	32
Aberdeen Press and Journal (1748—1999)	15
Северная Ирландия / Northern Ireland	114
Антрим, Белфаст / Antrim, Belfast	53
Дублин, Республика Ирландия / Dublin, Republic of Ireland	19
Belfast News-Letter (1828—1956)	11
Irish Independent (1891—2009)	7
Уэльс / Wales	14
Гламорган, Кардифф / Glamorgan, Cardiff	14
Western Mail (1869—1959)	10
доминионы и колонии / dominions and colonies	11
Пенджаб (Индия) / Punjab (India)	11
Civil and Military Gazettee (1876—1912)	11

Обращает на себя внимание, что большинство газет и журналов, в которых чаще всего освещались события, происходившие в Челябинске, издавались в столичных городах (Лондоне, Эдинбурге, Дублине, Кардиффе) и крупных промышленных центрах (Йоркшире, Абердине), жители которых

⁵ Всего — 1003 документа.

проявляли более серьезный интерес к процессам, происходившим в России, а затем — в Советском Союзе, чем жители аграрных регионов империи. Во-первых, это было связано с тем, что крупные города являлись важными меди-ацентрами, в частности, в секторе печатных СМИ. Во-вторых, этот интерес имел очень сложную природу. На наш взгляд, он базировался на двух главных компонентах, а именно: на более высоком уровне образования жителей крупных городов, что способствовало внимательному отношению к политическим процессам, происходившим за пределами империи, и на существовании собственных экономических интересов на территории России, а затем и Советского Союза, для защиты которых был необходима информация о событиях и процессах не только в Москве и Санкт-Петербурге / Ленинграде, но и в других городах и регионах.

Результаты содержательной обработки материала: когнитивно-матричный, когнитивно-дискурсивный, сравнительно-исторический анализ

Результаты, полученные в ходе содержательной обработки материалов британской прессы первой половины XX века (табл. 3), позволяют нам сделать ряд важных выводов.

Для многих читателей британских газет начала XX века понятие Челябинск носило ярко выраженный географический характер и было неразрывно связано с образом Транссибирской магистрали: *Journey on the Trans-Siberian railway. In about six hours we reached Tcheliabinsk, which is geographically speaking, in Asia, but is regarded as European for administrative purposes* (The Scotsman, 1902).

Очевидно, что для большинства жителей Британской империи в начале XX века город Челябинск был большой географической и исторической загадкой. Его точное расположение не смогли бы определить как простые британцы, так и представители политической и интеллектуальной элиты. Город «находился» на азиатской стороне Урала: (1) *on the Asiatic side of the Urals* (Pall Mall Gazette, 1900); на восточной стороне Уральских гор: (2) *on the eastern side of the Ural Mountains* (Northern Whig, 1915); в Сибири: (3) *in Siberia* (Daily Herald, 1930; Arbroath Guide, 1937); на Восточном Урале: (4) *in the Eastern Urals* (Irish Independent, 1918); на Южном Урале: (5) *in the Southern Urals* (Sheffield Evening Telegraph, 1918).

Примечательно, что для одних читателей Челябинск был «последним» европейским городом на этой трассе: *Chelyabinsk... is the last town in Europe* (Yorkshire Post and Leeds Intelligencer, 1901); для большинства — «первым» азиатским городом: *Cheliabinsk, the first station in Asia, is the outpost of a somewhat unpromising district* (Dublin Evening Mail, 1901). Пограничный, рубежный, транзитный характер Челябинска как крупного транспортного узла России стал основой для формирования разноплановых образов Челябинска.

Таблица 3 / Table 3

**Компоненты когнитивной матрицы Chelyabinsk в британском дискурсе XX века
(1900—1950) /
Components of cognitive matrix Chelyabinsk in the XX century British media discourse
(1900—1950)**

Периоды / Periods	Тексты / вхождения // Texts / occurrences	Компоненты / Components	% ⁶	Экстралингвистические факторы / Extralinguistic factors
1900—1910	297 / 338	территория политико- экономические особенности история / territory political and economic features history	59,5 39,9 0,6	Транссиб переселенческое движение Русско-японская война Первая русская революция / Trans-Siberian migration movement Russian-Japanese War The First Russian Revolution
1911—1920	223 / 246	территория политико- экономические особенности / territory political and economic features	52,1 47,9	Транссиб переселенческое движение Гражданская война / Trans-Siberian resettlement movement Civil War
1921—1930	31 / 38	территория политико- экономические особенности / territory political and economic features	55,3 44,7	Транссиб голод сельское хозяйство начало индустриализации / Trans-Siberian famine agriculture the beginning of industrialization
1931—1940	139 / 187	политико- экономические особенности территория религия / political and economic features territory religion	52,9 46 1,1	Челябинский тракторный завод индустриализация открытие и разработка месторождений (уголь, золото)// Chelyabinsk Tractor Plant industrialization discovery and development of deposits (coal, gold)
1941—1950	313 / 523 ⁷	политико- экономические особенности территория культура / political and economic features territory culture	76,1 19,5 4,4	Транссиб Вторая мировая война эвакуация заводов развитие промышленности открытие и разработка месторождений эвакуация Малого театра / Transsib World War II evacuation of factories industrial development discovery and development of deposits evacuation of the Maly Theater

⁶ За 100 % принимается количество «вхождений», отобранных в результате ручной обработки материала определенного хронологического среза.

⁷ Всего — 1332.

Следует подчеркнуть, что в начале века этот образ носил ярко выраженную негативную окраску: *It was a bedraggled leaden day. Asia doesn't meet us kindly. A fierce hurricane strikes the invading train. One lies awake for hours listening to the Valkarie shrieks of the storm and the bullet pelts of the driven rain against the carriage. We are in Asia geographically. But Russia has pushed her European frontier a couple of hundred versts to the east. Then in the tearful morning, with black clouds trailing on Earth, we rumbled down to Chelyabinsk. It is the last town in Europe* (Yorkshire Post and Leeds Intelligencer, 1901). Интересно, что в британском дискурсе этого периода создание общей атмосферы повествования, которая готовит читателя к «знакомству» с городом, часто достигается за счет образного описания состояния природы: унылое утро (плачущее — досл.); грязный, свинцово тяжелый день; завывания шторма, похожие на крики Валькирии⁸; грозовые тучи, волочащиеся по земле и застилающие все вокруг; ураганный ветер, который обрушивается на поезд; дождевые капли, что, словно пули, решают вагоны. Метафорические образы, характерные скорее для художественного, чем для публицистического произведения, подчеркивают единство мрачного настроения в природе и в жизни города.

Интенсификатором негативных эмотивных признаков образа Челябинска выступает пейзаж, представляющий столь же мрачный пространственный мир неприветливого, бесперспективного аграрного города и его окрестностей: *A Convicts and Emigrants' Junction (title). Then I explored Chelyabinsk. Conceive a field in which a cattle show has been held for a week, and it has been raining all the week. That will give you some idea of Chelyabinsk. The buildings are sheds, and the roadways mire. And yet it is a place that has been mattered in tears for centuries. All convicts and exiles for Siberia were marched over the Urals to Chelyabinsk* (Dundee Courier, 1901). Смыслы «мученического пути на какому», связанные с этапированием политических заключенных и ссыльных в Сибирь через Челябинск, акцентируют отрицательный аксиологический модус образа города. Челябинск «становится» перекрестком, где встречаются ссыльные и переселенцы.

Обращает на себя внимание преемственность образов, создающих атмосферу безысходности и ассоциативно связанных с Челябинском в британском дискурсе первого десятилетия XX века (дождь, грязь, слезы, заключенные): *A short stop is made at Chelyabinsk just before going through the pass in the mountains. Near here is erected the boundary stone where thousands of exiles have made their last tearful farewells to home and civilisation* (Worthing Herald, 1906). Это последний город в Европе, город, *утопающий в слезах*, в котором *плачет* даже утро и где *со слезами на глазах* прощаются с цивилизованным миром.

Негативная тональность в моделировании образа Челябинска сохраняется на протяжении последующих десятилетий (1911—1920, 1921—1930):

⁸ Др.-исл. *valkyrja* — «выбирающая мертвых».

1.90 p.m.: Arrived at Tcheliabinsk. Very flat and desolate country. Here and there large lakes. Good number of cattle about (Norwood News, 1912). Однако «декоративность», свойственная дискурсу начала века, все больше уступает место информативности, сухости изложения, передаче фактов в сжатом виде. Например, читатели британских газет получают представление о Челябинске как об одном из центров гражданской войны в России, через который прошли многие участники этого конфликта и последствиями которого стали чудовищные социальные и экономические издержки: *The main force of the Checho-Slavs and their supporters is now at Tcheliabinsk, on the Trans-Siberian railway near the Russo-Siberian border* (Irish Independent, 1918). *Chelyabinsk is short of provision and doctors. Homeless children... are now daily perishing by hunger* (Yorkshire Post and Leeds Intelligencer, 1921). До конца 20-х годов на страницах британских изданий Челябинск оставался неблагоустроенным городом земледельцев, основным двигателем развития которого была Транссибирская железная дорога.

Новый образ Челябинска стал формироваться в конце 20-х — начале 30-х годов: *A new tractor factory is projected in Cheliabinsk, in the Urals, with a capacity of 50.000 tractors a year* (Daily Herald, 1929). *Forty Soviet engineers are proceeding to the United States to-day to complete plans for the erection of the newest tractor factory at Cheliabinsk, Siberia* (Daily Herald, 1930). Он оказался неразрывно связан с процессами индустриализации, хорошо знакомыми образованному британскому читателю на примере собственного государства. На наш взгляд, процесс формирования этого образа остался незавершенным, но создал необходимые предпосылки для рождения еще одного — «военного» — образа Челябинска.

С началом Второй мировой войны на страницах британской прессы ядерные признаки, конституирующие образ Челябинска как мощного индустриального центра, закрепляются и прирастают новыми смыслами. Теперь для британского читателя Челябинск — это не только часть Транссибирской железной дороги, но и кузница победы, центр эвакуации населения. С аксиологической точки зрения подобные трансформации в структуре образа Челябинска отражают существенные признаки самого феномена войны: с одной стороны, война как деструктивное явление осуждается и порицается социумом, с другой стороны, война стимулирует развитие цивилизации и отдельных стран (регионов, городов). Антиномия подобного рода, проявляется в динамике образа Челябинска, сформированного на страницах британской прессы во время Второй мировой войны.

Лексико-семантическим центром создания образа Челябинска в военные годы становятся прилагательные, передающие индустриальную мощь и величие уральского промышленного центра (*mighty, giant, big, gigantic, great*), стертые метафоры (*mushroom growth*): *Based on the development of the iron and metallurgical Industry in the Ural, such gigantic engineering enterprises have come into being as the Chelyabinsk tractor plant, the Ural engineering works, all of which are organically linked up with the Ural metallurgical plants and ore mines*

(Leicester Evening Mail, 1941) <...> *Mighty Force That Broke Invincibility Legend. Chelyabinsk... provides the solid foundation for the Red Army's technique* (Northern Whig, 1942).

Наиболее действенным инструментом создания образа иностранного топонима в сознании носителей другой культуры является создание ассоциативного ряда, формальные, логико-семантические и аксиологические характеристики которого позволяют закрепить наиболее существенные и релевантные признаки изображаемого объекта. В отношении Челябинска к числу таких характеристик в британской прессе военного времени относится упоминание Челябинского тракторного завода, производство которого в анализируемый период времени было переориентировано на выпуск военной продукции: *At Chelyabinsk is the largest tractor plant in the Union* (Evening Post, 1941).

Промышленная мощь и развитие предприятий Челябинска и близлежащих городов основаны на богатых месторождениях полезных ископаемых — компонент когнитивной матрицы образа Челябинска военного времени, который представлен в британских СМИ указанного периода наиболее отчетливо: *The Urals are now the most important iron ore producing centre, giving 60 per cent, of the total Soviet output. The towns of Sverdlovsk, with a population of half million, and Chelyabinsk, with over a quarter million inhabitants, are built for this industry* (Aberdeen Press and Journal, 1942).

Интересным представляется и то, что британская пресса не только констатирует индустриальную силу Челябинска в определенный момент, но и стремится проследить динамику развития города: *Chelyabinsk increased fivefold from 60.000 in 1926 to about 300.000 in 1940. Cities like Chelyabinsk and Sverdlovsk are now industrial centres of world importance. The Chelyabinsk tractor works ranks among the largest of the world* (The Scotsman, 1942).

С целью более эффективного воздействия на целевую аудиторию журналисты прибегают к использованию реалий, наиболее знакомых британскому читателю; апелляция к национальному английскому виду спорта, футболу, дает возможность прочувствовать всю мощь изображаемого объекта: *Russia has built works besides which some of the world's largest industrial establishments would look small. The tractor factory at Chelyabinsk is so large that 12 League football matches could be played at the assembly shop alone, and still leave room for spectators* (Western Daily Press, 1941).

Другим действенным механизмом создания положительного образа Челябинска в британских СМИ во военное время является сравнение с британской схемой, разработанной правительством Великобритании в преддверии Второй мировой войны с целью удовлетворить насущную потребность в большом количестве самолетов, результатом которой стало строительство так называемых теневых заводов. Британские средства массовой информации приходят к выводу, что это сравнение не всегда в пользу Великобритании: *The "shadow factory" system was introduced in this area from the start — years before Britain had to make the move. Thus, the tractor works at Cheliabinsk were designed to switch over to tank production if needed* (Portsmouth Evening News, 1941).

В это же время на страницах британской прессы появляется знаменитое название Танкоград: *Tankograd (Tanktown) is the name given to the place to which the famous Kirov (formerly Putilov) plant, evacuated from Leningrad in October, 1941, now operating in Eastern Russia, as a gigantic reservoir for new tanks for the Red Army* (Gloucestershire Echo, 1944).

Таким образом, в ядерной зоне образа Челябинска в военное время находится индустриальная составляющая, которая атрибутирована богатым природным ресурсам. В послевоенное время Челябинск на страницах британской прессы также представлен как промышленный город, который производит разнообразную продукцию: *...Chelyabinsk with Europe's largest iron and steel plant, manufactures motor cars, bridge equipment, tools, and one-third of the Union's tractors* (Coventry Evening, 1949). В середине XX века Челябинск для британских читателей — это не просто географическое место на карте, а город с богатой историей и мощным потенциалом.

Заключение

В результате анализа средств создания образа Челябинска в британском медиадискурсе первой половины XX века мы приходим к выводу о том, что ценностная составляющая любого образа детерминирована широким историческим, экстралингвистическим и дискурсивным контекстами. На примере Челябинска ярко прослеживается тенденция смещения аксиологического модуса публикаций от создания негативного образа города до признания его особой роли в укреплении оборонной мощи Советского Союза. Такая траектория эволюции образа связана с целой совокупностью внешних (особенности политических, экономических, культурных отношений между Великобританией и Россией / Советским Союзом в первой половине XX века, развитием самого Челябинска, стремительным изменением его роли в жизни советского государства) и внутренних факторов (процессы, происходившие непосредственно внутри британского медиадискурса, связанные, в свою очередь, с особенностями развития средств массовой информации).

«Военный» образ Челябинска, появившийся на страницах британской прессы в годы Второй мировой войны, актуализировал многие смыслы и образы, хорошо знакомые британскому читателю, в первую очередь, образы промышленных центров, чьи природные богатства становились причиной бурного индустриального развития, повлиявшего на историческую судьбу не только отдельных регионов, но и страны в целом. Такого рода «выход» небольшого провинциального города на общегосударственный уровень в короткие исторические сроки был интересен различным группам британских читателей, часть из которых, возможно, считала такой исторический «путь» развития города закономерным и успешным. Именно «успешная» составляющая в образе Челябинска первой половины XX века заняла важное место и закрепила в нем, обеспечив ему тем самым, особое место в британском медиадискурсе середины XX века.

Изучение региональных топонимов имеет огромное значение не только для формирования представления о микротопониме, но и изучении представленности образа региона в контексте межгосударственных отношений.

Библиографический список

1. Эпштейн М.Н. Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 252—257.
2. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125—143.
3. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995.
4. Авдеенко И.А. Символ и художественный образ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1. С. 15—18.
5. Иванова А.Д. О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 11. С. 74—78.
6. Дмитриева Ю.Л. Языковой образ vs. художественный образ // Восточнославянская филология. 2017. Вып. 5 (31). С. 16—25.
7. Белоусова Ю.В. Генезис образа и его функционирование в медиапространстве. СПб.: Алетейя, 2015.
8. Всеволодова А.Н. Медиаобраз городов России в федеральных печатных СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 2. С. 152—158.
9. Гриднев Н.А. Телевизионный новостной образ Омска (на материале выпуском передачи «Новости здесь» телеканала «Продвижение») // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 51—63.
10. Колмогорова А.В., Мельникова М.И. Метафорические средства конструирования образа Красноярска в дискурсе социальных медиа // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 4 (73). С. 48—52.
11. Кондратьева О.Н. Стереотипный медиаобраз сибирского региона (по материалам российских СМИ XXI века) // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 222—236. <https://doi.org/10.17223/24099554/12/11>
12. Мальшева Е.Г. «Город мертв»: концентрация негативного в образе Омска // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 50—59.
13. Мальшева Е.Г., Гриднев Н.А. Реконструкция медиаобраза Омска (на материале текстов регионального телевизионного массово-информационного дискурса и данных ресурса «Медиалогия») // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). С. 57—61.
14. Huang J., Obracht-Prondzynska H., Kamrowska-Zaluska D., Sun Y., Li L. The image of the city on social media: a comparative study using “Big Data” and “Small Data” methods in the tri-city region in Poland // Landscape and Urban Planning. 2021. Iss. 206. P. 1—19. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2020.103977>
15. Priporas C.-V., Stylos N., Kamenidou I. City image, city brand personality and generation Z residents’ life satisfaction under economic crisis: predictors of city-related social media engagement // Journal of Business Research. 2020. Iss. 119. P. 453—463.
16. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межязыковой передачи. М.: Р. Валент, 2005.
17. Ермолович Д.И. Словесная механика. Избранные статьи о языке, переводе и культуре речи. М.: Р. Валент, 2012.

Лексикографические источники

1. BNA — The British Newspaper Archive. Режим доступа: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 01.02.2021).
2. CDWPN — The Concise Dictionary of World Place-Names. Oxford: OUP, 2014. Режим доступа: <https://www.oxfordreference.com> (дата обращения: 05.01.2021).

3. *CED* — Collins English Dictionary. 2014. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 09.01.2021).
4. *EB* — Encyclopedia Britannica. Режим доступа: <https://www.britannica.com> (дата обращения: 08.01.2021).
5. *GN* — GeoNames. Режим доступа: <http://www.geonames.org> (дата обращения: 06.01.2021).
6. *GTGN* — The Getty Thesaurus of Geographic Names. Режим доступа: <https://www.getty.edu> (дата обращения: 05.01.2021).
7. *OL* — Oxford Lexico. Режим доступа: <https://www.lexico.com> (дата обращения: 09.01.2021).

References

1. Jepshtejn, M.N. (1987). *Artistic image* In *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya publ. (In Russ.).
2. Shelestjuk, E.V (1997). To linguistic research of symbol. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 125—143. (In Russ.).
3. Losev, A.F. (1995). *Problem of symbol and realistic art*. Moscow: Iskusstvo publ. (In Russ.).
4. Avdeenko, I.A. (2014). Symbol and artistic image. *Philology. Theory & Practice*, 1, 15—18. (In Russ.).
5. Ivanova, A.D. (2016). About the terms of modern imagology. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11, 74—78. (In Russ.).
6. Dmitrieva, J.L. (2017). Language image vs. artistic image. *Vostochnoslavyanskaya filologiya*, 5, 31, 16—25. (In Russ.).
7. Belousova, J.V. (2015). *Image genesis and its functioning in media space*. St. Petersburg: Aleteyya publ. (In Russ.).
8. Vsevolodova, A.N. (2013). Media image of Russian cities in federal print mass media. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2, 152—158. (In Russ.).
9. Gridnev, N.A. (2016). Media image of Omsk in TV news (based on “Novosti zdes” TV program of “Prodvizhenie” channel). *Communication Studies*, 2(8), 51—63. (In Russ.).
10. Kolmogorova, A.V. & Melnikova, M.I. (2020). Metaphorical means of constructing the image of Krasnoyarsk in social media discourse. *Evrasiyskiy Soyuz Uchenykh*, 4(73), 48—52. (In Russ.).
11. Kondratyeva, O.N. (2019). The stereotypical media image of the Siberian region (based on the materials of the Russian media of the 21st century. *Imagology and Comparative Studies*, 12, 222—236. <https://doi.org/10.17223/24099554/12/11> (In Russ.).
12. Malysheva, E.G. (2014). “City of the dead”: the concentration of negative image of Omsk. *Communication Studies*, 2, 50—59. (In Russ.).
13. Malysheva, E.G. & Gridnev, N.A. (2017). Reconstruction of Omsk media image (on the material of teksts of regional television mass-information discourse and data of resource “Medialogy”). Review of Omsk State Pedagogical University. *Gumanitarnye issledovaniya*, 4(17), 57—61. (In Russ.).
14. Huang, J., Obracht-Prondzyska, H., Kamrowska-Zaluska, D., Sun, Y., & Li, L. (2021). The image of the city on social media: a comparative study using “Big Data” and “Small Data” methods in the tri-city region in Poland. *Landscape and Urban Planning*, 206, 1—19. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2020.103977>
15. Priporas, C.-V., Stylos, N. & Kamenidou, I. (2020). City image, city brand personality and generation Z residents’ life satisfaction under economic crisis: predictors of city-related social media engagement. *Journal of Business Research*, 119, 453—463. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.05.019>
16. Ermolovich, D.I. (2005). *Proper names: theory and practice of translation*. Moscow: R. Valent publ. (In Russ.).
17. Ermolovich, D.I. (2012). *Verbal mechanics. Selected articles on language, translation and speech culture*. Moscow: R. Valent publ. (In Russ.).

Dictionaries

1. Collins English Dictionary (2014). URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 09.01.2021).
2. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com> (accessed: 08.01.2021).
3. GeoNames. URL: <http://www.geonames.org>. (accessed: 06.01.2021).
4. Oxford Lexico. URL: <https://www.lexico.com>. (accessed: 09.01.2021).
5. The British Newspaper Archive. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (accessed: 01.02.2021).
6. The Concise Dictionary of World Place-Names (2014). Oxford: OUP. URL: <https://www.oxfordreference.com>. (accessed: 05.01.2021).
7. The Getty Thesaurus of Geographic Names. URL: <https://www.getty.edu>. (accessed: 05.01.2021).

Сведения об авторах:

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета; *сфера научных интересов*: топонимика, имагология, лингвополитическая прогностика, дискурсология, диахроническая лингвистика; *e-mail*: o-solopova@bk.ru eLIBRARY SPIN-код: 6992-0076; Scopus Author ID: 56642838600; ResearcherID: R-8524-2017.

Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета; *сфера научных интересов*: топонимика, имагология, политическая лингвистика, дискурсология, жанроведение; *e-mail*: nkoshka@rambler.ru eLIBRARY SPIN-код: 3844-0536; Scopus Author ID: 56998819700.

Сибиряков Игорь Вячеславович, доктор исторических наук профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета; *сфера научных интересов*: политическая и культурная история, история Южного Урала, «места памяти», имагология; *e-mail*: sibirjkovig@mail.ru eLIBRARY SPIN-код: 3918-4851, Researcher ID: B-3861-2019; Scopus ID: 57200275403.

Information about the authors:

Olga A. Solopova, PhD (Advanced Doctorate) in Philology, Professor, Professor at the Department of Linguistics and Translation, Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (National Research University); *Research interests*: toponymy, imagology, linguistic political prognostics, discourse analysis, diachronic linguistics; *e-mail*: o-solopova@bk.ru eLIBRARY SPIN: 6992-0076; Scopus Author ID: 56642838600; ResearcherID: R-8524-2017.

Natalya N. Koshkarova, PhD (Advanced Doctorate) in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (National Research University); *Research interests*: toponymy, imagology, political linguistics, discourse analysis, genre studies; *e-mail*: nkoshka@rambler.ru eLIBRARY SPIN code: 3844-0536; Scopus Author ID: 56998819700.

Igor V. Sibirjakov, PhD (Advanced Doctorate) in Historical Sciences, Professor, Professor at the Department of National and Foreign History, Institute of Media and Social Sciences and Humanities, South Ural State University (National Research University); *Research interests*: political and cultural history, history of South Urals, “memory” places, imagology; *e-mail*: sibirjkovig@mail.ru eLIBRARY SPIN- code: 3918-4851, Researcher ID: B-3861-2019; Scopus ID: 57200275403.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-27-44

UDC [811.111:811.411.21]42:316.36

Research article / Научная статья

Terms of Endearment in American English and Syrian Arabic Family Discourse

Amr A.A. Khalil , Tatiana V. Larina Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198 larina-tv@rudn.university

Abstract. Each culture has its own system of address forms, which vary not only across languages but across the varieties of the same language. This fact confirms the impact that sociocultural factors assert on the set of address forms and their functioning. The present study is focused on a sub-category of address forms, namely, terms of endearment, which are explored in American English and Syrian Arabic family discourse. The study aims to specify the set of the terms of endearment in two contexts and reveal similarities and differences in their usage related to their pragmatic meaning, im/politeness, and communicative values. It also investigates how frequently and in what contexts terms of endearment are used in the American and Syrian family circle. The dataset, which includes 312 interactions with 199 terms of endearment (87 English and 112 Arabic) were obtained from 20 hours of American drama television series, “This is us” and 25 hours of a Syrian drama television series, “Rouzana”. The data were categorized and analyzed qualitatively and quantitatively implementing discourse analysis theory, politeness theory, and cultural studies. The results of our analysis have shown that the American English and Syrian Arabic terms of endearment are used as indicators of personal attitude and emotion, as well as markers of informality, closeness, and emotive politeness. They indicate that in Syrian Arabic, terms of endearment can also express respect and deference, they are more variable, expressive, and conventional which may suggest that they are a salient feature of the Arabic family discourse. The findings of the present paper add to the existing writings on forms of address and can be useful for further research in sociolinguistics, cross-cultural pragmatics, and intercultural communication.

Keywords: emotive politeness, endearment terms, family discourse, linguacultural identity, American English, Syrian Arabic

Financing. Acknowledgement

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Article history:

Received: 01.09.2021

Accepted: 15.11.2021

For citation:

Khalil, A.A.A. & Larina, T.V. (2022). Terms of Endearment in American English and Syrian Arabic Family Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 27–44. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-27-44>

© Khalil A.A.A., Larina T.V., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК [811.111:811.411.21]’42:316.36

Ласковые формы обращения в американском английском и сирийском арабском семейном дискурсе

А.А.А. Халил , Т.В. Ларина

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 larina-tv@rudn.university

Аннотация. В каждой культуре есть своя система форм обращения, которые различаются не только в разных языках, но и в вариантах одного и того же языка. Этот факт подтверждает влияние социокультурных факторов на набор форм обращения и их функционирование. В центре данного исследования — одна из категорий форм обращения, а именно ласковые формы, которые исследуются в американском английском и сирийском арабском семейном дискурсе. Цель исследования — уточнить набор ласковых форм обращения в рассматриваемых лингвокультурных контекстах, выявить сходства и различия в их использовании в отношении прагматического значения, не/вежливости и коммуникативных ценностей. В фокусе внимания также частотность использования данных форм обращения и контексты их употребления. Материалом послужили 312 ситуаций с 199 случаями употребления ласковых форм обращения (87 английских и 112 арабских), полученных при просмотре 20 часов американского телесериала “This is us” (Это мы) и 25 часов сирийского телесериала “Rouzana” (Рузана). Данные были классифицированы и проанализированы качественно и количественно с применением дискурс-анализа, теории вежливости и культурологического анализа. Результаты исследования показывают, что в обеих лингвокультурах ласковые обращения используются как для выражения личного отношения и эмоций, так и в качестве маркеров неформальности, близости и эмоциональной вежливости. При этом было выявлено, что в сирийском арабском ласковые формы обращения также используются для выражения почтения, они более разнообразны, экспрессивны и частотны, что позволяет предположить, что они являются важной характеристикой арабского семейного дискурса. Результаты исследования дополняют имеющуюся литературу о формах обращения и могут быть использованы для дальнейших исследований в области социолингвистики, кросс-культурной прагматики и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: эмотивная вежливость, ласковые формы обращения, семейный дискурс лингвокультурная идентичность, американский английский, сирийский арабский

Финансирование. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

Для цитирования:

Khalil A.A.A., Larina T.V. Terms of Endearment in American English and Syrian Arabic Family Discourse // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 27—44. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-27-44>

Introduction

Address forms continuously draw scholarly attention in semantics, pragmatics, sociolinguistics and intercultural communication [e.g., 1—6 among many others]. They explicate and reflect the norms of a specific speech community and provide significant information about its social structure. From a sociolinguistic point of view, they can be perceived as a starting point leading to a good understanding of the relationships among the members of a community, and the way how these relationships are structured both socially and strategically [e.g., 7—11]. The strategies that people employ to address one another play a significant role in defining their relationships [c.f. 5. P. 2]. G. Leech [7] asserts that address forms, such as titles, endearment terms, personal names, nicknames, etc. are very critical for maintaining and establishing social bonds.

The role of social context, including such factors as the degree of intimacy, and distance, as well as age, gender, social status, are crucial in the choice of address forms [e.g., 12]. As numerous cross-cultural studies show, in addition to social context, cultural context also has a significant impact on the set of address forms and their functioning [2; 13—16]. Additionally, address forms are a significant means to convey cultural messages and contain information about the norms, values, and social practices of a given society.

Each culture has its own system of address forms, which vary not only across languages [e.g., 2; 5; 6; 17—19] but across the varieties of the same language [e.g., 6, 7; 13; 14; 20—22;] which reaffirms the impact that sociocultural factors have on the set of address forms and their functioning. Address forms represent a principal feature of identity [e.g., 23; 11; 19], and encode cultural, social, and religious values of the interlocutors in addition to their understanding of (im)polite behavior. Issues of identity, face, exclusion, and inclusion are crucial in the choice of address forms [2. P. 398].

Address forms have occupied a prominent place in sociolinguistic research since the mid-1950s, whereas terms of endearment have not been paid due consideration in comparison with other sub-categories. The study of these terms is of considerable interest, since they embrace a wide range of issues related to identity, in/formality, im/politeness, and emotions among others.

To fill this lacuna the present study focuses on terms of endearment in American English and Syrian Arabic family discourse and aims to specify the commonalities and differences in the set of endearment terms and their usage with regard to their pragmatic meaning, im/politeness features, and communicative values. The study also investigates how conventionally, how frequently, and in what contexts these terms of endearment are used in American English and Syrian Arabic within the family circle.

Theoretical background

Terms of endearment can be regarded as expressions that convey intimacy; they are usually used to address those who are close to the speaker. D. Crystal [24. P. 169], for instance, states that terms of endearment are defined in

sociolinguistics as words of address such as *love*, *honey*, *mate*, etc. that speakers use to address others such as people with whom they regard their relationship to be intimate. Endearment terms also represent verbal expressions employed to address one's family members and friends in order to strengthen relationships and show intimacy [e.g., 25; 26]. In addition, they refer to expressions or words used in a dyadic, interactive and face-to-face situation for the purpose of describing or addressing a person for whom a speaker feels affection or love [27. P. 92].

Social factors, such as gender and social status of a speaker and an addressee may play a crucial role in the choice of an endearment term when it comes to addressing those who are not sexually or emotionally intimate. According to R. Lakoff [28], saleswomen and other female personnel may use terms of endearment to address men and women, i.e., adult strangers while heterosexual men use such terms to address only women provided that they are absolutely in “an inferior position” [28. P. 99]. Male dentists, doctors, and gynecologists use terms of endearment, such as *dear* to address their female patients but they do not use them to address male patients [ibid].

The use of endearment terms is governed by both context and function rather than semantic or formal characteristics [1]. They are conventionalized to a certain degree; however, the imagination and linguistic creativity of the speaker are also significant [ibid]. Correspondingly, Z. Griffin [29] states that endearment terms are not always identical to the addressee's characteristics. Thus, the speaker may use *honey*, *honey bunny*, *love*, *sweetie*, etc. depending on his/her preferences. The use of *mate* among Australian English speakers, for example, is perceived as a friendly term or an endearment term when used to address women and men in a relaxed, causal context [21. P. 253].

Terms of endearment, depending on the context and function, are regarded not only as means that establish the interlocutor's relationship through expressing the speakers' feelings but also as means of condescension [30]. For instance, Afro-Americans recognize a difference in the meaning of the term *nigga* uttered by an in-group member (Afro-American) or an out-group member (White). When used by in-group members, the term *nigga* is seen as an endearment term, but when used by out-group members it is considered offensive [31]. Moreover, terms of endearment can be also utilized for providing emotional support, i.e., vocatives may shift to mirror the actual attitude of the speaker regarding the relationship, addressee, or even the message to be transferred [21]. This is clear when the speakers use endearment terms, such as *sweetie* to support their addressee emotionally.

Terms of endearment deal with emotions of speakers and their attitude to an addressee. However, while analyzing their pragmatic meaning it is essential to distinguish between emotions and emotives resulting in a distinction between emotive and emotional communication [32; 33]. R. Janney and H. Arndt [32] maintain that emotive communication refers to a conscious and strategic use of “affective displays” in various social occasions in order to influence someone's interpretations and perceptions of conversational events, while emotional communication refers to “affective displays” that are unplanned, spontaneous physical outcomes of feeling the underlying emotional state [32. P. 27].

Emotive communication deals with emotive politeness [34; 35] rather than display of feelings. There is a correlation between the domain of emotive communication and positive politeness, which exhibits communication strategies of sympathy and approval, avoiding disagreement, seeking agreement, seeking common ground, *inter alia* [36]. Such terms of address as *love* and *mate* can be seen as markers of solidarity and positive politeness [20. P. 7]. However, we would like to note that we view positive politeness and terms of endearment not only as expressions of solidarity, informality, and familiarity which is relevant in Western cultures but also as a way of showing respect and deference.

Just like address forms in general the use of terms of endearment varies from one culture to another. Some scholars note that in such speech communities where there is a tendency towards lesser addressee-orientation and greater content orientation, the frequency of endearment terms is less as compared with communities enjoying a greater addressee orientation [20. P. 13]. In some cultures, using terms of endearment seems to be almost exclusive to parents, when addressing their children and not vice versa [37].

In this paper, we aim to show that terms of endearment are a socially and culturally constructed phenomenon that is associated with both situational and cultural expectations relating to their pragmatic meaning, politeness and impoliteness, formality and informality, and contextual acceptability.

Data and Methodology

The data for the study were obtained from viewing 20 hours of the American drama TV series, “This is us” (2016), and 25 hours of a Syrian drama TV series, “Rouzana” (2018). They were produced almost at the same time and describe the lives of families with their children. We analyzed 312 interactions (155 from the American series and 157 from the Syrian one) where terms of endearment were used 199 times (87 English and 112 Arabic). The data were categorized and analyzed qualitatively and quantitatively drawing on Politeness Theory [8; 9; 36; 38—44, etc.], discourse-pragmatic approach to emotion [33; 45; 46, among others], and Cultural Studies [47; 48].

Implementing both the qualitative and quantitative analyses, we focused on defining the set of the terms of endearment in American English and Syrian Arabic, specifying their pragmatic meaning, and finding out in what contexts they are used conventionally. We have also attempted to explain the revealed differences taking politeness strategies and communicative values into account.

Data analysis

Lexical characteristics of terms of endearment in American and Syrian family discourse

The results of the analysis have revealed some similarities and differences concerning both — the terms of endearment and their functioning in the two cultural contexts. Our findings show that the set of linguistic terms of endearment in

American English is rather limited when compared with the Syrian Arabic terms. The most frequently used terms of endearment in American English disclosed in the present study are *baby/babe*, *sweetheart*, *sweetie*, and *honey*. From a lexical point of view, they correspond to conceptual categories of food (e.g., *honey*, *sweetness*) and conceptual categories of children (e.g., *baby/babe*, *kiddo*). The Syrian endearment terms, on the other hand, correspond mainly to the categories of love, soul, and heart (e.g. *Habib Albi*_(Masc.) ‘love of my heart’ *Habibi*_(Masc.) ‘my beloved one’, etc.).

The set of Syrian Arabic endearment terms demonstrates more variability. They are more descriptive and metaphorical (e.g., *Rouhi* ‘my soul’, *Eyoon Emmak* ‘eyes of your mother, etc.). Superlative expressions of endearment in Syrian Arabic, such as *Ahla Em* ‘the sweetest mother’, *Atiab Em* ‘the kindest mother’, *Ahsan Akh* ‘the best brother’ are also to be found. Other terms include expressions of endearment coined from the addressees’ first names. Some of these terms undergo phonological processes, such as insertion or deletion of vowels and consonants whereas others undergo reduplication. *Damdoom* or *Damdoomeh*, for instance, can be derived from *Dima* and *Rezzeh* can be derived from *Razan*. This coinage makes the personal name sound lovelier and more adorable. Moreover, most of the endearment terms found in the material related to Syrian are characterized by the possessive pronoun ‘my’ that shows intimacy and closeness (e.g., *Habibi*_(Masc.) and *Habibti*_(Fem.) ‘my beloved one’).

In the section below we present our findings related to the functioning of the terms of endearment where some discursive differences have been revealed.

Discursive characteristics of terms of endearment in American and Syrian family setting

Terms of endearment in the American family discourse

According to our findings, terms of endearment are frequently used in the American family discourse among spouses and to address one’s own children, grandchildren, nieces, and nephews. 155 occurrences within the American family sitting were analyzed in which terms of endearment were expressed 87 times (see Table 1).

In the material related to American discourse, wives and husbands interacted 49 times, during which endearment terms were employed 51 times (29 were used by wives and 22 by husbands). They were used both in private (36 times) and in the presence of other people (15 times). The terms of endearment used were *baby/babe*, *honey*, and *beautiful*. The most frequent terms among spouses were *baby/babe* (45) times (see table 1).

- (1) Rebecca: All right, *baby*. Bye, see you later (A wife talking to her husband in private).
- (2) Rebecca: You suck, Bradshaw! Come on, man.
Jack: *Babe*... The man has three Super Bowl rings (A husband talking to his wife in public).

Table 1 / Таблица 1

**American terms of endearment in family setting /
Ласковые формы обращения в семейном дискурсе американского английского**

Family Total situation count: 155									
Setting	wife	husband	parent	child	aunt/ uncle	nephew/ niece	grand- parent	grand- child	sibling
	husband	wife	child	parent	nephew/ niece	aunt/ uncle	grand- child	grand- parent	sibling
Situation count	49		56		9		6		35
Frequency	29	22	27	∅	7	∅	2	∅	∅
Terms used	baby/ babe (25) honey (4)	baby/ babe (20) honey (1) beautiful (1)	baby/ babe (15) sweetheart (5) honey (2) kiddo (2) sweetness (1) my love (1) beautiful (1)	∅	baby (1) sweetheart (3) honey (2) kiddo (1)	∅	baby (2)	∅	∅

American parents use endearment terms to address their children quite often and regardless of their age. Our data consisting of 56 parent-children interactions reveal that terms of endearment (e.g. *baby/babe*, *sweetheart*, *kiddo*, *honey*, *sweetness*, *my love* and *beautiful*) were used 27 times.

- (3) Randall: Come on, Annie! Go get the ball, *honey*! (A father encouraging his 6-year-old daughter).
- (4) Rebecca: Hey, *sweetheart*, um...we should find some time to talk today (A mother talking to her 36-year son).

It is noteworthy to mention here that using endearment terms in American English is very prominent when the parent addresses the child. In our material, none of the sons and daughters used endearment terms to address their parents. A similar asymmetry can be observed in conversations between grandparents — grandchildren as well as uncles/aunts — nephews/nieces.

- (5) Tess: Grandma and grandpa are here! Hi, *grandpa* (A 12-year-old girl greeting her grandfather).
- (6) Rebecca: Hi, *baby* (A grandmother greeting her 5-year-old granddaughter).
- (7) Tess: Uncle Kevin, what are you writing in your book?
Kevin: Play, *sweetheart*. It's a play. (A 36-year old uncle talking to his 12-year old niece)

(8) Kevin: *Sweetheart*, ghosts aren't real (A 36-year old uncle explaining to his 5-year old niece).

Annie: So what happens when you die?

Kevin: What happens when you die is... you die.

Annie: Forever?

Kevin: Sure... or not. I do not know. *Honey*, here is the thing, you know...

American siblings do not appear to demonstrate a tendency to use endearment terms while talking to each other. In our material, in 35 analyzed occurrences, no endearment terms were employed.

Discursive characteristics of terms of endearment in Syrian family setting

Our findings show that in Syrian families terms of endearment are used more frequently. We analyzed 157 occurrences within the Syrian family setting in which terms of endearment were observed 112 times. They were used as address forms among spouses and to address one's own children, grandchildren, nieces, and nephews. In contrast to the American data, they were also used by children, grandchildren, nieces and nephews to address their parents, grandparents, uncles and aunts correspondingly. They were also observed among siblings (see Table 2).

Table 2 / Таблица 2

**Syrian Arabic terms of endearment in family setting /
Ласковые формы обращения в семейном дискурсе сирийского арабского языка**

Family Total situation count: 157									
Setting	wife	husband	parent	child	aunt/ uncle	nephew/ niece	grand- parent	grand- child	sibling
	husband	wife	child	parent	nephew/ niece	aunt/ uncle	grand- child	grand- parent	sibling
Situation count	51		55		9		6		36
Frequency	22	4	48	3	5	1	5	1	23
Terms used	habibi (14) rouhi (8)	effo (4)	habibti (12) habibi (10) rouhi (18) rouh emmak (2) eyoon emmak (2) habib albi (4)	ahla em (2) ahla ab (1)	habibi (5)	habibti (1)	hbibi (4) rouhi (1)	habibti (1)	damdoom/ damdoomeh (8) rezzeh (8) habibi (2) rouhi (4) habibti (1)

In the material analyzed, Syrian spouses have interacted 51 times, during which endearment terms have been used 26 times (22 by wives and 4 by husbands). These are — *Rouhi* ‘my soul’, *Habibi*_(Masc.) ‘my beloved one’ and *Effo* ‘endearment of Afaf’. Our findings testify that in the Syrian culture the use of terms of endearment among spouses is highly context-dependent. For instance, Syrian spouses may use terms of endearment as well as first names exclusively to address one another in private but avoid using them in the presence of their children, some relatives (e.g., cousins, brothers, sisters, etc.), or casual acquaintances, since this would be considered a violation of societal norms.

- (9) Em Basem: Wake up or you will be late for work, *my beloved one* (A wife waking up her sleeping husband).

إم باسم: فيق حبيبي أحسن ما تتأخر عالشغل.

- (10) Hesham: O, *Effo*, why does this drink have a taste of diesel? (A husband talking to his wife in private)

هشام: يا عفو، ليش هالمشروب طعمو مازوت؟

In the presence of other people, such as acquaintances or close relatives, teknonyms are the most acceptable forms of address. Teknonymy is the practice of designating people according to the names of their children, parents, brothers, and sisters, etc. (e.g., mother of A, father of A, sister of A, etc.) [1. P. 9]. The following example is presented to illustrate it.

- (11) Abu Basem: Em Basem, what do you think? (A husband talking to his wife in the presence of his employee and his daughter).

أبو باسم: شو رأيك إم باسم.

Parent-children interactions occurred 55 times in the material analyzed, in which terms of endearment were used 51 times (48 by parents and 3 by their children). The terms of endearment used were *Habibi*_(Masc.) and *Habibti*_(Fem.) ‘My beloved one, *Rouhi* ‘my soul’, *Rouh Emmak* ‘soul of your mom’, *Habib Albi*_(Masc.) ‘love of my heart’ and *Eyoon Emmak* ‘eyes of your mother’. According to our results, Syrian parents use terms of endearment to address their children regardless of their age.

- (12) Em Basem: O, *My soul*, seeing you this way breaks my heart. O, *the soul of your mother*, and *the eyes of your mother*. *My soul*, get up (A mother talking to her comatose son).

إم باسم: يا روحي، شوفتك بهالحالة بتقطع قلبي. يا روح إمك، يا عيون إمك. يا روحي، فيق.

As mentioned earlier, terms of endearment in Syria do not seem to be exclusive to parents as sons and daughters may use these terms to address their parents.

- (13) Razan: Here is the coffee. Good morning to *the sweetest mom ever* (An adult daughter addressing her mother).

رزان: هي القهوة. صباح الخير لأحلى إم بالدنيا.

- (14) Razan: Okay, *the sweetest father ever*. (An adult daughter talking to her father).

رزان: ماشي يا أحلى أب بالدنيا.

Uncles as well as aunts use endearment terms to address their young nephews and nieces. Such terms can also be used to address adult nephews and nieces especially when the relationship among uncles/aunts and nephews/nieces is close.

- (15) Razan: *My beloved one*, Wael, she is not upset, but she has a headache
(An adult maternal aunt talking to her 4-year-old nephew).

رزان: حبيبي، وائل ماما مو ز علانة بس هي راسا واجعا.

Our data shows that nieces and nephews may use endearment terms to address their uncles and aunts, especially when their relationship with their uncles and aunts is close. 9 aunt/uncle- nephew/niece interactions were analyzed during which endearment terms were used 6 times. Terms of endearment observed among uncles/aunts and nephews/nieces and vice versa were *Habibi*(*Masc.*) and *Habibti*(*Fem.*) ‘My beloved one’.

- (16) Anwar: My maternal aunt, O, *my beloved one*, please go back to work
(An adult nephew trying to persuade his maternal aunt).

أنور: يا خالتي يا حبيبتي، خلص روعي عالشغل.

Similarly, grandparents employ endearment terms to address their grandchildren. Interactions between grandparents and grandchildren occurred 6 times, during which terms of endearment were used all 6 times; they are *Habibi*(*Masc.*) and *Habibti*(*Fem.*) ‘My beloved one; and *Rouhi* ‘my soul’. These terms were used 5 times by grandparents and once by grandchildren.

- (17) Em Basem: Bon appetite, *my soul*. Okay, *my beloved one*, you can go to play now (A grandmother talking to her 4-year old grandson).

إم باسم: صحة وهنا يا روعي. طيب حبيبي، فيك تروح تلعب.

- (18) Jood: O, *my beloved one*, O, grandmother, May God be your guardian
(A 30-year-old grandson talking to his grandmother).

جود: يا حبيبتي يا نيتة، الله يخلينا اياكي.

In contrast to the American data, we find that Syrian siblings, especially adult females, make use of endearment terms to address each other. Interactions among siblings occurred 36 times, in which terms of endearment were used 23 times: *Damdoom / Damdoomeh* ‘endearment term of Dima’, *Rezzeh* ‘Endearment term of Razan’, *Habibi*(*Masc.*) ‘My beloved one’ and *Rouhi* ‘my soul’.

- (19) Dima: Basem, this is your friend, Salem, who came from Aleppo to see you. Wake up! Wake up, *my beloved one* (An adult sister talking to her adult brother)

ديمة: باسم، هي سالم رفيقك اجى من حلب مخصوص ليشوفك. فيق حبيبي، فيق.

- (20) Basem: *Damdoomeh*, what is the matter? (An adult brother talking to his sister)

باسم: دمدومة، شبيك؟

Discussion

The study has revealed both similarities and differences regarding the set of terms of endearment in American English and Syrian Arabic and their functioning in the family setting. Syrian terms of endearment seem to be more expressive, descriptive, and metaphorical than the American English ones. They are more diverse and include superlative expressions and coined terms of endearment. In addition, most of the endearment terms found in the Syrian data are used in combination with

the possessive pronoun ‘my’ that shows intimacy and closeness as innate values and indicates we-identity [49] of the representatives of the Syrian culture.

The data show that in both cultures terms of endearment are used among family members within informal or casual contexts to show intimacy and affection, which may be extended to express sympathy and compassion towards the addressee. Although endearment terms may be used as markers of emotive politeness in both cultures, their use does not seem identical. The revealed differences concern the frequency of use of endearment terms and the contexts in which they are used.

The regular use of endearment terms within the Syrian family setting (112 times out of 157 situations) suggests that they may be considered a conventional discursive practice; however, there are some contextual limitations for their use. While American spouses deploy these terms both in private and in public, the Syrian ones use them only in private and consider it inappropriate to do so in the presence of other people, even if they are close relatives or acquaintances (see examples 1, 2, 9, and 10). This may suggest that in the Syrian context, the terms of endearment used among spouses express personal feelings and cannot be considered as markers of emotive politeness.

American and Syrian parents use terms of endearment to address their children to show their affection (see examples 3, 4 and 12). Moreover, the analyzed interactions have shown that American children do not use endearment terms to address their parents in contrast to the Syrian ones, who use such terms to address their parents (see tables 1 and 2). This use seems to be a conventional discursive practice in the Syrian culture. It shows respect to parents, which is one of the important communicative values. The importance of saying loving words to parents is manifested in the Qur’anic verse:

“Whether one or both of them reach old age [while] with you, say not to them [so much as], "uff,"² and do not repel them but speak to them a noble word”³.

The same feature can be seen in the interaction of grandparents, uncles, and aunts who deploy endearment terms to address their grandchildren, nephews, nieces in the American and Syrian cultures (see tables 1 and 2). Nevertheless, none of the analyzed American interactions has revealed that grandchildren, nephews and nieces use endearment terms to address their grandparents, uncles, aunts in contrast to Syrian nephews, nieces and grandchildren. (See examples 16 and 18). These facts allow us to suggest that in asymmetrical contexts from bottom to top, terms of endearment in Syrian Arabic are used to express respect rather than solidarity.

The findings of the study have not revealed that endearment terms can be used among American siblings. By contrast, the Syrian siblings use endearment terms frequently to address each other, as it is a good strategy to establish closeness and intimacy characterizing the polite communicative behavior among siblings in the Syrian culture (see examples 19 and 20). The findings show that in the Syrian context terms of endearments are mostly used by females.

---

² An expression of disapproval or irritation.

³ The Qur’an, 26:23

To sum it up, the use of endearment terms among Syrian family members such as parent ↔ child, uncle/aunt ↔ nephew/niece, sibling ↔ sibling and grandparent ↔ grandchild may refer to a salient discursive practice in the Syrian culture. This can be seen often when a family member leaves the house to go somewhere, or when they come home, some specific prayers and nice words (e.g., endearment terms) are conventionally used. For instance, if an adult son tells his mother that he is going to visit his friend for a couple of hours, the following conversation may occur:

- (21) Son: Mom, I am going to visit my friend for a couple of hours.
Mother: Okay. May God protect you, *my beloved one*. (From personal observation)

الابن: إمي، بدي روح لعند رفيقي ساعتين زمن.
الأم: طيب، الله يحميك، حبيبي.

Although studying terms of endearment beyond family circle was not in the purview of our study, we have observed in our material that American and Syrian boyfriends and girlfriends employ terms of endearment to address one another. However, while American boyfriends and girlfriends use terms of endearment both in private and in public, the Syrian ones only use them in private, the same as spouses do. This observation reinforces our assumption that in these situations endearment terms are used to express feelings rather than emotive politeness. On the other hand, Syrian friends and acquaintances use terms of endearment (e.g., *Habibi*_(Masc.) and *Habibti*_(Fem.) ‘My beloved one’) to address each other unless they are of an opposite gender (see examples 22, 23). In such contexts, terms of endearment can be considered markers of emotive politeness; they show solidarity and closeness rather than feelings.

- (22) Basem: Have you brought the accounting software that we talked about?
باسم: جيت برنامج المحاسبة يلي حكينا عنو؟

Salem: Yes, I have brought it, *my beloved one* (A male friend talking to his male friend).

سالم: إي حبيبي جيتو.

- (23) Em Jood: Hello. How are you? *My beloved one*, where is the white envelope? (A woman talking to her son’s female friend)

إم جود: مرحبا، كيفك؟ حبيبتني، وين الظرف الأبيض؟

We would like to add that it is difficult to distinguish between the emotive and emotional use of endearment terms especially in the family context. We can only generalize with caution regarding emotives and emotions because it is not easy to know for sure what members of a specific speech community really feel or want to express. Further research would help us to obtain some conclusive results.

Concluding remarks

The present study focused on the terms of endearment in American English and Syrian Arabic family discourse. We aimed to reveal similarities and differences in their usage in the two contexts relating to their pragmatic meaning, politeness

and impoliteness features and communicative values. We also investigated how frequently and in what contexts the terms of endearment are used in American and Syrian family circle.

Our contrastive analysis has revealed both similarities and differences in the two language systems and has shown that terms of endearment are a socially constructed phenomenon that is associated with both situational and cultural expectations. The results of our analysis have shown that American English and Syrian Arabic terms of endearment, depending on the function and context, can be used as indicators of personal attitude and emotion, as well as markers of informality, closeness and emotive politeness. The results indicate that in Syrian Arabic, terms of endearment can also express respect and deference; they are more variable, expressive and conventional, which may suggest that they are a salient characteristic of the Arabic family discourse. The findings show that the functioning of terms of endearment as well as other categories of terms of address is largely determined by cultural values and identity of speakers.

The findings of the present paper add to the existing literature on forms of address and can be useful for further research in sociolinguistics, cross-cultural pragmatics and intercultural communication. For a broader perspective, further studies of terms of endearment in other social and cultural contexts need to be conducted

References

1. Braun, F. (1988). *Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures*. New York: Mouton De Gruyter. pp. 53—69.
2. Clyne, M. (2009). Address in intercultural communication across languages. *Intercultural Pragmatics*, 6(3), 395—409.
3. Clyne, M., Norrby, C. & Warren, J. (2009). *Language and Human Relations: Style of Address in Contemporary Language*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511576690>
4. Kluge, B. & Moyna, M.I. (2019). *It's Not All About You: New Perspectives on Address Research (Topics in Address Research)*. Amsterdam: John Benjamins Pub Co.
5. Norrby, C. & Wide, C. (2015). Introduction: Address practice as social action across cultures and contexts. In: *Address Practice as Social Action: European Perspectives*, Catrin Norrby & Camilla Wide (eds.). Houndsmills-Basingstoke: Palgrave Macmillan. pp. 1—12.
6. Ozyumenko, V. (2020). Addressing a judge in national varieties of English. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (1), 137—157. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-137-157> (In Russ.).
7. Leech, G. (1999). The distribution and function of vocatives in American and British English conversation. In: *Out of corpora: Studies in honour*, Stig Johansson, H. Hasselgård & S. Oksefjell (Eds.). Amsterdam: Rodopi. pp. 107—118.
8. Leech, G. (2014). *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press.
9. Leech, G. & Larina, T. (2014). Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics (former Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Linguistics)*, 4, 9—34.
10. Morford, J. (1997). Social indexicality in French pronominal address. *Journal of Linguistic Anthropology*, 7(1), 3—37. <https://doi.org/10.1525/jlin.1997.7.1.3>
11. Rhee, S. (2019). Politeness pressure on grammar: The case of first and second person pro-nouns and address terms in Korean. *Russian Journal of Linguistics*, 23(4), 950—974. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-4-950-974>

12. Keshavarz, M.H. (2001). The role of social context, intimacy, and distance in the choice of forms of address. *International Journal of the Sociology of Language*, 148, 5—18. <https://doi.org/10.1515/ijsl.2001.015>
13. Larina, T. & Suryanarayan, N. (2013). *Madam or Aunty ji*: address forms in British and Indian English as a reflection of culture and cognition. In: *Variation in Language and Language Use*, Monika Reif, Justina A. Robinson, Martin Putz (eds.). Frankfurt am Mein: Peter Lang. pp. 190—217.
14. Larina, T., Suryanarayan, N. & Yuryeva, J. (2019). Socio-cultural context, address forms and communicative styles: A case study of British and Indian Englishes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 18(3), 39—51. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.3>
15. Wierzbicka, A. (2013). Kinship and Social Cognition in Australian Languages: Kayardild and Pitjantjatjara. *Australian Journal of Linguistics*, 33(3), 302—321. <https://doi.org/10.1080/07268602.2013.846458>
16. Wierzbicka, A. (2020). Addressing God in European languages: different meanings, different cultural attitudes. *Russian Journal of Linguistics*, 24(2), 259—293. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293>
17. Kotorova, E. (2018). Analysis of Kinship Terms Using Natural Semantic Metalanguage: Anna Wierzbicka's Approach. *Russian Journal of Linguistics*, 22(3), 701—710. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-3-701-710> (In Russ.).
18. Oyetade, S.O. (1995). A sociolinguistic analysis of address forms in Yoruba. *Language in Society*, 24(4), 515—535.
19. Suryanarayan, N. & Khalil, A. (2021). Kinship terms as indicators of identity and social reality: A case study of Syrian Arabic and Hindi. *Russian Journal of Linguistics*, 25(1), 125—146. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-125-146>
20. Bruns, H. & Kranich, S. (2022). Terms of Address: A Contrastive Investigation of Ongoing Changes in British, American and Indian English and in German. *Contrastive Pragmatics*, 3, 112—143. <https://doi.org/10.1163/26660393-BJA10025>
21. Rendle-Short, J. (2009). The address term mate in Australian English: Is it still a masculine term? *Australian Journal of Linguistics*, 29(2), 245—268.
22. Wong, Jock O. (2006). Contextualizing aunty in Singaporean English. *World Englishes* 25, 3—4, 451—466.
23. Bilá, M., Kačmárová, A. & Vaňková, I. (2020). The encounter of two cultural identities: The case of social deixis. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (2), 344—365. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-344-365>
24. Crystal, D. (2011). *A dictionary of linguistics and phonetics* (Vol. 30). New York: John Wiley & Sons.
25. Al Aghbari, K. & Al Mahrooqi, R. (2019). Terms of Endearment in Omani Arabic. *Anthropological Linguistics*, 61(3), 389—404.
26. Kennedy, R. (2002). *Nigger: The strange career of a troublesome word*. New York: Pantheon.
27. Afful, J.B. & Nartey, M. (2013). Hello sweet pie: A sociolinguistic analysis of terms of endearment in a Ghanaian University. *The International Journal of Social Sciences*, 17(1).
28. Lakoff, R.T. (2004). *Language and woman's place: Text and commentaries*. Vol. 3. Oxford: Oxford University Press.
29. Griffin, Z.M. (2010). Retrieving personal names, referring expressions, and terms of address. *Psychology of learning and motivation*, 53, 345—387. [https://doi.org/10.1016/s0079-7421\(10\)53009-3](https://doi.org/10.1016/s0079-7421(10)53009-3)
30. Grząsko, A. (2015). On the semantic history of selected terms of endearment. *Linguistics Beyond and Within (LingBaW)*, 1(1), 104—118.
31. Motley, C.M. & Craig-Henderson, K.M. (2007). Epithet or Endearment? Examining Reactions Among Those of the African Diaspora to an Ethnic Epithet. *Journal of Black Studies*, 37(6), 944—963. <https://doi.org/10.1177/0021934705282094>

32. Janney, R. & Arndt, H. (1993). Universality and relativity in cross-cultural politeness research: a historical perspective. *Multilingua*, 12—1, 13—50.
33. Alba-Juez, L. & Larina, T. (2018). Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22(1), 9—37. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37>
34. Larina, T.V. (2019). Emotive ecology and emotive politeness in English and Russian blind peer-review. *Journal of Psycholinguistics*, 1(39), 38—57. (In Russ.).
35. Larina, T. & Ponton, D. (2022). I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the blind peer review. *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*, 1, 38—44. <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035>
36. Brown, P. & Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
37. Pauletto, F., Aronsson, K. & Galeano, G. (2017). Endearment and address terms in family life: Children's and parents' requests in Italian and Swedish dinnertime interaction. *Journal of Pragmatics*, 109, 82—94.
38. Kádár, D. & Haugh, M. (2013). *Understanding Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
39. Larina, T. (2015). Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7(5) (Special issue: Communicative Styles and Genres), 195—215.
40. Locher, M. (2008). Relational work, politeness and identity construction. In: *Handbooks of Applied Linguistics*. Vol. 2: Interpersonal Communication, Gerd Antos, Eija Ventola & Tilo Weber (eds.). Berlin—New York: Mouton de Gruyter. pp. 509—540.
41. Locher, M. (2015). Interpersonal Pragmatics and its link to (im)politeness research. *Journal of Pragmatics*, 86, 5—10. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2015.05.010>
42. Locher, M. & Larina, T. (2019). Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts. *Russian Journal of Linguistics*, 23(4), 873—903. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903>
43. Sifianou, M. & Blitvich, G.C. (2017). (Im)politeness and cultural variation. In: *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness*. Culpeper, Jonathan, Kádár, Daniel & Haugh, Michael (eds.) London: Palgrave Macmillan. pp. 572— 600. (In Russ.).
44. Watts, R.J. (2003). *Politeness*. Cambridge: CUP.
45. Alba-Juez, L. (2020). Emotion in intercultural interaction. In: *The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics*, G. Rings & S. Rasinger (eds.). Cambridge: Cambridge University Press.
46. Mackenzie, J.L. & Alba-Juez L. (eds.) (2019). *Emotion in Discourse*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
47. Hofstede, G. (1991). *Cultures and Organizations: Software of the mind*. London.
48. Jenkins, R. (2004). *Social Identity*. London—New York: Routledge.
49. Triandis, H.C. (1994). *Culture and social behavior*. New York: McGraw Hill.
50. Larina, T.V., Ozyumenko, V. & Kurteš, S. (2017). I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*, 13(1), 195—215.

Библиографический список

1. Braun F. Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures. New York: Mouton De Gruyter, 1988. P. 53—69.
2. Clyne M. Address in intercultural communication across languages // *Intercultural Pragmatics*. 2009. № 6 (3). P. 395—409.
3. Clyne M., Norrby C., Warren, J. Language and Human Relations: Style of Address in Contemporary Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511576690>

4. Kluge B., Moyna M.I. It's Not All About You: New Perspectives on Address Research (Topics in Address Research). Amsterdam: John Benjamins, 2019.
5. Norrby C., Wide C. Introduction: Address practice as social action across cultures and contexts // *Address Practice as Social Action: European Perspectives*, Catrin Norrby, Camilla Wide (eds.). Houndsmills—Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. pp. 1—12.
6. Озюменко В.И. Формы обращения к судье в национальных вариантах английского языка // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 1. С. 137—157. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-137-157>
7. Leech G. The distribution and function of vocatives in American and British English conversation // *Out of corpora: Studies in honour, Stig Johansson, H. Hasselgård, S. Oksefjell* (eds.). Amsterdam: Rodopi, 1999. pp. 107—118.
8. Leech G. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
9. Leech G., Larina T. Politeness: West and East // *Russian Journal of Linguistics*. 2014. № 4. С. 9—34. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-9380>
10. Morford, J. Social indexicality in French pronominal address // *Journal of Linguistic Anthropology*. 1997. № 7 (1). P. 3—37. <https://doi.org/10.1525/jlin.1997.7.1.3>
11. Rhee S. Politeness pressure on grammar: The case of first and second person pro-nouns and address terms in Korean // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 4. С. 950—974. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-950-974>
12. Keshavarz M.H. The role of social context, intimacy, and distance in the choice of forms of address // *International Journal of the Sociology of Language*. 2001. № 148. P. 5—18. <https://doi.org/10.1515/ijsl.2001.015>
13. Larina T., Suryanarayan N. Madam or Aunty ji: address forms in British and Indian English as a reflection of culture and cognition // *Variation in Language and Language Use*, Monika Reif, Justina A. Robinson, Martin Putz (eds.). Frankfurt am Mein: Peter Lang, 2013. pp. 190—217.
14. Ларина Т.В., Сурьянараян Н., Юрьева Ю.Б. Социокультурный контекст, формы обращения и стили коммуникации (на примере британского и индийского вариантов английского языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 39—51. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3>
15. Wierzbicka A. Kinship and Social Cognition in Australian Languages: Kayardild and Pitjantjatjara // *Australian Journal of Linguistics*. 2013. № 33 (3). P. 302—321. <https://doi.org/10.1080/07268602.2013.846458>
16. Wierzbicka A. Addressing God in European languages: different meanings, different cultural attitudes // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 2. С. 259—293. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293>
17. Которова Е.Г. Анализ терминов родства с помощью Естественного Семантического Метаязыка: подход Анны Вежбицкой // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 3. С. 701—710. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-3-701-710>
18. Oyetade S.O. A sociolinguistic analysis of address forms in Yoruba // *Language in society*. 1995. № 24 (4). P. 515—535.
19. Suryanarayan N., Khalil A. Kinship terms as indicators of identity and social reality: A case study of Syrian Arabic and Hindi // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 125—146. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-125-146>
20. Bruns H., Kranich S. Terms of Address: A Contrastive Investigation of Ongoing Changes in British, American and Indian English and in German // *Contrastive Pragmatics*. 2022. № 3. P. 112—143. <https://doi.org/10.1163/26660393-BJA10025>
21. Rendle-Short J. The address term mate in Australian English: Is it still a masculine term? // *Australian Journal of Linguistics*. 2009. № 29 (2). P. 245—268.
22. Wong Jock O. Contextualizing aunty in Singaporean English // *World Englishes*. 2006. № 25 (3—4). P. 451—466.
23. Bilá M., Kačmárová A., Vaňková I. The encounter of two cultural identities: The case of social deixis // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. № 24 (2). С. 344—365. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-344-365>

24. *Crystal D.* A dictionary of linguistics and phonetics. Vol. 30. New York: John Wiley & Sons, 2011.
25. *Al Aghbari K., Al Mahrooqi R.* Terms of Endearment in Omani Arabic // *Anthropological Linguistics*. 2019. № 61 (3). P. 389—404.
26. *Kennedy R.* Nigger: The strange career of a troublesome word. New York: Pantheon, 2002.
27. *Afful J.B., Nartey M.* Hello sweet pie: A sociolinguistic analysis of terms of endearment in a Ghanaian University // *The International Journal of Social Sciences*. 2013. № 17 (1).
28. *Lakoff R.T.* Language and woman's place: Text and commentaries. Vol. 3. Oxford: Oxford University Press, 2004.
29. *Griffin Z.M.* Retrieving personal names, referring expressions, and terms of address // *Psychology of learning and motivation*. 2010. № 53. P. 345—387.
30. *Grząśko A.* On the semantic history of selected terms of endearment // *Linguistics Beyond and Within (LingBaW)*. 2015. № 1 (1). P. 104—118.
31. *Motley C.M., Craig-Henderson K.M.* Epithet or Endearment? Examining Reactions Among Those of the African Diaspora to an Ethnic Epithet // *Journal of Black Studies*. 2007. № 37 (6). P. 944—963. <https://doi.org/10.1177/0021934705282094>
32. *Janney R., Arndt H.* Universality and relativity in cross-cultural politeness research: a historical perspective. *Multilingua*, 1993. № 12—1. P. 13—50.
33. *Альба-Хуэс Л., Ларина Т.В.* Язык и эмоции: дискурсивно-прагматический подход // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. № 22 (1). С. 9—37. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37>
34. *Ларина Т.В.* Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // *Вопросы психолингвистики*. 2019. № 1 (39). С. 38—57.
35. *Larina T., Ponton D.* I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the blind peer review // *Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture*. 2022. № 1. P. 38—44. <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035>
36. *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
37. *Pauletto F., Aronsson K., Galeano G.* Endearment and address terms in family life: Children's and parents' requests in Italian and Swedish dinnertime interaction // *Journal of Pragmatics*. 2017. № 109. P. 82—94.
38. *Kádár D., Haugh M.* Understanding Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
39. *Larina T.* Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. 2015. № 7 (5) (Special issue: Communicative Styles and Genres). P. 195—215.
40. *Locher M.* Relational work, politeness and identity construction // *Handbooks of Applied Linguistics. Volume 2: Interpersonal Communication*, Gerd Antos, Eija Ventola, Tilo Weber (eds.). Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 2008. pp. 509—540.
41. *Locher M.* Interpersonal Pragmatics and its link to (im)politeness research // *Journal of Pragmatics*. 2015. 86. С. 5—10. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2015.05.010>
42. *Locher M., Larina T.* Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. T. 23. № 4. С. 873—903. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903>
43. *Sifianou M., Blitvich G.C.* (Im)politeness and cultural variation // *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness* Culpeper J., Kádár D., Haugh M. (eds.). London: Palgrave Macmillan, 2017. pp. 572—600.
44. *Watts R.J.* Politeness. Cambridge: CUP, 2003.
45. *Alba-Juez L.* Emotion in intercultural interaction // *The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics*, G. Rings, S. Rasinger (eds.), Cambridge University Press, 2020.
46. *Mackenzie J.L., Alba-Juez L.* (eds.). Emotion in Discourse. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins, 2019.
47. *Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the mind. Company (UK) Limited. London: McGraw-Hill Book

48. Jenkins R. (2004). *Social Identity*. London—New York: Routledge.
49. Triandis H.C. *Culture and social behavior*. New York: McGraw Hill, 1994.
50. Larina T.V., Ozyumenko V., Kurteš S. I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives // *Lodz Papers in Pragmatics*. 2017. № 13 (1). P. 195—215.

Information about the authors:

Amr A.A. Khalil is a third year PhD student at the Foreign Languages Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), *research interests*: pragmatics, sociolinguistics, address forms in cross-cultural communication, *e-mail*: 1042185145@rudn.ru

Tatiana V. Larina is Doctor Habil., Full Professor at the Foreign Languages Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), *research interests*: language, culture and communication; cross-cultural pragmatics, discourse analysis, communicative ethnostyles, and (im)politeness theory with the focus on English and Russian languages. She has authored and co-authored over 200 publications in Russian and English including monographs, course books, book chapters and articles in peer-reviewed journals, *e-mail*: larina-tv@rudn.ru

Сведения об авторах:

Халил Амр А.А., аспирант третьего курса кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (РУДН), *сфера научных интересов*: прагматика, социолингвистика, формы обращения в кросс-культурной коммуникации, *e-mail*: 1042185145@rudn.ru

Ларина Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, *сфера научных интересов*: взаимодействие языка, культуры и коммуникации, кросс-культурная прагматика, дискурс-анализ, межкультурная коммуникация, коммуникативная этностилистика и теория не/вежливости; является автором и соавтором более 200 публикаций на русском и английском языках, включая монографии, учебники, главы книг, а также многочисленные статьи, в том числе в ведущих международных журналах, *e-mail*: larina-tv@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-45-67

УДК 811.161.1:821.161.1: 659.4:316.77

Научная статья / Research article

«Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социо-культурном и «игровом поле» современных медиа

Е.Н. Ремчукова , Л.А. Кузьмина

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 remchukova-en@rudn.ru

Аннотация. Прецедентные культурные знаки с источником цитирования «русская классическая литература» широко востребованы в современном медиапространстве — как в профессиональных, так и в социальных медиа. Проблема выявления причин этой востребованности и особенностей функционирования данных специфических культурных знаков в канонической и в трансформированной форме рассматривается в статье в контексте рецепции творчества Ф.М. Достоевского в современных медиатекстах. Вместе с тем поднимается и вопрос о характере трансформаций хрестоматийных прецедентных знаков в функции авторской оценки актуальных социально-значимых событий. Целью данного исследования стало выявление двух тенденций, которые характерны как для профессиональных медиа, так и для социальных, — тенденции к трансформации прецедентных феноменов разного рода (прецедентных онимов, высказываний, ситуаций) с целью создания комического эффекта и языковой игры, с одной стороны, и тенденции к осмыслению содержания культурного знака для аргументации авторской позиции — с другой. Материалом исследования послужили полученные методом сплошной выборки, а также с помощью НКРЯ (Национальный корпус русского языка) различные по жанровой принадлежности и общественно-политической окраске медиатексты, в которых содержатся прецедентные феномены со сферой-источником «Ф.М. Достоевский», опубликованные в российских печатных изданиях, а также размещенные в социальных медиа. Проведенное исследование позволило представить «прецедентный мир» Ф.М. Достоевского, отраженный в медиаисточниках, в аспекте собственно лингвистическом (с точки зрения характера языковых трансформаций и их взаимодействия с контекстом) и лингвоэтическом (с точки зрения этической корректности свободного обращения с хрестоматийными знаками высокой культуры). В результате анализа удалось выявить различные способы актуализации прецедентных культурных знаков в разных медиажанрах и установить, что тиражирование «прецедентных клише» в цифровой медиасреде приводит к обесцениванию содержания культурного знака, в то время как в общественно-политической аналитической прессе, напротив, оказывается востребованным его идейное и философское содержание, актуальное для осмысления событий, происходящих в стране и в мире, и «вечных» вопросов бытия.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, прецедентные культурные знаки, прецедентный мир, медиапространство, трансформации, лингвоэтика

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

© Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А. «Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социо-культурном и «игровом поле» современных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 45—67. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-45-67>

UDC 811.161.1:821.161.1: 659.4:316.77

The “Precedent World” of F.M. Dostoevsky in the Socio-Cultural and “Playing Ground” of Modern Media

Elena N. Remchukova , Luiza A. Kuzmina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

remchukova-en@rudn.ru

Abstract. Precedent cultural signs from the citation source “Russian classical literature” are in wide demand in the modern media space, including both professional and social media. This article studies the problem of identifying the reasons for this demand and the functioning features of these specific cultural signs in canonical and transformed forms in the context of the reception of works by F.M. Dostoevsky in modern media texts. The article also raises the question of the nature of transformations of textbook precedent signs functioning as the author’s evaluation of current social events. The aim of this research is to identify two trends that are characteristic of both professional and social media. On the one hand, it is the trend to transform various precedent phenomena (precedent onyms, utterances, situations) in order to create a comic effect and a language game. On the other hand, it is the trend to comprehend the content of a cultural sign for the argumentation of the author’s position. The material of the research is constituted by media texts of different genres and with varying socio-political connotation which contain precedent phenomena from the “F.M. Dostoevsky” source sphere and which are published in Russian print media, as well as posted on social media. These media texts were obtained using the manual sampling method and with the help of the Russian National Corpus. The research made it possible to present the “precedent world” of F.M. Dostoevsky reflected in media sources in proper linguistic terms (from the point of view of the nature of linguistic transformations and their interaction with the context) and in linguoethical terms (from the point of view of the ethical correctness of free use of textbook signs of high culture). The analysis resulted in the identification of various ways of foregrounding precedent cultural signs in different media genres. It also helped establish that the replication of “precedent clichés” in the digital media environment leads to devaluation of the content of a cultural sign, while the socio-political analytical press, on the contrary, shows demand for its message, its social and philosophical content, which is relevant for understanding the events taking place in the country and in the world, and the “eternal” questions of life.

Key words: F.M. Dostoevsky, precedent cultural signs, precedent world, media space, transformations, linguoethics

Article history:

Received: 01.09.2021

Accepted: 15.11.2021

For citation:

Remchukova, E.N. & Kuzmina, L.A. (2022). The “Precedent World” of F.M. Dostoevsky in the Socio-Cultural and “Playing Ground” of Modern Media. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 45—67. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-45-67>

Введение

В связи с широким использованием в современном медиапространстве прецедентных знаков с источником «русская классическая литература» **актуальным** представляется целый ряд вопросов, касающихся текстов русской классической литературы, которые чаще всего становятся источником широкого и «произвольного» цитирования. Особенно важным является вопрос о сохранении прецедентным знаком своей культурной значимости в условиях такой «эксплуатации», которая состоит в том, что он подвергается различным структурным и смысловым трансформациям.

Проблема рецепции русской литературы на вербальном уровне в языке современных медиа находится в зоне пересечения интересов медиалингвистики, лингвокультурологии и лингвэтики, так как следствием активного функционирования прецедентных культурных знаков становится этически некорректное обращение с ними. Эта проблема обостряется в современном digital-пространстве, которое характеризуется неоднородностью и противоречивостью. С одной стороны, в нем наблюдается тенденция к предельному упрощению, обесцениванию знаков высокой культуры — они становятся «жертвой» снижения уровня массовой культуры: бесконечно тиражируются, используются в качестве сомнительной шутки, становятся объектом примитивной языковой игры [см. об этом 1; 2]. С другой стороны, в современной публицистике профессиональных медиа, как и в качественных текстах социальных медиа, сохраняется тенденция к корректному цитированию текстов высокой культуры, которую можно обозначить как попытку интеллектуально-образного и многомерного «осмысления» культурного знака с целью использовать его как важное средство аргументации или образности, имеющее воздействующую силу.

Так, например, статья журналиста Андрея Дмитриева «Украина достается Достоевскому» («Известия», 17.09.2015) изобилует отсылками к произведениям писателя (пример 1).

(1) «Украина — это местность, где востребован «достоевский надрыв стукачей», где **капитаны лебядкины** становятся авторами концепций национальной безопасности, где «убивец» — это не предосудительно и вовсе не укор» ... Вместе с тем Достоевский понадобится Украине в ближайшее время. Причем именно той ее части, которая картинно отмахивалась от этой культурной ветки и зарекалась смотреть в эту сторону. Пациент будет требовать шенгенскую визу, но придется довольствоваться галоперидолом: вот тебе «Преступление и наказание», вот тебе «Бобок». <...> Вариант «путем **Раскольникова**» для отдельно взятого украинца означает: зарыть топор АТО, ужаснуться, раскаяться, попробовать жить с этим дальше. <...> Там, где активировать совесть не удастся, на повестке дня оказывается ее «свидригайловско-суицидальный» тип. В худшем варианте это «путь **Смердякова**», эволюционировавшего в серийного маньяка из «Торнадо» и «Азова». <...> Здесь вот-вот восторжествует **теория Шигалева**...

А что как не аллюзия на **Крафта** — рассуждения Анатолия Стреляного о том, что украинская нация выращивается в нынешней войне? <...> Мысли не новые — и трансплантированы в украинский материал прямоком из **достоевского «Подростка»** <...> Украина — это страна, где вошедший в раж **Петруша Верховенский** превратился в болезненного **игрока**, который не остановится, пока не израсходует весь человеческий ресурс. <...>».

Перед нами пример текста, вся идейно-образная структура которого обусловлена прецедентным рядом: цепочка прецедентов из разных произведений Достоевского и производных от них (*свидригайловско-суицидальный*) рисует субъективную аксиологическую картину современной Украины. Опора на авторитет национального гения заявлена уже в заголовке «Украина достается Достоевскому», где лексическое значение глагола *доставаться* ('переходить, поступать в чье-л. распоряжение, в собственность кого-л.') в контексте очевидной из последующего текста метонимии (Достоевскому — героям Достоевского) сразу задает необходимую тональность и смысл: Украина «отдается» отрицательным героям писателя (Смердяков, Раскольников с неизменным атрибутом — топором и раскаянием, Шигалев и Верховенский из «Бесов» и даже эксплицированная аллюзия на менее известный роман «Подросток» и одного из его героев — Крафта) на «порушение». Это яркий пример «цитатного письма» как характерного признака постмодернистской парадигмы публицистического медийного текста [3. С. 14].

Все прецеденты с источником «русская классическая литература» традиционно отражаются в современной массовой культуре как ее *прецедентный мир*¹ — связанная единым гипертекстом «совокупность прецедентных феноменов, объединенных между собой как одна большая сфера-источник для неограниченного количества сфер-мишеней»² [4. С. 39]. В массовой культуре происходит освоение *прецедентных миров* как хранилища культурных знаков. В *прецедентный мир* включается рецепция Ф.М. Достоевского в разных видах искусства — кино, театре, живописи, однако они остаются вне зоны нашего исследования, как и проблемы «псевдопрецедентности», которая тоже имеет место, когда речь идет о цитировании классиков русской литературы в эпоху фейков и игровых стилизаций. Очевидно, что *прецедентный мир* в современном коммуникативном digital-пространстве имеет в том числе мультимодальный характер. Однако исследование невербальных семиотических кодов лишь частично затрагивается в данной статье при анализе такого жанра, как демотиватор (интернет-мем).

Для «медиацирования» в широком смысле важным оказывается и то, что в *прецедентный мир* Ф.М. Достоевского включаются не только тексты писателя, но и факты биографии и психологические черты его личности,

¹ См. подробнее об этом в работах Л.В. Балашова, В.В. Красных, Г.Г. Слышкина.

² Сфера-мишень «представлена неограниченным и постоянно пополняющимся количеством контекстов-интерпретантов: тексты, инициирующие сетевое общение, — блоги, посты, демотиваторы, gif-иллюстрации и т.д., и различного рода комментарии к ним» [4. С. 56].

которые также становятся предметом тиражирования в сниженных, комических и игровых, а иногда и в аналитических контекстах-интерпретациях.

Таким образом, объектом нашего анализа является вербальная составляющая *прецедентного мира* Ф.М. Достоевского в медиасфере, формы и способы ее отражения в современном пространстве профессиональных и социальных медиа. Цель анализа обусловлена необходимостью вывить наиболее востребованные прецедентные знаки со сферой-источником «Ф.М. Достоевский», показать противоречивый характер использования таких знаков, связанный со способами их трансформации как в лингвистическом, так и этическом контексте.

Материалом исследования послужили медиатексты со сферой-источником «Ф.М. Достоевский», полученные методом ручной выборки, а также с помощью данных Национального корпуса русского языка³. Спектр медиаизданий разного уровня и различной идейной направленности достаточно широк — от «Коммерсанта» и «Независимой газеты» до «Новой газеты» и «Правды». Кроме того, материалом послужили данные соцмедиа — блоги, соцсети (открытые группы), каналы видеохостингов и интернет-мемы. Отметим, что за рамками данной статьи остаются такие профессиональные жанры, как литературная и театральная критика. Общелингвистические и специальные методы исследования включают интертекстуальный анализ прецедентных знаков, контекстуальный, лексико-семантический и функционально-стилистический подходы, а также методы семантической и прагматической интерпретации.

Теоретическую базу сформировали исследования по прецедентности и прецедентным текстам (Ю.Н. Караулов [5], Е.А. Нахимова [6] и др.); по интертекстуальности в медиадискурсе (С.И. Сметанина [3]); по медиалингвистике и стилистике медиатекста (Л.Р. Дускаева [7]); по языковой игре в контексте комического и лингвоэтике медиатекста (Е.В. Выровцева, Е.А. Щеглова [1], Н.С. Цветова [2]); по лингвокультурологии (В.В. Воробьев [8]), а также статьи о языке, поэтике и философии Ф.М. Достоевского (И.Л. Волгин [9], В.Н. Захаров [10], Н.Л. Чулкина [11] и др.).

Результаты исследования

Значение текстов Ф.М. Достоевского в современном социокультурном контексте

Известно, что характерной чертой русской культуры является ее литературоцентричность: произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского сохраняют связь с той духовной традицией, которая составляет ценностное ядро российской культуры, они «канонизированы нашим культурным сознанием» [9. С. 642] и участвуют в формировании национальной картины мира и лингвокультурного тезауруса.

³ Данные приведены по медийному и газетному корпусам за период до 2019 года, т.к. за 2020—2021 годы данные не размещены.

Ф.М. Достоевский — писатель, сумевший отразить в своих произведениях кризисные состояния человеческого сознания, является одной из ключевых фигур в истории русской и мировой культуры. Творчество писателя неизменно остается объектом изучения в литературоведении и в лингвистике. В конце XX века в работах Ю.Н. Караулова было начато исследование языковой личности писателя и лексикографическое описание языка его произведений [5], результатом чего стал Словарь языка Достоевского ([11; 12] и др.), а также его идиостиля (см., например, [13]). Связь языка, культуры и личности с позиции рецепции творчества Ф.М. Достоевского можно рассматривать в лингвокультурологическом аспекте как «изучение механизмов воплощения и межпоколенной трансляции стереотипов национального мировидения в обыденном сознании, а также поэтапную реконструкцию культурных установок и характерологических черт менталитета народа» [8. С. 218].

Одной из основных особенностей современной художественной и медиа словесности является ее интертекстуальность — гипернасыщенность знаками высокой культуры, в частности цитатами, образами, ситуациями из русской классической литературы (см. об этом, например, [14]). Тексты Ф.М. Достоевского (как и других «хрестоматийных» классиков русской литературы)⁴, являются «игровым полем» эпохи постмодернизма — прецедентные феномены разного рода (образы, высказывания, ситуации) существуют в нем как живой «семантический знак» (И.Л. Волгин [9]), с помощью которого в контексте современной медиакультуры происходят бесконечные идейно-образные трансформации.

Подобная «репринтность» связана с творчеством тех русских писателей, хрестоматийный статус которых официально закреплен в образовательном стандарте, прежде всего в школьном. Еще в средней школе формируются такие стереотипы русской литературы, как «отношения» Герасима и Муму, Онегина и Ленского, Онегина и Татьяны, Маши и Дубровского, Тараса Бульбы и Андрея, Раскольникова и старухи-процентщицы, Раскольникова и Сони и др. В этом ряду творчество Ф.М. Достоевского занимает свое особое место как «текстовая концептосфера» [16], код русской культуры, как ее национальный архетип, «внутренний смысл языка ... и существует не только как историческое явление, но и как неотменимый семантический факт» [9. С. 656].

Широкое цитирование текстов Ф.М. Достоевского в масс-медиа обусловлено особенностями социально-культурной перцепции русского языкового сознания, которое активно формируется уже на школьной скамье. Это обусловлено несколькими обстоятельствами.

- Творчество писателя является самым сложным из изучаемых в рамках школьной программы по литературе явлений духовного порядка и предлагается для осмысления подросткам с еще не сложившейся системой

---

⁴ В начале века (данные 2008 года) среди наиболее актуальных областей прецедентности, формирующихся художественной литературой XIX века, Ф.М. Достоевский занимал четвертое место по цитируемости (после А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и А.С. Грибоедова) в русском дискурсе печатных СМИ (см. [15]).

нравственных ценностей. В идейно-духовном плане феномен Ф.М. Достоевского сложнее, чем феномен Л.Н. Толстого, в творчестве которого нравственные критерии добра и зла оказываются вполне определенными и, главное, связанными с такими ценностями национального самосознания, как Отечественная война 1812 года и Бородинское сражение.

- Важной частью образовательных программ становится биография писателя, в школе представленная в основном как его «творческий путь». Сфера прецедентности в массовой культуре отличается актуализированным интересом к «подробностям» личной жизни писателя, особенностям его личности, которые можно обсуждать как «жареные факты»: Пушкин — гуляка, забияка, игрок; Гоголь — человек с большими странностями, сомнительный в сексуальном плане и был похоронен заживо и т.п. Противоречивая мифология жизни Ф.М. Достоевского сложилась еще в XX веке — эпилептик, каторжанин, игрок, определенные сексуальные пристрастия, но лишь в конце века эти факты становятся в России не только предметом открытого научного обсуждения (см., например, [17] и др.), но и расхожим фактом в публичной коммуникации.

- В цифровой медиасреде активно тиражируются массовые стереотипы жизни писателя, не ограниченные элементарными нормами этики, однако в некоторых случаях они могут быть вполне оправданы контекстом (примеры 2 и 3):

(2) *«Антисемит, развратник и игроман — в чем современные читатели могут упрекать Достоевского»* (<https://www.buro247.ru/culture>, 11.11.2020);

(3) *«Моисей, Достоевский и другие эпилептики. Как болезнь породила религии, формировала литературу и двигала науку»*⁵ (<https://knife.media/epilepsy>, 21.08.2018).

Очевидно, что такие эпатажные заголовки медиатекстов не нуждаются в дополнительных комментариях.

Вербализация в медиатекстах национальных архетипов свидетельствует «о вращении понятий Достоевского в живую нелитературную речь, об их просачивании в стиль национального мышления, в национальный менталитет» <...>, что «позволяет использовать его как как „шифр“ для характеристики социальных и нравственных явлений» [9. С. 276—277]. Такие фразы, как «слезинка ребенка», «если нет Бога, то все позволено», «тварь я дрожащая или право имею», являющиеся традиционными нравственными кодами русской культуры, сегодня растиражированы «в цифре» с разной степенью осознанности (примеры 4, 5 и 6):

(4) *«Стоит ли „Минута славы“ слезинки ребенка»* («Комсомольская правда», 04.03.2017);

(5) *«XXI век — эпоха не только эгоистов, но и режиссеров, зацикленных на частном опыте, даже эпические полотна выстраивающих вокруг слезинки конкретного ребенка, индивидуального переживания»* (lenta.ru, 10.10.2016);

⁵ В данной статье все примеры даны в авторской редакции.

(6) «*Слеза ребенка*» как аспект политики прежде всего / В чем смысл войны законов между Россией и США?» (Око планеты, 24.12.2012).

Ф.М. Достоевский для русской культуры — не только писатель и мыслитель, но и обличитель несправедливого социального устройства — защитник «униженных и оскорбленных», «бедных людей», «кротких», которые не могут за себя постоять [11], поэтому востребованные прецедентные знаки активно функционируют в качестве оценки современных социальных реалий, не только российских, но и зарубежных (примеры 7 и 8):

(7) «*Бог забыт. А когда Бога нет, то все дозволено: Пушкин намекнул на раскол в США*» (о массовых протестах с погромами, которые начались в США после гибели в процессе задержания афроамериканца Джорджа Флойда («Царьград», 03.06.2020));

(8) «*Слезинка ребенка. / Тирану, дорвавшемуся до власти, многое сходит с рук. Но большая ошибка диктатора — покушаться на самое дорогое: на детей*» (об убийствах подростков по приказу президента Центральноафриканской Республики Бокассы I — (kiozk.ru)).

Таким образом, в медиакulturе идейная и философская составляющие творчества Ф.М. Достоевского, представленные целым рядом широко известных прецедентов, часто используются в качестве аргументации: например, в жанре интеллектуального интервью он характеризуется общей апперцепционной базой интервьюера и интервьюированного, то есть системным запасом знаний, в том числе — и в области культуры. Аксиологическая апперцепция играет важную роль в осмыслении современным человеком нравственных кодов русской литературы. Проанализируем фрагмент интервью с художественным руководителем Александринского театра Валерием Фокиным, где обсуждается режиссерская концепция нового спектакля о Сталине. Театральная постановка осмысливается в фокусе коренных вопросов бытия (пример 9):

(9) [Валерий Фокин] *Но вот что меня очень интересует — как он постепенно приходит в юности к мысли, что имеет право быть заместителем Бога.*

[Марина Токарева] *Сам себе отвечает на раскольниковский вопрос?*

[Валерий Фокин] *Только без всяких сомнений: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» — Да, имею! <...> Он потом <...> спал с 13-летней в какой-то ссылке...*

[Марина Токарева] *По стопам Ставрогина* («Новая газета», 20.04.2018).

Очевидно, что и интервьюер, и интервьюируемый в ходе диалога апеллируют к текстам Ф.М. Достоевского. Обратим внимание на то, что словосочетания с прилагательными *раскольниковский*, *смердяковский*, *карамазовский*, *свидригайловский*, легко образующиеся по продуктивным моделям от прецедентных онимов, достаточно широко распространены в медиатекстах (пример 10):

(10) — *Почему новые русские, которые плоть от плоти народа, так старательно держат дистанцию между народом и собой? — Это естественно:*

смердяковский комплекс, психология выскочки» («Аргументы и Факты», 30.08.2000).

В этом популярном сегодня как никогда жанре медиакультуры прецедентный знак проявляет семантическую гибкость — остается прочно связанным с текстом-источником, хотя его содержание может упрощаться или индивидуально переосмысляться, так как прецедентный знак как вторичный всегда функционирует в составе конкретного текста.

Однако даже профессиональные и известные журналисты далеко не всегда соблюдают этику цитирования. Некорректное обращение с прецедентным знаком высокой культуры может стать чертой языковой личности, точнее, ее речевого портрета или, скорее, речевой маски. Намеренное и шокирующее нарушение этики — черта «фирменного стиля» Александра Невзорова как медийной личности, любимыми «приемами» которой являются цинизм, сарказм и эпатаж (пример 11), что совсем не исключает глубокого прочтения им в молодости текстов великого писателя:

(11) «*Оля, понимаешь, идиоты хороши только в романах фанатика и педофила Достоевского*» (из интервью Ольге Журавлевой, 23.12.2020).

Интерес к творчеству Ф.М. Достоевского в целом остается неизменным и даже растет, о чем свидетельствуют не только современные театральные постановки, экранизации, часто изменяющие авторский текст и концепцию до неузнаваемости⁶ (что сегодня является почти неизменным условием жизни любого классического произведения), но и относительно новая тенденция к использованию прецедентных знаков в городской номинации: ресторан «Идиот» на набережной Мойки в Петербурге с воссозданием интерьеров квартиры Епанчиных; служба доставки «Dostoevский» с очевидной игрой слов, графической (смещение латиницы и кириллицы) и вербальной (парономазия).

Анализируя цитирование в медийной культуре начала XXI века, С.И. Сметанина отмечает, что одна из важнейших тенденций постмодернизма — «преодоление границ между массовым и элитарным» [3. С. 88], «переориентация эстетических установок, которая как бы стирает грань между высокой и низкой литературой и культурой» [18. С. 165]. С одной стороны, это популяризирует высокую культуру, а с другой — предлагает ее «суррогат», что неизбежно приводит к обострению проблем этики.

Разновидности прецедентного культурного знака и его активность в современной медиакommunikации

Среди произведений Ф.М. Достоевского самым востребованным с точки зрения массового цитирования текстом-источником является роман «Преступление и наказание»: на первом месте (что вполне ожидаемо) — образ главного героя Родиона Раскольникова и широко известная фраза

⁶ «Измененный текст часто содержит слухи, сплетни, мифы, которые навязывают масс-медиа и социальные сети» [10. С. 8].

«*тварь ли я дрожащая или право имею*»⁷. В роли самостоятельных прецедентных знаков, как правило, выступают словосочетание *тварь дрожащая* и предикативная единица *тварь я дрожащая или право имею*... Показать динамику употребления этих единиц позволяют данные газетного корпуса НКРЯ (Национальный корпус русского языка) с 2000 по 2019 год, объединенного с корпусом региональной и зарубежной прессы (временные рамки текстов — 1996—2013 годы), которые подтверждают их активное цитирование как в каноническом, так и в трансформированном виде с 1995-го года. Пик активности приходится на период после 2008 года и сохраняется вплоть до 2019 года. Это общая тенденция, при этом следует отметить, что далеко не все известные издания отражены в НКРЯ, однако материал, дополненный методом сплошной выборки, ее подтверждает.

Среди прецедентных образов романа самыми цитируемыми, помимо Раскольников, являются также образы Сони Мармеладовой, Порфирия Петровича, Мармеладова, Алены Ивановны, за которыми в массовом сознании закрепляются устойчивые характеристики: Раскольников — убийца, Соня — кроткая девушка «с пониженной социальной ответственностью», проститутка; Порфирий — вездливый следователь, Мармеладов — горький пьяница, Алена Ивановна — противная старуха и ростовщица (примеры 12, 13 и 14):

(12) «*Ишимский Родион Раскольников из-за долгов убил старушку топором и спрятал ее тело в погреб*» (72.ru, 16.02.2018);

(13) «*„Быстрые деньги“ в 6 раз беспощаднее старухи-процентщицы Достоевского*» («Life», 18.06.2016);

(14) «*Вспомним хотя бы роман Достоевского „Преступление и наказание“, где наравне с убийцей Родионом Раскольниковым описан горький пьяница, философ алкоголя Мармеладов. Похороны пьянчуги, который оставил семью без всяких средств к существованию, толкают его дочь Сонечку на панель...*» (ria.ru 29.06.2006).

Обратим внимание на то, что в одном контексте предложено «толкование» нескольких персонажей романа: Раскольников — убийца, Сонечка — проститутка, а Мармеладов — пьяница, причем мотив пьянства варьируется в синонимическом ряду — *пьяница, пьянчуга, философ алкоголя*, в котором последнее определение очень точно отражает именно философию пьянства в монологах Мармеладова.

Однако следует отметить, что сегодня список произведений, которые выступают источником цитирования в прямом и трансформированном виде,

⁷ Фраза вариативно употребляется в самом романе: «*Велит Аллах, и повинуйся „дрожащая“ тварь!*»; «*Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!*»; «*Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...*».

пополняется⁸ — актуальными являются имена и фамилии героев других романов Ф.М. Достоевского: «Братья Карамазовы» (Смердяков, Федор Карамазов), «Бесы» (Николай Ставрогин, Петр Верховенский), «Идиот» (князь Мышкин, Настасья Филипповна). Смердяков — подлый отцеубийца, Федор Карамазов — распутник, а Настасья Филипповна — роковая (в современных реалиях — сексуальная) женщина и содержанка (примеры 15 и 16):

(15) «**Настасья Филипповна или история одного сексуального абьюза**» (b17.ru, 04.11.2017);

(16) «*Россия — как те самые «роковые женщины» Федора Достоевского, как героини его романов: **Настасья Филипповна или Грушенька***» (<https://iz.ru/news/533445>).

Сложная и противоречивая картина, естественно, обнаруживается при интерпретации образа князя Мышкина: божий человек, чудак, идиот, эпилептик⁹ (примеры 17, 18 и 19):

(17) «*Подобно Достоевскому, режиссер пытается дать образ „положительно прекрасного человека“ — Сноуден похож на князя Мышкина и своей эпилепсией, и очень русскими поисками справедливости, и даже внешностью*» («Комсомольская правда», 15.09.2016);

(18) «*Лабораторный „князь Мышкин“ против эпилепсии*» (статья о лечении генетических форм эпилепсии, основанном на исследовании «подвида лабораторных мышей («Правда», 05.08.2009)) — контекст метонимического переноса;

(19) «*И при этом меньше всего Эраст Петрович похож на героя „Идиота“, хрупкого, нервного, практически святого*» («Комсомольская правда», 20.05.2016).

В основе прецедентного образа лежит антропоним, являющийся своего рода «именем-символом, указывающим на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [20. С. 10]; см. об этом также [6]. На это указывают и образованные от них по продуктивной модели (если производящая основа это позволяет) абстрактные существительные со значением ‘негативные общественные явления, политические течения’ [21. С. 64]: *раскольниковщина, смердяковщина, карамазовщина, мармеладовщина, свидригайловщина, ставрогиновщина, шигалевщина* или яркие окказионализмы типа «*соня-мармеладовщина*» и «*порфириепетровщина*» (пример 20):

(20) «*Отсюда и все остальные коллизии, свидригайловщина и порфириепетровщина ...*» («Живой журнал», 13.03.2017).

Однако, как видно из приведенных примеров, в имени-прецеденте не в полной мере реализуется содержание имени-источника, что объясняется обеднением известного культурного знака в медиапотоке, связанным с его

⁸ Так, антропоним *Смердяков* в период с 1988 по 2000 год употребляется в три раза реже, чем в период с 2000 по 2016.

⁹ «Положительно прекрасный человек» предстает в виде «идиота», «чудака», «дурака», «юродивого», «сумасшедшего», «олуха», «пентюха» и т. п.» [19. С. 95].

широким цитированием: часто эксплуатируется лишь «фабульное» содержание образа-источника.

Естественно, что несколько иная картина наблюдается с прецедентными именами, менее цитируемыми. К ним относятся антропонимы романа «Бесы» — *Ставрогин* и *Верховенский* (по данным газетного корпуса НКРЯ, прецедентное имя «Ставрогин» употребляется в 38 документах, имеет 60 вхождений за период с 2000 по 2018 год). Имя Николая Ставрогина употребляется часто в контексте политической рефлексии — как в тексте статьи, так и в заголовках, а также в комментариях интернет-аудитории. Последние — как отдельный жанр социальных медиа — представляют особый интерес с точки зрения функционирования в них знаков высокой культуры, так как комментарии «обезличенного» адресата в некоторых случаях могут оказаться более значимыми, чем содержание предложенного текста: «*Николай Ставрогин — красивое и безобразное, куда ни глянь*» (комментарий читателя к статье «Израильский музей оказался огромной бетонной свастикой» (lenta.ru, 05.12.2017)).

Прецедентные имена могут быть связаны с широко известными прецедентными высказываниями: например, фраза «*тварь ли я дрожащая или право имею*» — с образом Раскольникова. Однако чаще эта связь оказывается неактуализированной: в массовом языковом сознании прецедентные высказывания «*красота спасет мир*», «*если Бога нет, то все дозволено*», «*слезинка ребенка*», «*поле битвы — сердца людей*» часто не соотносятся ни с именем конкретного персонажа, ни даже с самим произведением. Именно поэтому такие амбивалентные прецедентные высказывания — «канонические» и трансформированные — могут использоваться в совершенно разных контекстах (примеры 21, 22, 23 и 24):

(21) «*Если Бога нет, то все... относительно*» (о теории относительности А. Эйнштейна («Независимая газета», 25.11.2015));

(22) «*Кино: поле битвы — сердца и умы людей*» (<https://kprf.ru/activity/culture/119155.html>, 02.06.2013);

(23) «*А потом на уроках чуть не до драк доходящие споры о том, вошь ли я дрожащая или право имею и т.п.*»¹⁰ («Новая газета», 18.02.2018);

(24) «*Ну что, красота. Мир спасем или людей напугаем?*» (интернет-мотиватор).

В качестве известных прецедентов используются и названия произведений Ф.М. Достоевского — «Униженные и оскорбленные», «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Записки из подполья», «Село Степанчиково и его обитатели» и другие (примеры 25, 26, 27 и 28):

(25) «*Униженные, оскорбленные, довольные / Размышления у парадного подъезда РАН*» («Аргументы», 28.12.2020);

(26) «*Бедные люди: сами виноваты или жизнь такая*» («Комсомольская правда», 24.08.2019);

¹⁰ Интересно отметить, что прецедентный композит «вошь дрожащая» обнаруживается в НКРЯ.

(27) *«Записки из подполья. Специальный репортаж»* (об украинских «диссидентах», не поддерживающих позицию официальной власти («Вести», 26.07.2014));

(28) *«Бобок. Литературные рассуждения о российской политике / Григорий Ревзин — в подражание Федору Достоевскому»* (<https://republic.ru/app.php/posts/74814>, 14.10.2016).

Они обладают определенным уровнем цитирования в медиасреде, используются не только в заголовочных комплексах, но и в тексте статьи (пример 29) — в данном случае присутствие прецедентного знака оправдано общим контекстом обсуждения вопроса о диффамации:

(29) *«Быть униженным и оскорбленным иногда чрезвычайно полезно. Мы собрали самые любопытные дела о диффамации — оскорблении, смываемом только деньгами»* (https://www.maximonline.ru/longreads/get-smart/_article/diffamo, 22.08.2020).

Прецедентный культурный знак как средство передачи информации и оценки

В заголовке, сильной позиции медиатекста, частотны прецедентные знаки разного типа. Это связано с особенностями заголовка — его стилистическими и прагматическими функциями: их шкала разнообразна и часто сводится к экспрессивной функции [22. С. 11—12]. Однако эта тенденция не является тотальной и не распространяется на все медиа: они многообразны, разноплановы и обладают разной степенью лингвистической состоятельности. Прецедентные культурные знаки в заголовке являются средством повышения его информативности в том случае, если связь с источником не утрачена. При этом экспрессивность заголовка также усиливается, так как прецедентные феномены выполняют оценочную функцию в актуальных контекстах социально-политических событий как в России, так и в мире. В некоторых случаях частично актуализируется и социально-философское содержание прецедентного знака, в той или иной степени соотношенное с содержанием конкретного произведения.

Рассмотрим эту соотношенность на примере разных контекстов с именем героя романа «Братья Карамазовы» — Смердяковым, оценочность которого, как одного из самых ярких отрицательных персонажей в русской литературе, очевидна (примеры 30 и 31).

(30) *«Смердяковы наших дней: „России — конец! Какое счастье!“»* (название статьи о людях, которые со злорадством высказываются против своей страны (<https://newsland.com/>, 04.09.2020));

(31) *«Смердяков от слова „смерд“, что значило в Древней и, позднее, в Московской Руси — раб, холоп. Имя нарицательное для человека, который надеется получить материальные блага и благоустроенный общественный быт не ценой собственных усилий, а уже готовыми, из рук иностранцев; который не понимает, что успехи других государств в своем благоустройстве*

имеют причиной как раз то, от чего он спешит отказаться, — развитое чувство собственного достоинства его граждан (презрит.). Отсюда «смердяковица»¹¹ («Смердяковы наших дней / Российские либерал-литераторы поносят Россию в западных СМИ» («Столетие», 17.05.2018)).

Прецедентный оним используется как этически некорректная «козырная карта» в политической полемике; инвективность контекста усиливается разговорно-просторечным глаголом *поносить*. Обратим внимание на то, что фраза «смердяковы наших дней» повторяется в текстах разных изданий — ее можно рассматривать в качестве клишированной (так же, как и «господа смердяковы», «смердяков и братья»).

Инвективность усиливается в контексте «личного выпада» при сужении референции, то есть при сопоставлении в одном тексте имени отрицательного персонажа с именем реального человека (в данном случае известного ведущего и журналиста Сергея Доренко — пример 32):

(32) «Господа Смердяковы. <...> „Как Смердяков в прошлом. Или как Доренко в настоящем“» («Известия», 05.10.2001).

Показательными также являются прецеденты-композицы — контексты, в которых объединены в сложное понятие два прецедентных имени собственных в значении нарицательных для усиления оценочности (пример 33):

«„Карамазовы“ — роман отменно длинный, но все равно неоконченный, неполный. Вот его и дописывает жизнь. Даже любопытно: чем кончат эти карамазовы-смердяковы?» [там же].

О знакомстве журналистов не только с содержанием романа, но и с его концепцией (что далеко не всегда свидетельствует о знакомстве с текстом-источником) свидетельствуют и другие заголовки, которые можно рассматривать как актуальные «социальные отклики» (примеры 34 и 35):

(34) «Разве США не посылают им одобрительный кивок, как **Иван Карамазов** — **Смердякову?**» («Известия», 13.01.2014);

(35) «**Смердяков и братья**» — к Дню Победы / А у нас раскручивается и назревает веселый коммерческий карнавал, безвкусный и бесстыдный, словно состряпанный рекламным агентством «Смердяков и братья» («Новая газета», 11.05.2016).

Кроме того, содержание культурного знака может усложняться за счет соединения прецедентов из двух и более источников — актуализированных в русском языковом сознании художественных текстов (пример 36):

(36) «Вперед, в позавчера! Зовут нас современные **смердяковы и лоханкины**»¹² (о группе граждан, подписавших открытое обращение в Совет Европы с призывом о срочном проведении правовой экспертизы поправок к Конституции России).

¹¹ Этимология литературного имени не отражена пока в Словаре Достоевского, поэтому значение дается по Энциклопедическому словарю крылатых слов и выражений [23].

¹² Васисуалий Лоханкин — персонаж известного и популярного в советское время романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

Идейная направленность заголовка усиливается в тексте статьи и поддерживается еще одним прецедентным знаком (пример 37):

(37) «*Эти «записки из подполья» — ни что иное как дешевый графоманский памфлет. <...> Эдакая мутная смесь смердяковщины и синдрома Вассисуалия Лоханкина в треснувшей стеклотаре из-под американского виски. Но только не позиция гражданского общества России*» («Комсомольская правда», 21.04.2020).

Уже отмеченные выше культурные знаки, которые являются «продуктом» массового цитирования (названия произведений¹³ и прецедентные высказывания), часто выносятся в позицию заголовка, в котором их информативность усиливается за счет лексических трансформаций — (1) в примере 38, а их оценочная функция эксплицируется в подзаголовке — (2) в примерах 38 и 39:

(38) «*Наступление (1) и наказание / Санкции как необходимый инструмент американского государственного влияния (2)*» («Россия в глобальной политике», 13.10.2015);

(39) «*Спасет ли красота мир? (2) По поводу агрессии Грузии в Южной Осетии и Абхазии* (название научной статьи (Вестник Томского государственного университета, 2009).

Стоит обратить внимание на то, что в последнем контексте (см. пример 39) слово *мир* конкретизируется в духе толстовской антиномии — ‘состояние без войны’. Отсылка к автору текста-источника не является обязательной, но, безусловно, усиливает «идентификацию» знака потенциальным адресатом (пример 40):

(40) «*Есть люди, которые хотят исторического успеха своей стране, а есть те, кто ведет себя как Смердяков, персонаж Достоевского*» (в статье «Где вы все это читаете — про «великую державу»? («Профиль», 04.12.2014)).

Как составляющую «прецедентного мира» можно рассматривать и окказионализмы, образованные от прецедентных онимов (пример 41):

(41) «*Одним миром карамазаны*» / *Лев Додин поставил постдраматического Достоевского*» («Коммерсантъ С-Петербург», 15.12.2020).

Языковая игра отсылает читателя к известному прецедентному высказыванию «одним миром мазаны» и актуализирует структурное сближение фамилии Карамазов и образованного от нее потенциального глагола *карамазать* (*карамазовать*): «мазаны — карамазаны» (*Карамазов — карамазать — карамазаны*). Подобная языковая игра не нарушает этических норм, а напротив, реализует эстетическую функцию слова, образованного от прецедентного онима. Подобное отношение к культурному знаку в целом характеризует уровень лингвистической компетенции и этической состоятельности аналитических изданий уровня газеты «Коммерсантъ», «Независимой газеты», журналов «Профиль» и «Форбс» и др. [24].

¹³ Названия произведений рассматриваются нами как разновидность прецедентных имен.

Прецедентный культурный знак в социальных медиа

Вопрос о том, как соотносятся интернет-пространство и медиапространство, остается открытым. Мы рассматриваем Интернет как составляющую медиапространства, имея в виду ту его часть, которая связана с социальными сетями и относится исследователями к социальным медиа [25 и др.]. С точки зрения адаптации и трансформации знаков «высокой» культуры, здесь наблюдаются те же явления — прецедентные феномены указанных типов, их прямое цитирование или структурно-семантические трансформации, высокая активность прецедентных «клише» со сферой-источником «Ф.М. Достоевский», однако специфика блогосферы, как известно, состоит в реализации игровой функции языка и функции комического. Это оказывает влияние на характер и объем трансформаций прецедентов и, как результат, часто приводит к их этическому обесцениванию, особенно в тех случаях, когда предмет обсуждения в блогосфере становятся факты личной жизни писателя: «*Адский секс Федора Достоевского*» («Живой журнал», 23.02.2016). Об этической составляющей подобных обсуждений, целью которых становится эпатаж, говорить не приходится.

Остановимся здесь на таких известных игровых формах интернет-коммуникации, как никнеймы и интернет-мемы (демотиваторы).

Известно, что одной из форм игры с прецедентностью в блогах становятся никнеймы (никонимы) [26]. В комментариях блогеров встречаются метаязыковые высказывания, в контексте которых раскрывается мотивация выбора того или иного прецедентного имени собственного в качестве «ника» (блогеры «*Лев Мышкин*», «*Ставрогин*»), хотя очевидно, что функция аттракции здесь, как правило, преобладает, для чего используется и трансформация прецедентного имени («*Павел Федорович Смердяков*»), и латиница («*N. Stavrogin*»), и широко известный атрибут убийства («*Топор Раскольникова*»). Метаязыковое высказывание может подчеркивать саму принадлежность к сфере литературы — «*Брат Карамазова*» («*Интересное о языке и литературе*»), отражать соотнесенность с содержанием произведения — «*Сонечка Мармеладова*» («*Он в СИЗО. Этот блог создан для того, чтобы мне было проще сидеть в квартире <...>, — муж находится под следствием, тюрьма не приходит одна*») («ЯндексДзен») или профессиональную соотнесенность образа с современной действительностью — «*Порфирий Петрович*» («*Рассуждения человека из системы о праве, судах и юстиции в России*») («ЯндексДзен»).

Использование другого класса имен собственных — названий романов Ф.М. Достоевского в определенной последовательности — широко известно в жанре фразы-анекдота: «*Сначала Идиот, потом Игрок, потом Преступление и за ним наказание*». Однако подобная «цепочка» может выполнять и просветительскую функцию, являясь способом привлечения внимания к произведениям великого классика в соцсетях (пример 42):

(42) «Идиот! Подросток! Игрок! Нет, это не вам! Это у нас появилось полное собрание сочинений Достоевского!» (пост в паблике московского социального проекта в соцсети «ВКонтакте» (https://vk.com/wall-82748482_5761)).

Прецедентное высказывание «*тварь я дрожащая или право имею*» является (в силу указанных выше очевидных причин) одной из наиболее тиражируемых в пространстве соцсетей (и шире — Интернета), где она обладает высокой активностью, подвергается разного рода трансформациям, так как используется как средство оценки социальных явлений разного спектра, и приобретает функцию отдельного гиперэкспрессивного средства самооценки в форме риторического восклицания (примеры 43 и 44):

(43) «„*Тварь я дрожащая или права имею!*“ Часть 2. *Рабская сущность человека*» (<https://www.youtube.com/watch?v=YA13p8l-4wY>);

(44) «*Тварь я дрожащая или право имею?!*» (вебинар о психологических аспектах влияния людей друг на друга (<https://www.youtube.com/watch?v=X3qfr8lh9KQ&t=602s>)),

а также в функции риторического обращения (пример 45):

(45) «*Ты — не тварь дрожащая! Делай правильный выбор, дружи со мной!*» (депутат Алексей Горбачев о предвыборной кампании в Государственную думу (<https://www.youtube.com/watch?v=GX5BjJMMPmA>));

Языковая игра на грамматическом уровне (оппозиция ед.ч. — мн. ч.), в основе которой лежит лексикализация формы множественного числа абстрактного существительного *право*, позволяет актуализировать вполне конкретную для владельцев автомобилей ситуацию: «*Дарим автошколам идею слогана: автошкола «Достоевский» — тварь я дрожащая или права имею?*». С помощью различных игровых приемов (например, на синтаксическом уровне) конкретизируется не менее известная фраза (практически с полной утратой в массовом сознании связи с источником) «*красота спасет мир*»: ее лексико-синтаксическое расширение в сочетании с приемом парцелляции позволяют создать эффект «обманутого» ожидания (пример 46):

(46) «*Красота спасет мир. Только внутренняя, а не ваши брови нарисованные*» (<https://idaprikol.ru/picture/krasota-spasyot-mir-tolko-vnutrennyaya-a-nevasi-narisovannye-brovi-iJi81qLl6>).

В демотиваторах, известных как интернет-мемы [27], широко используются различные культурные знаки, чаще всего как комическое средство формирования представления о конкретном событии, определения его места в культурном и историческом контексте времени. Как правило, интернет-мем имеет поликодовый характер, и в этом случае, как известно, для выражения смыслов используются разные семиотические коды. Так, в одном из интернет-мемов изображение самолета, заходящего на посадку в аэропорт Пулково (об этом говорит надпись на здании аэропорта имени Достоевского), сопровождается прецедентным высказыванием с лексическим расширением в позиции дополнения (пример 47):

(47) «*Диспетчер! Тварь ли я дрожащая или право имею на посадку?*» (<https://olga1982a.livejournal.com/3043919.html?view=10085199>).

Интернет-мемы часто представляют собой остроумную шутку по тому или иному социальному поводу — в ее основе лежит прецедентная ситуация, содержание которой передается только визуальным семиотическим кодом. Так, в интернет-меме «Досрочное погашение микрокредита» (<https://idaprikol.ru/picture/dosrochnoe-pogashenie-mikrokredita-f8DNtitP8>) опосредованная отсылка к источнику происходит на визуальном уровне: Раскольников с топором склоняется над убитой старухой (кадр из известной экранизации романа 1969 г.), при этом вербальная составляющая представляет собой пародию на слоган банковской рекламы, а культурный код отсылает к ставшей классической экранизации Льва Кулиджанова.

Заключение

Многообразие интертекстуальных связей современной коммуникации проявляется в бесконечном разнообразии смысловых и формальных отсылок к значимым для национальной культуры произведениям искусства. Особенно наглядно и интенсивно этот «обмен» происходит в медиасреде: прецедентные знаки высокой культуры активно функционируют в современных медиатекстах, оставаясь актуальной формой постмодернистского «цитатного письма» — типичной еще для постсоветских медиа. В аналитических СМИ их орнаментально-экспрессивная функция интеллектуального «украшения» авторского текста сосуществует с оценочно-аргументативной, широко востребованной при анализе общественно значимых актуальных событий.

Это в полной мере относится к прецедентным культурным знакам, источником которых являются не только произведения Ф.М. Достоевского (их названия, тексты, образы, ситуации и предметы-символы) и те идейные, философские и общественные взгляды писателя, которые в них отражены, но и сама биография писателя. По данным НКРЯ и сплошной выборки, прецеденты этой сферы-источника часто используются как профессиональными, так и непрофессиональными создателями медиатекстов в качестве смыслообразующего средства аргументации своей позиции в общественно-политических изданиях, доминантой стиля которых является выражение социально-идеологической оценочности.

Последняя в первую очередь связана с теми прецедентными знаками, которые можно считать *хрестоматийными* для данной лингвокультуры. Очевидно, что ими являются прежде всего прецеденты романа «Преступление и наказание», уже не одно десятилетие входящего в школьную программу, а за ее пределами такие известные романы, как «Идиот» и «Братья Карамазовы» — их прочное место в современной массовой культуре обусловлено многочисленными экранизациями и инсценировками. Это неиссякаемая потребность обращения к интерпретации классических текстов средствами другого искусства вполне закономерна в случае обращения к произведениям Ф.М. Достоевского, в которых содержатся культурные коды русской национальной картины мира.

Прецеденты со сферой-источником «Достоевский», функционирующие в СМИ, участвуют в формировании социально-культурного контекста всего медиапространства, его идеологии и аксиологии, одновременно являясь и отражением таких «болевых точек», как социальная несправедливость, духовное обнищание, общественно-политический раскол «патриотов», с одной стороны, и «предателей» национальных ценностей, с другой, что позволяет использовать их как весьма эффективное средство манипулирования массовым сознанием. В контексте духовных ценностей — это поиск (часто «псевдопоиск») высшей справедливости и ответов на вечные вопросы бытия, что приводит к тиражированию таких массовых прецедентных высказываний, как *«тварь я дрожащая или право имею»*. В общественно-политических контекстах в ней можно увидеть одну из экспликаций антитезы идеологием «власть» и «общество», а за пределами аналитических контекстов просто «прецедентное клише».

Очевидно, что в процессе массовой эксплуатации прецедентных знаков происходит обеднение их культурных и идеологических смыслов — искажение, размывание, и не только в случаях той или иной его трансформации, но и при использовании в канонической форме. Этика использования прецедента напрямую связана с эстетикой: лишь в определенных случаях можно говорить о полноценной реализации эстетической функции культурного знака, участвующего, например, в порождении метафорических смыслов законченного текста. Такой эстетизм можно обнаружить в жанре рецензии на экранизации и театральные постановки, в профессиональной и непрофессиональной литературной критике, для которых характерен более высокий уровень культуры цитации.

Однако профессиональные медиа сегодня лишь часть цифрового медиапространства, включающего и социальные сети, и рекламу, и маркетинг — нейминг и брендинг, в которых можно обнаружить примеры игровой спекуляции на массовой узнаваемости хрестоматийного культурного знака. В этой зоне медиапространства прецедентные знаки активно *циркулируют*, становятся предметом простого тиражирования — неким клише, которое полностью утрачивает сложные смысловые и даже формальные связи с источником. В пространстве Интернета множатся современные клоны Родиона Раскольникова — убийцы и маньяки «раскольниковы», девушки с ограниченной социальной ответственностью — «сони мармеладовы», алкоголики «мармеладовы» и предатели Родины «свидригайловы», а в сфере коммерческой номинации заведения типа «Досытаевский» и бургеры «Раскольников».

Невозможность запретить подобные «упражнения» с прецедентными знаками высокой культуры, учитывая в принципе очевидную абсурдность запретов на эксперименты в «игровом поле» современного медиапространства, отнюдь не означает невозможность их обсуждения в рамках такого направления современной русистики, как лингвоэтика. Именно этические грубые нарушения не позволяют во многих случаях оценить такие трансформации

культурного знака, которые используются как яркое комическое средство, эффектный игровой прием, актуализирующий его структуру или смысл. Однако, с другой стороны, игровые приемы, а priori предполагающие свободное обращение с культурными знаками, во многих случаях являются этически и эстетически оправданными в границах креативности «игрового поля». Широкий спектр комических функций прецедентов — от иронии до сарказма и откровенного циничного высмеивания с опорой на авторитет культурного знака, безусловно, нуждается в дальнейшем научном осмыслении и детальном описании.

Библиографический список

1. *Вырвцева Е.В., Щеглова Е.А.* Языковая игра как средство комического в современном медиадискурсе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 1. С. 31—40. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.565>
2. *Цветова Н.С.* Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики // Медиалингвистика. 2020. № 7 (3). С. 280—292. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.301>
3. *Сметанина С.И.* Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-во Михайлова В.В., 2002.
4. *Кабанков А.И.* Прецедентный мир В. Высоцкого в дискурсе новых медиа: семантико-аксиологический и регулятивный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2007.
6. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2007.
7. *Дускаева Л.Р.* Стилистический анализ в медиалингвистике: Монография. М.: ФЛИНТА, 2019.
8. *Воробьев В.В.* Теоретические и прикладные аспекты современной лингвокультурологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 13 (724). С. 217—226.
9. *Волгин И.Л.* Ничей современник. Четыре круга Достоевского. М.—СПб.: Нестор-История, 2019.
10. *Захаров В.Н.* Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5—20. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5321>
11. *Чулкина Н.Л.* «Обыденная дребедень» бедных героев Достоевского (материалы «Словарю языка Достоевского. Идиоглоссарий») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 390—416. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-390-416>
12. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; главный редактор Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2017.
13. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Фатеева Н.А.* Идиостиль Ф.М. Достоевского: направления изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 374—389. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2374-389>
14. *Трунин С.Е.* Рецепция Достоевского в русской прозе рубежа XX—XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2008.
15. *Боярских О.С.* Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004—2007 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Тагил, 2008.

16. Слышкин Г.Г. Текстовая концептосфера и ее единицы // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: Сборник научных трудов. Редакционная коллегия: В.К. Андреева, В.И. Карасик, Е.В. Мещерякова, О.В. Коротева. Волгоград: Перемена, 1999. С. 18—26.
17. Енко К., Енко Т. Ф. Достоевский. Интимная жизнь гения. Режим доступа: <https://informaxinc.ru/lib/dostoevsky/enko/> (дата обращения: 28.08.2021).
18. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.
19. Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008.
20. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации М.: Гнозис, 2003.
21. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
22. Михеева Е.С. Стилистический прием полисемантики в текстах СМИ: на материале русскоязычных газетных заголовков и рекламных слоганов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2013.
23. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2005.
24. Ремчукова Е.Н., Соколова Т.П. Глава 5. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города // Лингвистика креатива-5: Коллективная монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. С. 327—341.
25. Коняева Ю.М. Номинация персоны как способ передачи саркастической оценки // MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность: Материалы V Международной научной конференции, Челябинск, 24—25 ноября 2020 года. Под ред. А.А. Морозовой. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2020. С. 86—89.
26. Соков А.А. Никоним в виртуальном дискурсе: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Великий Новгород, 2014.
27. Гладкая Н.В. Логоэпистемы в креолизованных текстах интернетдискурса // *Russian Journal of Linguistics*. 2017. Т. 21. № 2. С. 424—437. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-424-437>

References

1. Vyrovceva, E.V. & Shheglola, E.A. (2021). Language play as a means of the comic in modern media discourse. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 43(1), 31—40. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.565> (In Russ.).
2. Cvetova, N.S. (2020). Criticism of media speech as a vector for the development of media linguistics. *The journal Medialingvistika*, 7(3), 280—292. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.301> (In Russ.).
3. Smetanina, S.I. (2002). *Media text in the system of culture (dynamic processes in the language and style of journalism at the end of the 20th century)*. Saint Petersburg: Izd-vo Mihajlova V.V. (In Russ.).
4. Kabankov, A.I. (2017). *The precedent world of V. Vysotsky in the discourse of new media: semantic-axiological and regulatory aspects* [dissertation]. Tomsk. (In Russ.).
5. Karaulov, Yu.N. (2007). *The Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: LKI. (In Russ.).
6. Nakhimova, E.A. (2007). *Precedent names in mass communication*. Ekaterinburg: UrGPU. (In Russ.).
7. Duskaeva, L.R. (2019). *Stylistic analysis in media Linguistics: Monografiya*. Moscow: FLINTA. (In Russ.).

8. Vorob'ev, V.V. (2015). Theoretical and applied aspects of modern cultural linguistics. *The journal Vestnik Moskovskogo Universiteta*, 3(724), 217—226. (In Russ.).
9. Volgin, I.L. (2019). *Nobody's contemporary. Four circles of Dostoevsky*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istorija. (In Russ.).
10. Zakharov, V.N. (2021). The Relevance of Dostoevsky. In: *The Unknown Dostoevsky*, 8(1), 5—20. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2021.5321> (In Russ.).
11. Culkina, N.L. (2021). “Trivial Nonsense” of the Poor Heroes of Dostoevsky (Materials for “Dostoevsky’s Language Dictionary: Idioglossary”). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 390—416. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2-390-416> (In Russ.).
12. Dictionary of the Dostoevsky language. Idioglossary (2017). Yu.N. Karaulov (Ed.). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
13. Baranov, A.N., Dobrovol'skii, D.O. & Fateeva, N.A. (2021). Idiostyle of F.M. Dostoevsky: areas of study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 374—389. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-2374-389> (In Russ.).
14. Trunin, S.E. (2008). *Reception of Dostoevsky in Russian prose at the turn of the XX—XXI centuries* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
15. Boyarskikh, O.S. (2008). *Precedent phenomena from the “Literature” source sphere in the discourse of the Russian print media (2004—2007)* [dissertation]. Nizhnii Tagil. (In Russ.).
16. Slyshkin, G.G. (1999). Textual conceptual framework and its units. In: *Yazykovaya lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki: Sbornik nauchnykh trudov*. V.K. Andreeva, V.I. Karasik, E.V. Meshcheryakova, O.V. Koroteeva (eds). Volgograd: Peremena. pp. 18—26. (In Russ.).
17. Enko, K. & Enko, T. (1997). *F. Dostoevsky. The intimate life of a genius*. URL: <https://informaxinc.ru/lib/dostoevsky/enko/> (accessed: 12.08.2021). (In Russ.).
18. Il'in, I.P. (1998). *Postmodernism from its Origins to the End of the Century: the Evolution of a Scientific Myth*. Moscow: Intrada. (In Russ.).
19. Dostoevsky: Works, letters, documents: Dictionary-reference book (2008). G.K. Shchennikov, B.N. Tikhomirov (Eds.). Saint Petersburg: Pushkinskii Dom publ. (In Russ.).
20. Gudkov, D.B. (2003). *Theory and practice of intercultural communication*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
21. Zemskaya, E.A. (2009). *Word-formation as an activity*. D.N. Shmelev (Ed.). Moscow: LIBROKOM. (In Russ.).
22. Mikheeva, E.S. (2013). *Stylistic technique of polysemantics in media texts: based on Russian-language newspaper headlines and advertising slogans* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
23. Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions (2005). V. Serov (ed.). Moscow: Lokid-Press. (In Russ.).
24. Remchukova, E.N. & Sokolova, T.P. (2020). Chapter 5. Precedent names of culture in the onomastic space of a modern city. In: *Creativity linguistics—5: Collective monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 327—341.
25. Konyaeva, Yu.M. (2020). Naming of a person as a way of conveying a sarcastic assessment. In: *MEDIAObrazovanie: media kak total'naya povsednevnost': Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. A.A. Morozova (Ed.). Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet. pp. 86—89. (In Russ.).
26. Sokov, A.A. (2014). *Nicknames in virtual discourse: linguopragmatic aspect* [dissertation]. Velikii Novgorod. (In Russ.).
27. Gladkaya, N.V. (2017). Logoepestems in Creolised Texts of Internet Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 21(2), 424—437. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-424-437> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Ремчукова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: лингвистика креатива, медиалингвистика, язык рекламы, нейминг; *e-mail*: remchukova-en@rudn SPIN-код: 2825-0307; Scopus Author ID: 57221116840; ResearcherId: Y-7687-2018.

Кузьмина Луиза Александровна, аспирант кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: лингвистика креатива, медиалингвистика, теория интертекстуальности и прецедентности; *e-mail*: 1042185164@rudn.ru SPIN-код: 6259-2252.

Information about the authors:

Elena N. Remchukova, Doctor Habil. in Philology, Full Professor, Professor at the Department of General and Russian linguistics, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia); *Research Interests*: linguistics of creativity, media linguistics, the language of advertising, naming; *e-mail*: remchukova-en@rudn

Luiza A. Kuzmina, PhD student at the Department of general and Russian linguistics, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia); *Research Interests*: linguistics of creativity, media linguistics, theory of intertextuality and precedence; *e-mail*: 1042185164@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-68-79

UDC 811.411.21'42'373

Research article / Научная статья

Evaluative Language in Arabic Academic Discourse

Hashem H. Alhaded¹, Tatiana N. Glushchenko²,
Haitham H. Alhadid³

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklay st., Moscow, Russian Federation, 117198

²The University of Jordan,
Queen Rania st., Aljubaiha, Amman, Jordan, 2V89+CR

³Stratford University,
7777 Leesburg Pike Falls Church, Virginia, USA

alkhaded_kh@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to the study of evaluative language in Arabic academic discourse. The analysis was carried out based on the evaluative posts published in the Arabic language in social networks related to the defense of Ph.D. dissertations and the obtaining by Arabic-speaking students of Ph.D. degrees. The focus of the research in the language of appraisal in Arabic academic settings is related to socially and traditionally determining aspects in the perception of the Ph.D. degree in Arab society. In order to identify specific features of the written language of evaluation in Arabic academic discourse, our study is built on the Appraisal theory proposed by James Martin and Peter White (2005) and focused on its sub-categories of the Appraisal theory: *Affect*, *Appreciation*, *Judgment*. The comparative analysis made it possible to identify both universal and specific components in the regarded ways of evaluation within the framework of academic discourse. The authors determine the lexico-grammatical methods of assessment in Arabic academic discourse, which characterize the perception and functioning of the evaluative language in the system of value coordinates of the Arab society. The novelty of the proposed research lies in the fact that at present the appeal to the Arabic academic discourse has not been sufficiently studied. In the end of the study, the authors concluded that the Appraisal theory proposed by Martin and White (2005) can be applied to the research of Arabic language of evaluation. The authors also argue that the written language of assessment in the Arabic academic discourse is directly proportional to cultural, traditional, religious factors that are reflected in the lexico-grammatical components of the assessment. Misunderstanding of these specific features of the evaluative language of the Arabic academic discourse leads to communicative failures. The authors noted the prospects for studying the evaluative language within the framework of the Arabic academic discourse could be conducted in a comparative analysis of the oral and written Arabic language of assessment, each of which has its own specific culturally determined features.

Keywords: evaluative language, Arabic academic discourse, Arabic language, Appraisal theory, communicative failures

---

© Alhaded H.H., Glushchenko, T.N., Alhadid H.H., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Article history:

Received: 15.01.2022

Accepted: 15.02.2022

For citation:

Alhaded, H.H., Glushchenko, T.N. & Alhadid, H.H. (2022). Evaluative Language in Arabic Academic Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 68—79. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-68-79>

УДК 811.411.21'42'373

Оценочная лексика арабского академического дискурса

А.Х. Алхадед¹ , Т.Н. Глущенко² , Х.Х. Аль-Хадид³

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Университет Иордании,
2V89+CR, Иордания, Амман, Альджубейха, ул. Королевы Раниш

³Стратфордский университет,
США, Вирджиния, Лисбург-Пайк-Фолс-Черч, 7777

✉ alkhaded_kh@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению оценочной лексики в арабском академическом дискурсе. Анализ проведен на основе опубликованных на арабском языке оценочных постов в социальных сетях, связанных с защитой кандидатских диссертаций и получением арабоязычными студентами степени кандидата наук. Выбор данного материала для исследования обусловлен тем, что в арабоязычном обществе присвоение степени кандидата наук является важным социальным событием в жизни студента и его семьи. Чтобы выявить специфические черты письменного языка оценки в арабском академическом дискурсе, исследование было основано на теории оценки (the Appraisal theory), предложенной Джеймсом Мартином и Питером Уайтом (2005), и сосредоточено на таких подкатегориях, как аффект (*Affect*), признательность (*Appreciation*), суждение (*Judgment*). Сравнительный анализ позволил выявить как универсальные, так и специфические компоненты рассматриваемых способов оценивания в рамках академического дискурса. Авторы определяют лексико-грамматические способы оценивания в арабском академическом дискурсе, характеризующие восприятие и функционирование оценочного языка в системе ценностных координат арабского общества. Новизна предлагаемого исследования заключается в том, что в настоящее время обращение к арабскому академическому дискурсу недостаточно изучено. В результате исследования авторы пришли к выводу о том, что теория оценки, предложенная Мартином и Уайтом (2005), может быть применена к изучению арабского оценочного языка. Авторы также утверждают, что письменный язык оценки в арабском академическом дискурсе напрямую зависит от культурных, традиционных, религиозных факторов, которые отражаются в лексикограмматических компонентах оценки, а непонимание этих особенностей оценочного языка арабского академического дискурса приводит к коммуникативным неудачам. Перспективы дальнейшего исследования оценочного языка в рамках арабского академического дискурса авторы видят в сравнительном анализе устного и письменного арабского оценочного языка, каждый из которых имеет свои специфические, культурно обусловленные особенности.

Ключевые слова: оценочная лексика, арабский академический дискурс, арабский язык, теория оценки, коммуникативная неудача

История статьи:

Дата поступления: 15.01.2022

Дата приема в печать: 15.02.2022

Для цитирования:

Alhaded H.H., Glushchenko T.N., Alhadid H.H. Evaluative Language in Arabic Academic Discourse // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 68—79. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-68-79>

Introduction

The study of evaluative language in academic settings has been recently gaining momentum in the fields of pragmatics [1; 2], discourse studies [3; 4; 5], and comparative linguistic studies [6; 7]. It is worth noting that most of the research works examining evaluation in the frames of academic discourse focused on the English language academic discourse [8; 9]. Alongside we can mention several studies that seek to analyze Arabic academic discourse [10; 11; 12]. However, these works concentrated on the Arabic texts' structures in academic settings (articles, presentations) rather than analyzing the implication of Arabic evaluative language at large.

The Arabic evaluative language in academic discourse presents a unique research opportunity for several reasons. Firstly, being part of a culture where interpersonal relationships play a key role in society, Arabic evaluative language consists of a balance of adherence of its participants to cultural, religious, verbal, and non-verbal norms of communication. Secondly, the Arabic language of verbal evaluation within the framework of academic discourse has distinctive features for each of the education stages (e.g. university admission, dissertation defense). Thirdly, Arabic evaluative language in academic settings is determined by a certain lexico-grammatical set, which, when directly translated into other languages, loses its evaluative specificity.

Theoretical background

At the moment, we cannot convey a single omnipresent theory for evaluation in academic discourse. At different times and places, scientists put forward and researched areas similar to the theory of evaluation. For example, American scholars explored the complexities of writer-reader interactions from the standpoint of *metadiscourse* which has been taken to mean the rhetorical field that controls the communicative function of language [13; 14]. Also, some researchers looked at the way academic writers gain interpersonal positioning within their fields of study through the use of the evaluative language recognized in evidentiality and hedging [7], mindset markers [9], stance markers [5; 2], voice markers [15], and Appraisal [14].

The use of evaluative language to produce stance and voice has been given academic engagement in recent years. Researchers conjured a broad spectrum of methods in analyzing evaluation language: corpus-based methodology [13, 16; 17];

Systemic Functional Linguistic discourse semantic standpoint [14], and discourse analytic, qualitative, and quantitative approaches [18].

As part of the study of the evaluative language in the context of written academic discourse, it has been shown that the argumentative and rhetorical practices used to express and position one's views differ according to the generic, disciplinary and cultural context in which they are produced [16; 17].

In essence, some studies analyze the dependence of evaluative language on cultural values (collective or individual values). These studies proved that cultural values are directly related [19] to such aspects of evaluation in language as the style of evaluation [20] and preferred rhetorical practices for expressing judgments [21].

The Appraisal theory has recently made a big-scale contribution to the development of evaluative language theory in general. The Appraisal theory describes semantic systems that interpret interpersonal relationships in the English language. This theory has attracted the attention of many scholars nowadays due to the theory's affordability of implementation to different contexts, discourses, and languages. The appraisal is involved with the interpersonal dimension in the language [22—24]. Particularly, it implicates a study of the subjective presence of the writer that is reflected by (1) the expression of statements concerning the material a writer produces and (2) the audiences of communication. The appraisal is presented by Jeannett Martin and Peter White [23] as follows: "it is concerned with how writers/speakers approve and disapprove, enthuse and abhor, applaud and criticize, and with how they position their readers/listeners to do so likewise". The Appraisal suggests a sample for the experiment of how writers transfer sentiments, tastes, and formative judgments. Also, the Appraisal inquires how to evaluate in a way to ultimately permits to create through text communities of shared feelings and values [24].

There are practically no research papers devoted to evaluation within the framework of the Arabic academic discourse. We can single out one research work on the study of the evaluative Arabic language, which was carried out within the framework of comparative linguistics. Thus in 2016, Mahdi Al-Ramadan conducted research based on written materials of Anglo-American and Arabic-speaking students from Saudi Arabia. The study concluded that culture plays a pivotal role in differentiating between the means of academic persuasion that are preferred by writers in the two relevant cultures, as the Anglo-American texts adopted an evaluative stance (the writer appears to the target audience as an objective and impartial person). She concluded, that Americans for the language of evaluation were careful, precise, and restricted by the rules and standards that govern the rhetorical practices of the academic discourse group. It was discovered that these texts depend on the use of what is called in the literature the analysis of the interchangeable meaning of the discourse *the voice of the arguer*, which is characterized by its interactive nature. On the other hand, it was found that Arabic essay writers prefer to use a more personal persuasive style, and the evaluative meanings in Arabic texts were more intense and focused as a result of the adoption of repetition as a persuasive rhetorical method. In addition, the textual voice of an

Arabic student was more trusting, unilateral, and less interactive with the audience in a way that generally resembles the distinctive textual sound of *teaching books*. The Arabic rhetorical features are also found in most of the academic texts written in English as a foreign language by the students. This supports the role of culture in determining the optimal persuasive methods for the writer and also supports the validity of the hypothesis of contrastive rhetoric at the level of reciprocal meaning in the process of constructing the academic text. The results of Al-Ramadan research [25] indicate that due to both the process of linguistic interaction (transfer) from the mother culture and the possibility of the student writers' lack of awareness of the rules and standards of academic persuasion followed in the target discourse community, the students tend to produce what she calls *intergenres* — “hybrid genres that carry features from different sources and that do not entirely reflect the character of either the native culture's or the target culture's version of the genre in question” [24. P. 215].

Methodology

The present study is limited to the analysis of written academic discourse. Spoken academic discourse, such as that represented by the genres of presentations, lectures, and conferences, is out of the scope of this study. The study is based on the Appraisal theory within a detail look at the category of the *attitudinal stance* of the Appraisal Analytical Model, which is explained in section *Arabic Evaluative language: implementation of the Appraisal theory* of the present study.

Forming the methodological base, both linguistic and non-linguistic methods are engaged in executing the study. The present analysis seeks to implement such standard methods of research as induction and deduction. Using the method of induction in our study, we summarize the results of individual private observations of evaluation in Arabic in terms of academic discourse. The deduction method allowed us to investigate the language of evaluation within the framework of the Appraisal theory, which had not previously been tested on the Arabic-speaking academic discourse.

In addition to this, the method of component analysis was applied to analyze the content component of the language structures of evaluation within the framework of the Arabic academic discourse.

The study is based on posts about the successful defense of dissertations and obtaining a Ph.D. degree published in social media, which have become the main platform for communication in Arabic-speaking countries during the pandemic COVID-19. This material for the study was chosen since the phenomenon of expressing a written evaluation (writer) associated with the academic achievements of a person (reader) has not been studied in Arabic academic discourse. Nevertheless, the widespread use in social media, in particular by the Arab-speaking population for academic purposes, have been proven by previous studies [26; 27]. We have chosen the aspect of evaluating in Arabic academic settings in obtaining the Ph.D. degree since this process is a socially significant moment in the

life of a student and his family (قابلة). In the Arab world, it is believed the one who has received a Ph.D. (the field of study does not matter) is an example for the whole family to follow. After the obtaining of the Ph.D. degree, this student's name will be preceded by the letter *doctor* (الدكتور) or will be written (and also pronounced) *doctor* (الدكتور هاني الحديد).

Some key standpoints of Arabic academic discourse and its theoretical background

Arabic academic discourse is a unique subject for analysis; however, we can find hardly any works related to the study of Arabic academic discourse. Moreover, most of the researchers are genre-based and attempt to involve genre-structure analytical models in the study of Arabic academic discourse [10—12; 28—31]. Thus, Sultan [30], provided research on the nature of interpersonal communication in the Arabic academic texts. He developed his study on the published research articles in the field of linguistics and concluded that “the Arab writers were more inclined than the English-speaking writers to use attitude markers (*surprisingly, unfortunately, I agree*) to guide readers in understanding their opinions, intentions, and points of view” [30. P. 29]. In addition, the research reveals that Arabic students prefer to use boosters to express conviction and determination. It also discovered that evidence (for example, *X claims according to Y*) was about twice as common in English-language articles. According to Sultan, English authors equip a granular basis for verifying the facts they provide. This study indicates the majority of intercultural contrasts in the use of interpersonal elements in academic discourse. However, Sultan's research got criticism, because it remains relatively limited studies that are devoted to the study of interpersonal metafunction and how it is fully realized in various lexicographical resources [1; 32].

From a cross-cultural perspective, Arabic academic discourse has attracted the attention of Arabic-speaking researchers. Therefore, in 2010 Mohamed-Sayidina investigated the culture-specific factors of Arabic Academic discourse. He finalized that Arabic students use such elements of verbal communication in the written texts as “additive modes of propositional development” (درس درسا، كتب كتابا) and religious statements, such as (سبحان الله، بسم الله الرحمن الرحيم). He connected this phenomenon with “dependence of Arabic educational systems on memorizing and rote learning” [33. P. 264]. It is important to mention, that Arabs at large use religious vocabulary in many uncommon Islam fields without understanding the need for their implementation [34].

Tareq Hamed explored the nature of the conjunctive transition in argumentative essays written by Libyan undergraduate students. Thus, his analysis revealed an excessive use of intersentential coordination with the conjunction *and* (و) and inappropriate use of adversative coordination (expressing the opposition of one word or sentence to another). The data obtained are explained by the negative borrowing of the use of the conjunction *and* (و) from the Arabic language of students, in which the conjunction *and* (و) can express five functions: continuative

(وكننتيجة الدراسة هذا الامر مهم جدا), additive (عدي اليوم الرياضة والرياضيات), commentary (مبروك وعقبك), adversative (اليوم مدومين, وبكرا العطله) (وأنتي مسرور جدا), and simulative (الدكتوراه). The Libyan students carried over the function of continuing *and* (و) into their English writing, as it is used at the beginning of sentences and paragraphs in Arabic texts [35].

Also, within the framework of studying Arabic academic discourse from a cross-cultural perspective, much attention is paid to studies that examine how the choice of vocabulary contributes to the formation of certain culturally specific meanings that help achieve compelling goals. Thus, R. Rass concluded that the frequent repetition of the form of the word, which is characteristic of the Arabic academic discourse, also appeared in the writing of the text by the Arabs in English. He believes that this strategy is perceived by the Arabs as a strategy of persuasion. R. Rass also concluded that Arabs often use superlatives (*the best, the most*) in student papers in both Arabic and English. Speaking about the pattern of frequent use of superlatives, Russ writes: “unity of belief, indicating that there is only one true path, one right way; there is a single answer; there is black and white and no shades of gray” [36. P. 209]. This study also provides an analysis of the frequent use of the pronouns *we* and *our*, which, in the author’s opinion, is the strategy of Arabic-speaking students who are “oriented to the group”. The frequent use of the pronouns *we* and *our* can be explained by the collective nature of the Arab culture. As in previous studies, R. Rass in his research proves that the use of Islamic expressions in the framework of academic discourse is characteristic of Arabic-speaking students who do not always understand the correct context for using these Quranic expressions, or according to the author “often fail to consider the idea of “audience” when they write” [36. P. 209].

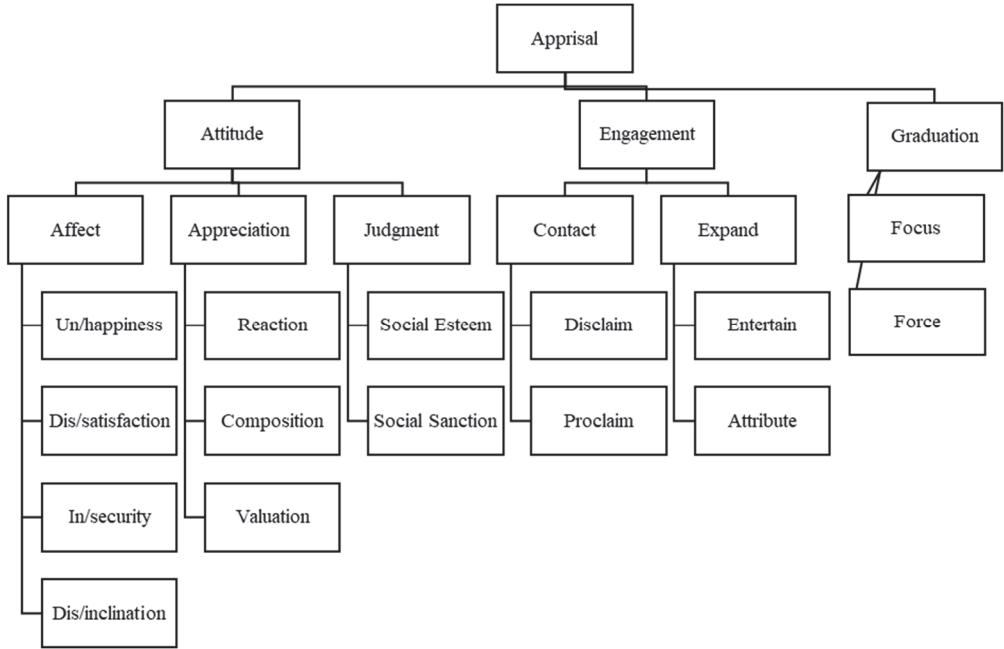
Arabic Evaluative language: implementation of the Appraisal theory

To analyze the language of evaluation within the framework of the Arabic academic discourse, according to the methodology described above, we applied the Appraisal theory provided by J. Martin and P. White (2005). In the Appraisal theory, J. Martin (2003) and Martin and P. White (2005) constructed standard distinctions such as “those holding between modality and attitudinal lexis” [4. P. 35], and “between attitudinal and epistemic stance” [38. P. 241]. The Appraisal theory can be diagrammatically displayed as follows.

In this study, we focus on the *Attitude* section, since in the framework of obtaining the Ph.D. degree, this gradation will allow us to provide a more detailed analysis of the evaluation language within the framework of Arabic academic discourse.

Firstly, *Affect* is clarified as “a semantic resource for construing emotions” [38. P. 148]. The *Un/happiness* sub-category of *Affect* “covers emotions concerned with ‘affairs of the heart’ — sadness, anger, happiness and love” [38. P. 150]. The *Dis/satisfaction* sub-category of *Affect* presents “emotions concerned with telos (the pursuit of goals) — such as ennu, displeasure, curiosity, respect” [38. P. 150].

The *In/security* sub-category of *Affect* “covers emotions concerned with ecosocial well-being” as is displayed in the consistencies of “anxiety, fear, confidence and trust” [38. P. 150]. The *Dis/inclination* of *Affect* is associated with the type of sensations that implicate “intention (rather than reaction), to a stimulus that is unrealis rather than realis” [38. P. 150]. The Appraisal theory can be diagrammatically displayed as follows:

Fig. 1. The Appraisal theory Module by Martin and White (2005)
Рис. 1. Схема теории оценки, предложенная Мартином и Уайтом (2005)

Table 1 / Таблица 1

**Examples of *Affect* in the Arabic academic discourse data /
 Примеры аффекта (*Affect*) в арабском академическом дискурсе**

Affect	happiness	دكتورنا الحبيب الغالي لك خالص تبريكاتنا... داعين المولى عز وجل بأن تكون سيفا للحق تندود عن الوطن والأمة،،،، أقسم أنك حامل نياشين الفخار والعلم والطيب ....
	satisfaction	كيف لا وأنت على طريق الآباء والأجداد ترفع الراية الأردنية بسواعدك وتفدي الوطن بروحك ، وتبسط على وجه المعمورة المنير فروسية وفراسة تشربتها في عرين شيخنا الغالي الاجودي صاحب المواقف المشرفة وكلمة الحق المدوية راعي الشومات ومدرسة الفخار وسنديانة الولاء والانتماء
	security	بارك الى نسبي الغالي الدكتور هيثم هاني الحديد حصوله على درجة الدكتوراه من جامعة جورج واشنطن مع مرتبة الشرف ، كل الدعم والتوفيق
	inclination	غادرنا قبل لحظات متوجها الى موسكو لاتمام الحصول على شهادة الدكتوراه في العلاقات الدولية ، بعد حصوله على شهادة التميز بالماجستير من جامعة الصداقه في موسكو وقد تكرمت الجامعة بمنحه الالتحاق بدراسة الدكتوراه من الجامعة تمنياتنا له بالتوفيق

Secondly, *Appreciation* is mostly dedicated to *things* (materials) rather than people and their manners. Particularly, it contains optimistic/pessimistic estimations of the constitution, formation, formatting, impact, presentation, value of natural objects, procedures, or conditions of experiences by “reference to aesthetics and other systems of social value” [24]. People can also be *Appreciated*, whereas the *judgment* does not directly reveal the in/correctness of behaviors [25]. *Appreciation* is supposed to be an institutionalization of *Affect* because in the *Appreciation* one directs to socially identified approaches of *value*. In this way, “*values of Appreciation* [are] less directly personalizing, at least relative to *values of Affect*” [25].

Appreciation consists of *reaction*, *composition*, and *valuation*. *Reaction* characterizes the evaluator’s responses to things; whether these things are acceptable, dissatisfying, whether are rewarding. An essential contrast between the system of *Affect* and the system of *Reaction* is that *Affectual* values are permanently connected with a distinct human experiencer (طالبة مجتهدة). *Reaction* (قضية مثيرة) (للاهتمام) is separated from human experiencers to the assessed entity “as if it were some property which the entity objectively and intrinsically possesses” [24].

The second kind of *Appreciation* is *Composition*. It is affiliated with the evaluation of the format or form of the thing; how agreeably the elements of the entity under evaluation fit together, how balanced, and congruous it is. *Valuation* as a type of *Appreciation* is connected to assessments of the social weight of the entity; whether it is beneficial or not.

Table 2 / Таблица 2

**Examples of *Appreciation* in the Arabic academic discourse data /
Примеры признательности (*Appreciation*) в арабском академическом дискурсе**

Appreciation	reaction	تخرجك بامتياز مع التوصية بنشر رسالتك الدكتوراه في ريادة الأعمال للمنظمات غير الربحية من الولايات المتحدة الأمريكية أجمل فرحة فرحتك في وصولك لهدفك، وفرحك في يوم تخرجك
	composition	الى الكزن ابو غازي الغالي دكتورنا والدبلوماسي المستقبلي الف مبروك التخرج وعقبال الدكتوراه ونتمنى ان تشاركك اللحظة ونفرح بتخرجكم لكن القادم افضل
	valuation	الحمد لله على فضله ونعمه وكثير عطائه، أبارك لنفسي حصول أخي الغالي والعزيز عبدالله حمودات على شهادة الماجستير في السياسة والعلاقات الدولية.. حبيبي ابو رزان نجاحك نجاحنا.. وفرحك وفرحنا.. ويا رب أعلى المراتب والدرجات دائماً.

Thirdly, the type of *Attitude*, *Judgment*, concerns the area indicating that expresses the writers’ *Attitude* towards and normative judgment of people and “their character (how they measure up)” [23. P. 52]. *Judgments* of manners are separated into two types, those dealing with *Social Esteem* and those dealing with *Social Sanction*. *Social Esteem* affects individual estimations of affection or objection of manners, notably those connected to peoples’ *Normality*, *Capacity*, and *Tenacity*. *Social Sanction* interests’ moral judgments of recognition or condemnation of behaviors that have to do with peoples’ *Veracity* and *Propriety*.

Table 3 / Таблица 3

**Examples of Judgment in the Arabic academic discourse data /
 Примеры суждения (Judgment) в арабском академическом дискурсе**

Judgment	Social Esteem	Normality	ما شاء الله كتب رسالته بالإنجليزية حول ريادة الأعمال للمنظمات غير الربحية
		Capacity	الحمد لله الدكتوراه الفخرية من جامعة البريطانية
		Tenacity	لا قوة الا الله هاشم قرر دراسة اللغة الروسية لمدة عام، ثم الدراسة في كلية الدراسات العليا بالروسية
	Social Sanction	Veracity	ألف ألف مبروك!
		Propriety	كل التقدير والتجاح!

Conclusion

The analysis carried out on the study of evaluative language in Arabic academic discourse based on posts published in social media and dedicated to the successful defense of Ph.D. dissertations, allowed us to draw the following conclusions. Firstly, the applicability of the Appraisal theory proposed by J. Martin and P. White can be applied not only to the analysis of the English appraisal language for which it was developed but also to the analysis of the appraisal language within the Arabic language discourse. Secondly, the language of evaluation in the Arabic academic discourse is determined by such factors as social (a specific attitude in Arab society towards a person who obtained a Ph.D. degree), traditional (a student who obtained a Ph.D. degree is the example for the whole family), religious (the entire language of evaluation includes religious, Islamic expressions). Thirdly, in the context of the pandemic, social media have become the main platform for communication between Arabic-speaking users, including academic communication, which allows us to study evaluative language, as shown in this study. We could note the prospects for studying the evaluative language within the framework of the Arabic academic discourse could be conducted in a comparative analysis of the oral and written Arabic language of assessment, each of which has its own specific culturally determined features.

References

1. Liu, X. (2013). Evaluation in Chinese university EFL students' English argumentative writing: An APPRAISAL study. *Electronic Journal of Foreign Language Teaching*, 10(1), 40—53.
2. Pho, P. (2013). *Authorial Stance in Research articles: Examples from Applied Linguistics and Educational Technology*. New York: Palgrave Macmillan.
3. Labov, W. (1972). *Language in the inner city: Studies in the Black English vernacular*. Vol. 3. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press.
4. Halliday, M.A.K. & Matthiessen, C.M. (2013). *Halliday's introduction to functional grammar*. London: Routledge.
5. Hyland, K. (2005). Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*, 7(2), 173—192.

6. Ansarin, A. (2011). Reader engagement in English and Persian Applied Linguistics articles. *English Language Teaching*, 4(4), 113—135.
7. Itakura, H. & Tsui, A.B. (2011). Evaluation in academic discourse: Managing criticism in Japanese and English book reviews. *Journal of Pragmatics*, 43(5), 1366—1379.
8. Mauranen, A. (1993). *Cultural Differences in Academic Rhetoric: A Textlinguistic Study*. Bristol: Peter Lang.
9. Duszack, A. (1997). Introduction. In: *Culture and styles of academic discourse*, A. Duszack (ed.). New York: Walter de Gruyter. pp. 1—10.
10. Fakhri, A. (2009). Rhetorical variation in Arabic academic discourse: Humanities versus law. *Journal of Pragmatics*, 41, 306—324.
11. Al-Ali, M.N. & Sahawneh, Y.B. (2011). Rhetorical and Textual Organization of English and Arabic PhD Dissertation Abstracts in Linguistics. *SKY Journal of Linguistics*, 24.
12. Al-Huqbani, M. (2013). Genre-Based analysis of Arabic research article abstracts across four disciplines. *Journal of Educational and Social Research*, 3(3), 371—382.
13. Hyland, K. (2004). Disciplinary interactions: metadiscourse in L2 postgraduate writing. *Journal of Second Language Writing*, 13(2), 133—151.
14. Lee, Y.C. (2006). An empirical investigation into factors influencing the adoption of an e-learning system. *Online information review*.
15. Matsuda, P.K. & Tardy, C.M. (2007). Voice in academic writing: The rhetorical construction of author identity in blind manuscript review. *English for Specific Purposes*, 26(2), 235—249.
16. Hyland, K. (2009). *Academic discourse: English in a global context*. London, New York: Continuum.
17. Bondi, M. (2012). Voice in textbooks: Between exposition and argument. In: *Stance and voice in written academic genres*. London: Palgrave Macmillan. pp. 101—115.
18. Gross, A.G. & Chesley, P. (2012). Hedging, stance and voice in medical research articles. In *Stance and voice in written academic genres*. London: Palgrave Macmillan. pp. 85—100.
19. Zaharna, R. (1995). Understanding cultural preferences of Arab communication patterns. *Public Relations Review*, 21(3), 241—255.
20. Koch, B. (1983). Presentation as proof: The language of Arabic rhetoric. *Anthropological Linguistics*, 25, 47—60.
21. Hatim, B. (1997). *Communication across cultures: translation theory and contrastive text linguistics*. Exeter: University of Exeter Press.
22. Martin, P. (2003). A genre analysis of English and Spanish research paper abstracts in experimental social sciences. *English for Specific Purposes*, 22(1), 25—43.
23. Martin, J. & White, P. (2005). *The language of evaluation: Appraisal in English*. New York: Palgrave Macmillan.
24. White, P.R. & Verschuere, J. (2002). *Handbook of pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins. pp. 1—27.
25. Al-Ramadan, M.M. (2016). *Appraisal in English and Arabic Academic Discourse: A Contrastive Study within a Systemic Functional Perspective* [dissertation]. King Saud University.
26. Shen, K.N., & Khalifa, M. (2010). A Research Framework on Social Networking Sites Usage: Critical Review and Theoretical Extension. *IFIP Advances in Information and Communication Technology*, 341, 173—181.
27. Abdillah, L.A. (2021). Web-Based Learning. *arXiv preprint arXiv:2107.13984*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2107.13984>
28. Najjar, H. (1990). *Arabic as a research language: The case of the agricultural sciences* [dissertation]. University of Michigan.
29. Al-Qahtani, A. (2006). *A contrastive rhetoric study of Arabic and English research article introductions* [dissertation]. Oklahoma State University.
30. Sultan, A.H. (2011). A contrastive study of metadiscourse in English and Arabic linguistics research articles. *Acta Linguistica*, 5(1), 28.
31. Al-Ali, M.N. & Sahawneh, Y.B. (2011). Rhetorical and Textual Organization of English and Arabic PhD Dissertation Abstracts in Linguistics. *SKY Journal of Linguistics*, 24.

32. Mei, W.S. & Allison, D. (2003). Exploring appraisal in claims of student writers in argumentative essays. *Prospect*, 18(3), 71—91.
33. Mohamed-Sayidina, A. (2010). Transfer of L1 cohesive devices and transition words into L2 academic texts: The case of Arab students. *RELC Journal*, 41(3), 253—266.
34. Dugalich, N.M. (2020). Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(3), 479—495. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495>
35. Hamed, M. (2014). Conjunctions in Argumentative Writing of Libyan Tertiary Students. *English Language Teaching*, 7(3), 108—120.
36. Rass, R.A. (2011). Cultural transfer as an obstacle for writing well in English: The case of Arabic speakers writing in English. *English Language Teaching*, 4(2), 206—212.
37. Biber, D. & Finegan, E. (1988). Adverbial stance types in English. *Discourse processes*, 11(1), 1—34.
38. Martin, J. (2000). Beyond exchange: Appraisal systems in English. *Evaluation in text*.

Information about the authors:

Hashem H. Alhaded, Assistant of the Foreign Languages Department, RUDN University; *e-mail*: alkhaded_kh@rudn.ru ResearcherID: AAE-4112-2022.

Tatiana N. Glushchenko, Ph.D., Associate Professor, Russian Language Department, the University of Jordan, Amman, Jordan; *e-mail*: tatyana@ju.edu.jo

Haitham Alhadid, Ph.D., Associate Professor, Global Leadership and Organizational behavior Department, Stratford University, Virginia, USA; *e-mail*: dr.haithamalhadid@yahoo.com ResearcherID: AAE-4127-2022.

Сведения об авторах:

Алхадед Хашем Хани Шехадех, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *e-mail*: alkhaded_kh@rudn.ru ResearcherID: AAE-4112-2022.

Глуценко Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета иностранных языков Иорданского университета, Амман, Иордания; *e-mail*: tatyana@ju.edu.jo

Хайсам Ал-Хадид, кандидат экономических наук, ассистент кафедры глобального управления и руководства, Университет Старфорда, Вирджиния, США; *e-mail*: dr.haithamalhadid@yahoo.com ResearcherID: AAE-4127-2022.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-80-95

УДК 811.111'42'276.5:62:004.912

Научная статья / Research article

Структурные модели англоязычных терминов для автоматической обработки корпусов научно-технических текстов

Ю.И. Бутенко¹✉, Н.С. Николаева², Е.Ю. Карцева¹

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
105005, Российская Федерация, Москва, 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1

✉ iubutenko@bmstu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены структурные модели английских многокомпонентных терминов из предметной области «Welding types» как основа для разметки корпуса научно-технических текстов. Обозначено место корпусов научно-технических текстов в корпусной лингвистике и перспективы дальнейших научных исследований на их основе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания корпусов научно-технических текстов в целом и средств автоматической разметки терминов в частности. Обосновано, что основной проблемой при создании корпусов научно-технических текстов является автоматическая разметка терминологических словосочетаний. Проведен анализ современного состояния терминосистемы предметной области «Welding types». Рассмотрена формальная структура элементов терминосистемы «Welding types». Представлены результаты анализа двух-, трех-, четырехкомпонентных английских терминологических словосочетаний предметной области «Welding types», а также их структурные модели. Все структурные модели английских терминологических словосочетаний проиллюстрированы примерами. Выделены наиболее продуктивные модели английских терминологических словосочетаний. Показано, что наиболее продуктивная модель — сочетание ядерного элемента с именем существительным или прилагательным в функции препозитивного определения — прослеживается у двухкомпонентных словосочетаний, но анализ более сложных образований показывает, что модель «левое определение, присоединенное к ядру термина» присутствует и в них, демонстрируя родовые признаки. Обоснована необходимость перечисления всех возможных структурных моделей терминологических сочетаний предметной области «Welding types». Новизна исследования видится в формировании базы данных структурных моделей терминологических словосочетаний как основы надкорпусной базы данных о структуре терминов для повышения качества автоматической разметки корпусов научно-технических текстов и обработки терминов-кандидатов при проведении корпусных исследований.

Ключевые слова: термин, терминологическое словосочетание, структурная модель, разметка, корпус научно-технических текстов, научно-технический дискурс

© Бутенко Ю.И., Николаева Н.С., Карцева Е.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2021

Дата приема в печать: 15.12.2021

Для цитирования:

Бутенко Ю.И., Николаева Н.С., Карцева Е.Ю. Структурные модели англоязычных терминов для автоматической обработки корпусов научно-технических текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 80—95. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-80-95>

Вклад авторов:

Бутенко Ю.И. — концепция и дизайн исследования использования структурных моделей терминологических словосочетаний для автоматической разметки корпусов научно-технических текстов, Николаева Н.С. — обработка иллюстративного материала, описание моделей терминологических словосочетаний, Карцева Е.Ю. — сбор иллюстративного материала по предметной области, написание текста.

UDC 811.111'42'276.5:62:004.912

Structural Models of English Terms of Automated Processing of Scientific and Technical Texts Corpora

Iuliia I. Butenko¹, Natalia S. Nikolaeva², Elena Yu. Kartseva¹

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Mikluho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

²Bauman Moscow State Technical University,
5/1, 2-nd Baymanskaya str., Moscow, Russian Federation, 105005

 iubutenko@bmatu.ru

Abstract. The article is devoted to the structural models of English multi-component terms from the subject area “Welding types” as a basis for marking the corpora of scientific and technical texts. The place of corpora of scientific and technical texts in corpus linguistics and prospects of further scientific research based on them are marked. Relevance of the research is conditioned by the necessity to create the corpus of scientific and technical texts, in general, and means of automatic marking of terms, in particular. It has been substantiated that the main problem in creating the corpus of scientific and technical texts is automatic marking of terminological word combinations. The analysis of the current state of the terminology system of the subject area “Welding types” has been carried out. The formal structure of elements of the “Welding types” terminology system is considered. The results of the analysis of two, three, four-component English terminological word combinations of the “Welding types” subject area and their structural models are presented. All structural models of English terminology combinations are illustrated with examples. The most productive models of English terms word combinations are highlighted. It is shown that the most productive model — the combination of a nucleus element with a noun or an adjective in the function of the prepositional definition — can be traced in two-component word combinations, but the analysis of more complex formations shows that the model of “left definition attached to the term kernel” is also present in them, demonstrating generic features. The necessity of enumerating all possible structural models of terminological combinations in the subject area “Welding types” has been substantiated. The novelty of the study is seen in the formation of a database of structural models of terminological combinations as the basis of a superstructure database on the structure of

terms to improve the quality of automatic marking of the bodies of scientific and technical texts and processing of terms-candidates in the conduct of body studies.

Key words: term, terminological word combination, structural model, markup, scientific and technical texts corpora, scientific and technical discourse

Article history:

Received: 01.03.2021

Accepted: 15.12.2021

For citation:

Butenko, Iu.I., Nikolaeva, N.S. & Kartseva, E.Yu. (2022). Structural Models of English Terms of Automated Processing of Scientific and Technical Texts Corpora. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 80—95. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-80-95>

Authors' contribution:

Iuliia I. Butenko — the concept and design of the study on the use of structural models of terminological phrases for automatic marking of scientific and technical text corpora, Natalia S. Nikolaeva — processing of illustrative material, description of models of terminological phrases, Elena Yu. Kartseva — collection of illustrative material on the subject area, writing the text.

Введение

Благодаря достижениям современной корпусной лингвистики стало возможным при проведении лингвистических исследований осуществлять сбор иллюстративного материала при помощи специализированных электронных корпусов. Сферы применения корпусов текстов включают автоматизированное извлечение информации, обучение на основе данных, текстовые поиски в крупномасштабных коллекциях текстов с использованием методов обработки естественного языка, автоматическую классификацию текстов, преподавание языков для специальных целей, проведение лингвистических исследований [1].

Распространенными являются корпусы, содержащие тексты художественной литературы, однако наличия корпусов, основанных исключительно на литературно-художественных произведениях, недостаточно для эффективного применения корпусной лингвистики в области лингвистических исследований [2]. Для осуществления исследований в определенной предметной области, т.е. изучения языков для специальных целей, необходимо наличие корпусов научно-технических текстов, которые в настоящее время находятся в закрытом доступе или вовсе отсутствуют. Описание подязыка определенной предметной области требует создания специального корпуса узкоспециальных текстов, так как общие корпуса не всегда подходят для изучения определенных предметных областей в силу их большого объема и разнообразного материала.

Тексты корпусов обычно размечаются для удобства пользования, т.е. текстам и содержащимся в них языковым единицам приписываются специальные метки. Размеченные корпуса обеспечивают специализированными

поисковыми системами, реализующими грамматические и лексические виды поиска [3]. В зависимости от целей создания корпуса в него включают дополнительные виды разметки [4]. Так, для корпуса научно-технических текстов наибольшую значимость приобретает терминологическая разметка, так как именно термины выступают основным средством передачи информации.

Работа с корпусами научно-технических текстов требует особый инструментарий для выявления устойчивых терминологических словосочетаний [5]. Стоит отметить, что в настоящее время лексико-грамматические шаблоны многокомпонентных терминов исследователи создают для каждого специализированного корпуса отдельно, например, для корпусной лингвистики [6], информационной безопасности [7], нанотехнологии [8] и др. В такой ситуации возникает необходимость в разработке специализированной технологии, позволяющей последовательно обрабатывать коллекции текстов разных предметных областей и фиксировать каждую модель многокомпонентного терминологического словосочетания в отдельной базе данных. М.Г. Кружков в работе [3] использует термин для таких специализированных баз данных — «надкорпусные базы данных». Создание надкорпусной базы структурных моделей английских терминологических сочетаний позволит, с одной стороны, использовать уже созданную базу структурных моделей терминологических словосочетаний, а с другой стороны — дополнять и актуализировать базу данных новыми структурными моделями терминов с минимальными временными и человеческими затратами.

Материал и методы исследования

Автоматизация терминологической разметки, которая является обязательным элементом корпуса научно-технических текстов, представляет собой сложную теоретическую и практическую задачу, решение которой требует взаимопроникновения частных методов лингвистики и программирования [9]. Накоплены значительные фонды научно-технических текстов, их обработка требует наличия средств автоматической обработки текстов, учитывающих их стилевые особенности. Так, наибольшую сложность при автоматической разметке представляют собой многокомпонентные термины, выражающие одно понятие, но представленные несколькими лексическими единицами в своем составе. Отмеченные обстоятельства указывают на необходимость создания «надкорпусной» базы структурных моделей терминологических словосочетаний, что позволит использовать разработанную базу для дальнейшей терминологической разметки корпусов научно-технических текстов разных предметных областей.

Материалом исследования послужили терминологические словосочетания предметной области «Welding types», собранные методом сплошной выборки из иллюстративных источников. При обработке иллюстративного материала использован метод структурного анализа для разработки моделей двух-, трех- и четырех компонентных терминологических словосочетаний

как наиболее вероятных в научно-технических текстах. Терминологические словосочетания с пятью и более компонентами не являются часто используемыми моделями, в связи с чем они не были включены в базу.

Таким образом, целью статьи является выявление структурных моделей английских терминологических сочетаний предметной области «Welding types» как основы надкорпусной базы данных о структуре английских терминов для повышения качества автоматической разметки специализированных корпусов научно-технических текстов.

Терминосистема предметной области «Welding types»

На всем протяжении развития общества, науки и техники человек сталкивался с необходимостью не только изобретать способы получения нужной ему продукции, но и потребностью называть придуманные технологии и инструментарий. То есть еще в древности зародились зачатки современных терминологий. Являясь вербализованными результатами речемыслительной деятельности человека, термины проявляются как многофункциональные образования. Во-первых, с исторической точки зрения представляют собой элементы когниции, т.е. отражают знания, зафиксированные в определенный момент развития отрасли. Во-вторых, термины могут способствовать развитию данной предметной области, иногда опережая и вызывая теоретические и практические изыскания. В-третьих, будучи элементами не только языка для специальных целей, но и просто языка, термины являются инструментом для общения в данной предметной области, представляют собой понятийные единицы для передачи накопленных знаний и опыта.

В условиях научно-технического прогресса отраслевые терминологии и терминосистемы представляют собой постоянно изменяющиеся информационные базы по разным видам деятельности. Каждая вновь появляющаяся в настоящее время предметная область предполагает необходимость номинации. В связи с этим возникает существенный вопрос: являются ли принципы зарождения и развития терминов, формирования их структуры, а также их группировки в терминологии хаотичными, т.е. специфичными для каждой терминологии, или эти процессы подчиняются не просто отдельным общим принципам, а основополагающим законам [10]. Ответ на этот вопрос является основополагающим для планирования работ по унификации и стандартизации терминов с целью избежать множественных синонимичных названий, омонимии и полисемии в терминологии.

Для выявления именно устойчивых терминологических сочетаний и рассмотрения уже устоявшихся структурных моделей с последующей возможностью их разметки в корпусах научно-технических текстов была выбрана терминосистема предметной области «Welding types». Тексты предметной области «Сварка» во многом терминологичны, и поэтому требуется разработка принципов и методов автоматизированного выделения терминов и терминологических сочетаний [6].

Участие языкового субстрата в структуре термина, существование термина в виде лексической единицы определенного естественного языка проявляется в том, что термин обладает определенной формальной структурой. Подавляющее большинство терминов имеет формальную структуру лексических единиц того естественного языка, на основе которого они образуются [11]. Термин может быть однокомпонентным и состоять из ключевого слова или представлять собой терминологическую группу, в состав которой входит ключевое слово или ядро группы, одно или несколько левых определений и одно или несколько правых или предложных определений, которые уточняют или модифицируют смысл терминологической единицы [12].

Наиболее сложным явлением в процессе автоматической разметки терминов в корпусе научно-технических текстов представляют собой многокомпонентные термины — терминологические словосочетания, образованные лексическим и синтаксическим способами, то есть по определенным моделям. Способ образования терминов в виде цепочки слов часто используется на практике [13].

В основе анализа терминологических словосочетаний лежит вычленение исходного терминологического словосочетания и определение последовательности присоединения к нему остальных элементов. Исходным терминологическим словосочетанием, как правило, является двухкомпонентное субстантивное терминологическое словосочетание, которое в рамках трех-, четырехкомпонентного терминологического словосочетания характеризуется более тесными структурно-семантическими отношениями [14].

Таким образом, при создании системы автоматической разметки корпуса научно-технических текстов необходимо установить все возможные структурные модели русских многокомпонентных терминов на примере предметной области «Welding types».

Структурные модели терминологических единиц предметной области «Welding types»

При рассмотрении терминологии «Welding types» следует отметить присутствие небольшого количества **однокомпонентных** терминов. Их малое количество в основном массиве говорит о невысокой продуктивности данной модели в исследуемой области (*arcogen, rewelding, tacking, Union-Melt, welding*). Скорее всего это связано с узостью или, наоборот, слишком большим объемом понятия и недостаточной дифференциацией технологий, ими обозначаемых (как в случае с термином *welding*) [15].

Анализ английского массива терминов исследуемой понятийной области показал, что наиболее продуктивным способом номинации является синтаксический способ — образование терминов-словосочетаний, состоящих из двух, трех и более компонентов. При этом можно наблюдать, как растет семантическая дифференциация терминов по мере развития каждого направления предметной области. При рассмотрении выявленных многокомпонентных

терминов в 90% случаев зафиксирована структура, которая подразумевает расположение ядерного элемента, т.е. элемента, ответственного за номинативный характер лексической единицы, в конце словосочетания. Элемент, отвечающий за расширение понятийного наполнения термина (определение), находится в препозиции (левое определение). Преобладание такой модели обусловлено самой понятийной областью, в которой видовой, атрибутивный, элемент описывает способ защиты, материал или процесс, с помощью которого и происходит соединение материалов, т.е. сварка. Во всех представленных далее схемах ядерным компонентом является термин *welding* (сварка) как родовой термин данной терминологии.

Наиболее распространенными (порядка 60%) терминами-словосочетаниями являются **двухкомпонентные** образования, что, с одной стороны, свидетельствует о достаточной информативности выявленных терминов, с другой же стороны, говорит об удобстве их использования в устной и письменной профессиональной коммуникации [16—17]. Дальнейший анализ структуры представленных терминов показал наличие моделей, образованных с помощью разнообразных принципов, характерных для английского языка как языкового субстрата.

Наибольшее количество примеров продемонстрировало структуру «существительное + существительное (ядерный элемент)» (*arc welding, blacksmith welding, braze welding, diffusion welding, explosion welding, acetylene welding*), где первое существительное выступает в роли препозитивного определения. В половине случаев определение выражено простым существительным (*deck welding, die welding, fire welding, flame welding, flash welding, gravity welding, thermit welding, wash welding*, и др.) Но в массиве выделяется существенная часть сложных существительных-определений, демонстрирующих структурное разнообразие, характерное для англоязычного словообразования и, как следствие, образования терминов.

Атрибутивный элемент может быть выражен существительными, представляющими собой сложные лексемы с нулевым интерфиксом и дефисным написанием (*air-acetylene welding, argon-arc welding, carbon-electrode welding, energy-storage welding, friction-stir welding, electron-beam welding, radio-frequency welding, solid-phase welding, solid-state welding* и др.).

Еще одной частотной моделью атрибутивного элемента может быть сочетание основ прилагательного (*bare-electrode welding, high-frequency welding, magnetic-pulse welding*), причастия (*heated-tool welding, controlled-transfer welding*), числительного (*three-phase welding, two-electrode welding*) и существительного, которое, являясь главным компонентом модели, отвечает за принадлежность полученного определения к разряду существительных.

Следующей, менее продуктивной, группой моделей, выделяемой в общем массиве двухкомпонентных терминов, является «прилагательное + существительное (ядерный элемент)». Как и в случае, когда атрибутивный элемент выражен существительным, мы имеем дело с простыми (*chemical welding, cold*

welding, dielectric welding, electric welding, plastic welding,) и сложными (*gaselectrical welding, electro-chemical welding*) прилагательными. Сложные прилагательные представляют собой образования, полученные сложением основ с использованием интерфикса -o-. В половине случаев используется дефисное написание (*chemical* (усечение суффиксов прилагательного) + o + *mechanical* — *chemico-mechanical welding*; *electric* (усечение суффикса прилагательного) + o + *mechanical* — *electro-mechanical welding*; *electric* (усечение суффикса прилагательного) + o + *slag* — *electro-slag welding*). Другая часть сложных прилагательных представлена терминами также с интерфиксом -o-, но со слитным написанием (*electropercussive welding, electrostatic welding, electromagnetic welding*).

Другая малопродуктивная модель с препозитивным определением строится по схеме «причастие + существительное (ядерный элемент)» (*powdered welding, flux-cored welding, pressure-controlled welding*), где причастие может быть простым по своей структуре, как в случае с *powdered welding*, и может быть сложным, как в терминах *flux-cored welding* и *pressure-controlled welding*.

Модель, по своей структуре противоположная представленным ранее, т.к. ядерный элемент в ней находится перед атрибутивным элементом, показала свою малую продуктивность. Образованная по схеме «существительное (ядерный элемент) + существительное с предлогом (*in, with*)» (*welding in air, welding in space, welding-on with pressure*), она встречается только приблизительно в 1% случаев номинации. Кроме того, эволюция терминологии показывает, что некоторые подобные термины преобразуются в синонимичные в соответствии с моделью «существительное + существительное (ядерный элемент)». Так, например, вместо *welding in space* в настоящее время чаще встречается *space welding*, а *welding with pressure* в ряде случаев функционирует параллельно с термином *pressure welding*, хотя в некоторых случаях их значения и расходятся.

Трехкомпонентные терминологические словосочетания занимают второе место по встречаемости в предметной области «**Welding types**». Наиболее продуктивной является структурная модель, образованная присоединением препозитивного определения слева к ядерному элементу, как и в двухкомпонентных образованиях. При проведении структурного анализа атрибутивного элемента выявляется наличие как простых, так и сложных моделей.

В качестве атрибутивного элемента в подобной конструкции в большинстве выступают, как и в двухкомпонентных образованиях, существительные, прилагательные и причастия. Сложность для понимания подобных конструкций может представлять выявление смыслового присоединения атрибутивного элемента к ядерному.

Так, в модели «прилагательное + существительное + существительное (ядерный элемент)» (*atomic hydrogen welding, cold pressure welding, electromagnetic arc welding, magnetic discharge welding, straight flash welding, continuous feed welding, independent arc welding*, и др.), прилагательное может

образовывать понятийное единство с первым существительным, образуя самостоятельно функционирующие отдельно от рассматриваемого терминополья терминологические двухкомпонентные словосочетания (*atomic hydrogen, continuous feed, independent arc, magnetic discharge*, и др.), в дальнейшем присоединяемые к ядерному элементу. Но, в то же время, возможны параллельные связи внутри трехкомпонентного словосочетания, например *cold pressure welding* — это одновременно и *cold welding*, и *pressure welding*; *manual arc welding* является сочетанием *manual welding* с *arc welding*; а *remote laser welding* представляет собой комбинацию *remote welding* и *laser welding*.

Подобным образом строится модель, в которой вместо прилагательного первым компонентом является причастие настоящего или прошедшего времени «причастие + существительное + существительное (ядерный элемент)» (*closed joint welding, hammered resistance welding, hidden arc welding, submerged arc welding, rotating arc welding*). В подобной модели проблемы с определением понятийных взаимоотношений в пределах модели отсутствуют, т.к. причастие определяет ближайшее к нему существительное.

Рассматривая структуру, где второе существительное заменено прилагательным, «прилагательное + прилагательное + существительное (ядерный элемент)», выявляется другое, параллельное, подчинение опорному элементу. Так, *electromagnetic percussive welding* представляет собой сочетание *electromagnetic welding* и *percussive welding*; а *electrostatic percussive welding* сочетает в себе предметные области *electrostatic welding* и *percussive welding*.

Еще одной продуктивной моделью трехкомпонентных терминологических словосочетаний является «существительное + существительное + существительное (ядерный элемент)» (*carbon arc welding, laser hybrid welding, oxyacetylene pressure welding, stick electrode welding, pressure thermit welding*). Данные модели являются еще одним примером, демонстрирующим разницу в понятийном соподчинении в рамках представленной структуры. С одной стороны, можно говорить о параллельном соподчинении, как в случае с *fusion thermit welding, contact arc welding, pulse spot welding, pressure contact welding*, где каждое из зависимых слов может образовывать самостоятельно функционирующее терминологическое словосочетание с ядерным элементом — *fusion welding* и *thermit welding, contact welding* и *arc welding, spot welding* и *pulse welding, pulse welding* и *spot welding*. Другой, так же часто встречаемой комбинацией понятий в модели, является присоединение еще одного атрибутивного элемента слева к уже имеющемуся двухкомпонентному терминологическому словосочетанию, что также является достаточно логичным явлением, отражающим процесс дифференциации понятия, как, например, *vacuum (diffusion welding)* — расширение понятия, выраженное термином *vacuum*, добавлено к словосочетанию *diffusion welding*.

Но данная модель может представлять и другое комбинирование понятий. Так в сочетании (*laser (hybrid) welding*) исходным является *laser welding*, а термин *hybrid* относится ко всему словосочетанию, являясь своего рода

термином-вставкой. В сочетании *dip transfer welding* разбивка на отдельные словосочетания невозможна, т.к. обозначаемое понятие может быть отражено триединым нечленимым образованием.

Еще одной особенностью структурирования **трехкомпонентных** словосочетаний оказалось, что наиболее продуктивная модель строится по принципу сочетания сложных терминослов.

Сложным по своему составу может быть первый компонент, как в случае с *bare-metal arc welding*, *bare-wire arc welding*, *constant-pressure pressure welding*, *laser-plasma hybrid welding*, и др., составленный в большинстве случаев из основ прилагательного и существительного (*constant-temperature pressure welding*, *magnetic-flux arc welding*) или, в меньшей степени, существительного и существительного (*oxy-city gas welding*), давая в итоге сложное существительное. В таком случае модель сводится к уже рассмотренной ранее — «существительное + существительное + существительное (ядерный элемент)». Но, данной модели может соответствовать и образование, в котором сложным по своему составу является второй компонент словосочетания. Так, например, в терминах *argon metal-arc welding*, *argon tungsten-arc welding*, *gas carbon-arc welding*, *gas metal-arc welding*, *twin carbon-arc welding* второй компонент является комбинацией двух основ существительных.

Существенная часть массива трехкомпонентных словосочетаний представлена словосочетаниями, одним из компонентов которых является причастие настоящего и прошедшего времени, и один из компонентов является сложным словом. При этом могут наблюдаться следующие модели «прилагательное + сложное существительное + существительное (ядерный элемент)» (*automatic covered-electrode welding*); «причастие + сложное существительное + существительное (ядерный элемент)» (*controlled tungsten-arc welding*); «сложное существительное + причастие + существительное (ядерный элемент)» (*inert-gas shielded welding*); «сложное причастие + существительное + существительное (ядерный элемент)» (*gas-shielded arc welding*, *vapour-shielded arc welding*, *CO2-shielded arc welding*, *self-adjusting arc welding*, *semi-submerged arc welding*).

Сложными по своему составу могут быть и оба атрибутивных компонента, причем наиболее часто встречается модель «сложное существительное + сложное существительное + существительное (ядерный элемент)» (*metal-arc inert-gas welding*, *inert-gas carbon-arc welding*, *inert-gas metal-arc welding*, *impregnated-tape metal-arc welding*), и намного реже используется модель «сложное существительное + сложное причастие + существительное (ядерный элемент)» (*magnetic-flux gas-shielded welding*). Сложные компоненты в данном случае могут быть образованы при помощи соединения основ прилагательных (*magnetic*, *inert*), существительных (*metal*, *flux*, *carbon*) и причастий (*shielded*, *impregnated*). Еще одним вариантом получения трехкомпонентного словосочетания при помощи соединения сложных терминослов является использование аббревиатур. Хотя в исследуемой тематической

области обнаружен только один пример подобного образования (*a-c single-phase welding*), но, возможно, потенциал подобного подхода к созданию сложных терминов недооценен.

Следует отметить в единичных случаях встречающуюся в исследуемой понятийной области модель, в которой ядерный компонент находится не в конечной позиции, а в центральной «существительное + существительное (ядерный элемент) + существительное с предлогом *in*» (*diffusion welding in vacuum*) и даже в начальной «существительное (ядерный элемент) + прилагательное/причастие + существительное с предлогом (*under, with*)» (*welding under controlled atmosphere, welding with independent arc*). Редкая встречаемость подобных моделей свидетельствует об их невысокой продуктивности в английском терминообразовании.

По материалам лексикографических источников **четырёхкомпонентные** терминологические словосочетания встречаются гораздо реже **двух-** и **трехкомпонентных**. Хотя точное количество терминов, которые можно отнести к той или иной группе, выяснить затруднительно, так как во многих случаях терминологический элемент «*arc*» может присутствовать или отсутствовать в терминологическом словосочетании без потери смысла, что отражается в словарях выделением скобками элиминируемого элемента (*gas-shielded (arc) welding*). Практика показывает, что в научных текстах по данной предметной области данный элемент зачастую элиминируется, что превращает **четырёхкомпонентные** словосочетания в **трехкомпонентные** эллиптические варианты терминов, в которых пропущен один из компонентов, а **трехкомпонентные** термины, соответственно, в **двухкомпонентные**.

Большинство выявленных моделей демонстрирует структуру, проявляющуюся на этапе анализа **двух-** и **трехкомпонентных** словосочетаний. Ее можно свести к упрощенной **двухкомпонентной** модели «[препозитивное определение] + существительное (ядерный элемент)», которая уже показала свою продуктивность, т.к. чаще всего встречается во всех рассмотренных терминологических словосочетаниях. В рассматриваемой упрощенной модели [препозитивное определение] представляет собой комбинацию простых и сложных терминослов, присоединяемых к ядерному элементу или напрямую, или образуя самостоятельно функционирующие словосочетания, соединяющиеся в сложный термин самым непредсказуемым образом. Так, например, уже имеющийся **трехкомпонентный** термин *electron beam welding* получил уточняющий элемент *non-vacuum*, в ходе чего образовалось **четырёхкомпонентное** образование *non-vacuum electron beam welding*. Или можно увидеть объединение 2-х двухкомпонентных словосочетаний (*controlled rate + arc welding*) в одно **четырёхкомпонентное** *controlled rate arc welding*. По такой же схеме образуются терминологические словосочетания *stored energy resistance welding* и *vibrating electrode arc welding*. Еще одна модель образуется по принципу «матрешки», когда к ядерному элементу последовательно присоединяются дифференцирующие термины: к имеющейся **двухкомпонентной** модели

laser welding сначала добавлен 3-й компонент *remote*, а, потом, в одном случае — компонент *robot*, а в другом — *scanner-based*; в итоге получаем два термина — *scanner-based remote laser welding* и *robot remote laser welding*. Другие варианты образования **четырёхкомпонентных** словосочетаний на базе уже имеющихся **двухкомпонентных** представлены:

- параллельным присоединением к двухкомпонентному термину *arc welding* не связанных между собой однословных терминов, обозначающих специфику процесса сварки (*gas + tungsten + (arc welding)*);

- параллельным присоединением однослового термина *metal* и **двухкомпонентного** словосочетания *active gas* к ядерному элементу (*metal (active gas) welding*).

В общем массиве **четырёхкомпонентных** словосочетаний выявлены единичные случаи применения постпозитивных определений, представленных набором существительных с предлогом (*welding in the atmosphere of illuminating gas*).

В выявленном массиве терминов предметной области «Welding types» наблюдается также наличие немногочисленных многокомпонентных словосочетаний с пятью и шестью составляющими. Наличие подобных терминологических словосочетаний свидетельствует, с одной стороны, о стремлении все более детализировать семантику терминологических словосочетаний, отражая эволюцию существующих процессов и образование на их основе новых, с другими характеристиками (*consumable electrode inert arc welding, gas shielded metal arc welding, shielded inert gas metal arc welding, welding with consumable electrodes in an atmosphere of CO2 gas*). С другой стороны, наличие многокомпонентных словосочетаний с большим количеством составляющих является сложным для восприятия и коммуникации, что ведет к их последующему упрощению. Скорее всего процесс упрощения словосочетаний до 3-х и 4-х компонентных мы наблюдаем в сочетаниях, использующих в своих моделях сложные слова (*laser-plasma hybrid welding, gas carbon-arc welding, a-c single-phase welding, impregnated-tape metal-arc welding* и др.).

Заключение

Для упрощения подхода к разметке корпусов терминологических текстов появилась необходимость в выборе достаточно устоявшегося массива терминов, который мог бы продемонстрировать характерные структурные образования, присущие развитым терминологиям и, особенно терминосистемам. В качестве исследуемого массива была выбрана терминосистема предметной области «Welding types», которая, с одной стороны, имеет давнюю историю, а, с другой стороны, основной этап ее наполнения пришелся на XX век, что упрощает подбор и анализ терминов. В связи с тем, что терминосистема предметной области достаточно изучена и стандартизирована, предполагается создание на ее основе надкорпусной базы данных, описывающей структурные модели терминологических словосочетаний предметной области «Welding

types». Рассматривая формальную структуру элементов терминосистемы «Welding types», следует отметить, что наиболее продуктивной моделью является сочетание ядерного элемента с именем существительным или прилагательным в функции препозитивного определения. Наиболее явно данная модель прослеживается у двухкомпонентных словосочетаний, но анализ более сложных образований показывает, что модель «левое определений, присоединенное к ядру термина» присутствует и в них, демонстрируя родовые признаки. Дальнейшее усложнение терминологического словосочетания чаще всего происходит с усложнением постпозитивного определения, несущего в себе видовые особенности. Такой подход позволит не только исследовать частные характеристики моделей терминологических словосочетаний, но и формирование всех возможных продуктивных моделей терминологических словосочетаний, которые будут совпадать со словосочетаниями из других предметных областей.

Библиографический список

1. *Нагель О.В.* Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // *Язык и культура*. 2008. № 4. С. 53—59.
2. *Захаров В.П.* Корпуса русского языка // *Труды института русского языка имени В.В. Виноградова*. 2015. № 6. С. 20—65.
3. *Кружков М.Г.* Информационные ресурсы контрастивных лингвистических исследований: электронные корпуса текстов // *Системы и средства информатики*. 2015. Т. 25. № 2. С. 140—159.
4. *Лесников С.В.* Виды разметок текстовых корпусов русского языка // *Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы*. 2019. № 9. С. 27—30.
5. *Захаров В.П., Хохлова М.В.* Автоматическое выявление терминологических словосочетаний // *Структурная и прикладная лингвистика*. 2014. № 10. С. 182—200.
6. *Захаров В.П., Хохлова М.В.* Автоматическое извлечение терминов из специальных текстов с использованием дистрибутивно-статистического метода как инструмент создания тезаурусов // *Структурная и прикладная лингвистика*. 2012. № 9. С. 222—233.
7. *Loukachevitch N., Dobrov B.* Ontological Resources for Representing Security Domain in Information-Analytical System // *Open Semantic Technology for Intelligent Systems*. 2018. № 8. С. 185—191.
8. *Морев Н.А.* К проблеме лингвистического анализа терминологии в области нанотехнологий (о необходимости разработки исследовательского корпуса терминологических единиц) // *Вестник МГЛУ*. 2012. № 13 (646). С. 115—124.
9. *Sidnyaev N.I., Butenko I.I., Bolotova E.E.* Formal Grammar Theory in Recognition Methods of Unknown Objects Automatic Documentation and Mathematical Linguistics. 2020. Vol. 54. Issue 4. P. 215—225.
10. *Николаева Н.С.* Особенности происхождения основных терминов терминосистемы «Сварка» (на материале английской и русской терминологий) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2011. № 1. С. 132—138.
11. *Лейчик В.М.* О языковом субстрате термина // *Вопросы языкознания*. 1986. № 5. С. 87—97.
12. *Лейчик В.М.* Исходные понятия, основные положения, определения современного терминоведения и терминографии // *Вестник Харьковского политехнического университета*. 1994. № 1. С. 147—180.
13. *Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

14. *Циткина Ф.А.* Терминология и перевод. Львов: Высшая школа, 1988.
15. *Николаева Н.С.* Особенности начального этапа в формировании терминологии (донаучный и протонаучный периоды) [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2013. № 7. Режим доступа: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/pedagog/engped/87.html> (дата обращения: 25.10.2020).
16. *Лейчик В.М.* Оптимальная длина и структура термина // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 63—73.
17. *Гринева-Гринева С.В., Сорокина Э.А.* Опыт описания формальной структуры термина (на материале английской терминологии лексикологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 5. С. 74—85.

Список источников иллюстративного материала

1. *Золотых В.Т.* Англо-русский словарь по сварочному производству, под ред. А.А. Ерохина. М.: Сов. Энциклопедия, 1967.
2. *Николаева Н.С.* Обучение чтению литературы на английском языке по специальности «Сварочное производство»: лексический справочник. М.: Изд. МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2015.
3. *Cordovi Marcel A.* Glossary of Foreign Welding Terms, M.A. Cordovi (comp). New York: American Welding Society, 1944.
4. Extensive Experience with Both Consumable Guide and High Speed Conventional Electroslag Welding [Electronic resource]. Режим доступа: <http://www.netwelding.com/serv04.htm#BackgroundDetails> (дата обращения: 17.06.2020).
5. Friction Stir Welding // Wikipedia: the free encyclopedia [Electronic resource]. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Friction_stir_welding (дата обращения: 11.05.2020).
6. Fusion Splicing // Wikipedia: the free encyclopedia [Electronic resource]. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Fusion_splicing (дата обращения: 11.05.2020).
7. History of MIG (GMAW) Welding [Electronic resource]. Режим доступа: http://www.netwelding.com/History_MIG%201.htm#AtomicHydrogen (дата обращения: 14.05.2020).
8. History of Welding — in the Beginning [Electronic resource]. Режим доступа: <http://www.netwelding.com/History%20of%20Welding.htm> (дата обращения: 11.05.2020).
9. Laser-Hybrid Welding // Wikipedia: the free encyclopedia. [Electronic resource]. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Laser-hybrid_welding (дата обращения: 12.05.2020).
10. *Mackenzie L.B.* The Welding Encyclopedia, T.B. Jefferson (comp.). New York: McGray-Hill, 1951.
11. Terms and Definitions. AWS A 3.0-69. // Prep. By AWS Com. On definitions and symbols. Under the dir. of AWS Technical activities com. New York: American Welding Society, 1969.
12. Welding handbook // Fundamentals of welding. Vol. 1. Miami: American Welding Society, 1976.

References

1. Nagel', O.V. (2008). Corpus linguistics and its use in computer-based language teaching. *Language and culture*, 4, 53—59. (In Russ.).
2. Zakharov, V.P. (2015). Corpora of the Russian Language. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 6, 20—65. (In Russ.).
3. Kruzhev, M.G. (2015). Information resources for contrastive studies: electronic text corpora. *Systems and means of informatics*, 25(2), 140—159. (In Russ.).
4. Lesnikov, S.V. (2019). The types of marking of text corpora of the Russian language. *Scientific and Technical Information. Series 2. Information Processes and Systems*, 9, 27—30. (In Russ.).

5. Zakharov, V.P. & Khokhlova, M.V. (2014). Automatic extracting of terminological phrases. *Structural and Applied Linguistics*, 10, 182—200. (In Russ.).
6. Zakharov, V.P. & Khokhlova, M.V. (2012). Automatic term extraction and statistical analysis in a special text corpus as a tool for thesaurus construction. *Structural and Applied Linguistics*, 9, 222—233. (In Russ.).
7. Loukachevitch, N. & Dobrov, B. (2018). Ontological Resources for Representing Security Domain in Information-Analytical System. *Open Semantic Technology for Intelligent Systems*, 8, 185—191.
8. Morev, N.A. (2012). To the problem of linguistic analysis of terminology in the field of nanotechnology (on the need to develop a research corpus of terminological units). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(646), 115—124. (In Russ.).
9. Sidnyaev, N.I., Butenko, I.I. & Bolotova, E.E. (2020). Formal Grammar Theory in Recognition Methods of Unknown Objects. *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, 54(4), 215—225.
10. Nikolaeva, N.S. (2011). Peculiarities of origin of the basic terms of the “Welding” system (on the material of English and Russian terminology). *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 132—138. (In Russ.).
11. Lejchik, V.M. (1986). About the language substrate of the term. *Topics in the study of language*, 5, 87—97. (In Russ.).
12. Lejchik, V.M. (1994). Original concepts, basic provisions, definitions of modern terminology and terminology. *Bulletin of Kharkiv Polytechnic Institute*, 1, 147—180. (In Russ.).
13. Lotte, D.S. (1961). *Basics of building scientific and technical terminology*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russ.).
14. Tsitkina, F.A. (1988). *Terminology and translation*. L'vov: Vysshaya shkola. (In Russ.).
15. Nikolaeva, N.S. (2013). Peculiarities of the initial stage in the formation of the terminology (the prescientific and protoscientific periods). *Humanities Bulletin of BMSTU*. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/pedagog/engped/87.html>. (accessed: 25.10.2020). (In Russ.).
16. Lejchik, V.M. (1981). Optimal length and structure of the term *Voprosy Jazykoznanija* (*Topics in the study of language*), 2, 63—73. (In Russ.).
17. Grinev-Grinevich, S.V. (2020). On terminology aspects of scientific and technical translation. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6(2), 74—78. (In Russ.).

List of sources of illustrative material

1. Zolotykh, V.T. (1967). *English-Russian dictionary of welding production*, A.A. Erokhin (ed.). Moscow: Sovetskaya Encyclopedia. (In Russ.).
2. Nikolaeva, N.S. (2015). *Teaching reading literature in English in the specialty “Welding”: a lexical guide*. Moscow: MSTU named after N.E. Bauman publ. (In Russ.).
3. Cordovi, Marcel A. (1944). *Glossary of Foreign Welding Terms*, M.A. Cordovi (comp.). New York: American Welding Society.
4. Extensive Experience with Both Consumable Guide and High Speed Conventional Electroslag Welding [Electronic resource]. URL: [http://www.netwelding.com/serv04.htm#Background Details](http://www.netwelding.com/serv04.htm#Background%20Details) (accessed: 06.17.2020).
5. Friction Stir Welding. In: *Wikipedia: the free encyclopedia* [Electronic resource]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Friction_stir_welding (accessed: 05.11.2020).
6. Fusion Splicing. In: *Wikipedia: the free encyclopedia* [Electronic resource]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Fusion_splicing (accessed: 05.11.2020).
7. History of MIG (GMAW) Welding [Electronic resource]. URL: [http://www.netwelding.com/History_MIG%201.htm#Atomic Hydrogen](http://www.netwelding.com/History_MIG%201.htm#Atomic%20Hydrogen) (accessed: 05.14.2020).
8. History of Welding — in the Beginning [Electronic resource]. URL: <http://www.netwelding.com/History%20of%20Welding.htm> (accessed: 05.11.2020).
9. Laser-Hybrid Welding. In: *Wikipedia: the free encyclopedia*. [Electronic resource]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Laser-hybrid_welding (accessed: 05.12.2020).

10. Mackenzie, L.B. (1951). *The Welding Encyclopedia*, T.B. Jefferson (ed.). New York: McGraw-Hill.
11. Terms and Definitions (1969). AWS A 3.0-69, prep. By AWS Com. On definitions and symbols. Under the dir. of AWS Technical activities com. New York: American Welding Society.
12. Welding handbook (1976). In: *Fundamentals of welding*. Vol. 1. Miami: American Welding Society.

Информация об авторах:

Бутенко Юлия Ивановна, кандидат технических наук, доцент кафедры «Романо-германские языки» факультета «Лингвистика», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана; ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: компьютерная лингвистика, терминоведение, интеллектуальные информационные технологии; *e-mail*: iubutenko@bmstu.ru Scopus Author ID: 57212144571; ResearcherID: AAH-1049-2020

Николаева Наталия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Английский язык для машиностроительных специальностей» факультета «Лингвистика», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана; *сфера научных интересов*: сравнительно-историческое языкознание, терминоведение, структурная лингвистика; *e-mail*: natalynic@yandex.ru ResearcherID AAD-4868-2022

Карцева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; *сфера научных интересов*: английский язык, переводоведение, терминоведение; *e-mail*: kartseva_eyu@rudn.ru Scopus Author ID: 57205196522; ResearcherID A-6432-2017

Information about the authors:

Iuliia I. Butenko, PhD, Candidate of Technology, Associate Professor of Roman-Germanic Languages Department, Bauman Moscow State Technical University; assistant professor of Foreign Languages Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *Research interests* computer linguistics, terminology science, intelligent information technologies; *e-mail*: iubutenko@bmstu.ru Scopus Author ID: 57212144571; ResearcherID: AAH-1049-2020

Nataliya S. Nikolaeva, PhD, Candidate of Philology, Associate Professor of English for Mechanical Engineering Department, Bauman Moscow State Technical University; *Research interests*: comparative linguistics, terminology science, structural linguistics; *e-mail*: natalynic@yandex.ru ResearcherID AAD-4868-2022

Elena U. Kartseva, PhD, Candidate of History, Associate Professor of Foreign Languages Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *research interests*: English language, translation studies, terminology science; *e-mail*: kartseva_eyu@rudn.ru Scopus Author ID: 57205196522; ResearcherID A-6432-2017

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-96-124

УДК 811.161.1'42:791:355.233.231.1

Научная статья / Research article

Реализация идеи патриотизма в кинодискурсе: на примере российского патриотического кино

В.Е. Анисимов¹ , Э.В. Гафиятова² , Е.Д. Калининкова¹ ¹Российский университет дружбы народов,

117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Казанский (Приволжский) федеральный университет,

420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, Казань, ул. Кремлевская, д. 18

 anisimov-ve@rudn.ru

Аннотация. В связи со значительным ростом интереса российской киноаудитории к теме патриотизма и возникновением социального запроса на патриотическое кино в отечественном кинопроизводстве последних лет наблюдается существенное увеличение в прокате доли кинофильмов, затрагивающих исторические и социальные стороны идеи патриотизма. Отражение идеи патриотизма в современном российском кинодискурсе обладает рядом специфических черт в структурном и семантическом аспекте, представляющих обширный репрезентативный материал для лингвокультурных исследований современных дискурсивных практик. Целью данной статьи является выявление структурно-семантических особенностей функционально-прагматических единиц малоформатных текстов современного российского кинодискурса в аспекте репрезентации идеи патриотизма и статистическая обработка полученных в результате исследования данных. Анализу подвергнуты основные способы репрезентации идеи патриотизма в современном российском кинодискурсе. Материалом исследования послужил 21 фильм российского производства, выпущенный в период 2014—2019 гг. и непосредственно связанный с идеей патриотизма по своей жанровой и стилистической направленности. В работе использовались методы семантического, прагматического, контекстуального, лингвокультурологического и статистического анализа. В ходе проведенного исследования авторы определяют понятие «патриотизм» как комплексный социопсихологический феномен, характеризующийся высокой эмотивной насыщенностью связанных с ним семантических и прагматических категорий репрезентации. Объектом анализа выступают выделяемые нами т.н. «функционально-прагматические единицы кинотекста»: кинозаголовки, слоганы и синопсисы кинофильмов. Предметом — их синтактико-грамматические и семантические (структурно-содержательные) особенности формирования. Структурный анализ частей речи и синтаксических компонентов функционально-прагматических единиц кинотекста отечественных патриотических кинофильмов позволил выделить связь между структурами означенных единиц рассматриваемых кинолент. Отличительной особенностью структурно-содержательных характеристик анализируемых функционально-прагматических единиц кинотекста является их взаимосвязь друг с другом внутри данного класса элементов. Идея патриотизма в функционально-прагматических единицах кинотекста рассматриваемых произведений передается при помощи эмоционально-окрашенной лексики, побуждающей

© Анисимов В.Е., Гафиятова Э.В., Калининкова Е.Д., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

потенциального зрителя гордиться своей страной, подвигом ее выдающихся граждан, а также ощущать себя частью великой страны и государства; синтаксических особенностей, таких как «рубленный» стиль повествования и наличие восклицательных и вопросительных предложений в текстах синопсисов и слоганах кинофильмов. Особую значимость в передаче идеи патриотизма аудитории играют прецедентные имена, ситуации и высказывания, направленные на активизацию ассоциативных связей потенциального зрителя и пробуждение в нем чувства гордости за свое Отечество.

Ключевые слова: кинодискурс, кинотекст, кинематограф, патриотизм, патриотическое кино, функционально-прагматические единицы кинотекста, кинозаголовок, синопсис, слоган, прецедентность

Финансирование. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

Для цитирования:

Анисимов В.Е., Гафиятова Э.В., Калининкова Е.Д. Реализация идеи патриотизма в кинодискурсе: на примере российского патриотического кино // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 96—124. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-96-124>

Вклад авторов:

Вклад авторов в работу равнозначен на всех этапах.

UDC 811.161.1'42:791:355.233.231.1

Realization of the Patriotism Idea in Film Discourse Based on Russian Patriotic Cinema

Vladislav E. Anisimov¹ , Elzara V. Gafiyatova² ,
**Ekatherina D. Kalinnikova¹ **

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

²Kazan Federal university,
18, Kremlyovskaya str., Kazan, Russian Federation, 420008

 anisimov-ve@rudn.ru

Abstract. In recent years due to a significant increase in the interest of the Russian film audience to the patriotism topic and the emergence of a social demand for Patriotic cinema, there has been a significant growth in the film distribution share that affects the historical and social aspects of patriotism. The reflection of the idea of patriotism in the modern Russian film discourse has a number of specific structural and semantic features, which present an extensive representative material for linguistic and cultural studies of modern discursive practices. The purpose of this article is to identify the structural and semantic features of functional and pragmatic units of the small texts of the modern Russian film discourse (movie titles, synopses and slogans) in terms of representation of the idea of patriotism and statistical processing of the data obtained as a result of the study. The research material includes 21 Russian films released in the period 2014—2019, which are directly related to the idea of patriotism in their genre and stylistic orientation. In the course of the analysis,

the authors define the concept of “patriotism” as a complex sociopsychological phenomenon characterized by a high emotional saturation of semantic and pragmatic categories of representation associated with it. This article analyses the main ways of representing the idea of patriotism in the modern Russian film discourse. The paper uses methods of semantic, pragmatic, contextual, linguoculturological and statistical analysis. The object of the analysis are the functional and pragmatic elements of the film text: movie titles, slogans and synopses. The subject is syntactic-grammatical and semantic (structural-content) features of the movie titles, slogans and synopses creation. Structural analysis of parts of speech and syntactic components of functional and pragmatic units of the film text of Russian Patriotic films allowed us to identify the relationship between the structures of movie titles, synopses and slogans of the films under consideration. A distinctive feature of the structural and content characteristics of the analyzed functional and pragmatic elements of the film text is their relationship with each other within this class of elements. The idea of patriotism in the functional and pragmatic elements of the film text of the films under consideration is conveyed by means of emotionally colored vocabulary, which encourages potential viewers to be proud of their country, the feat of its outstanding citizens, and also to feel part of a great country and syntactic features, such as the chopped narrative style and the presence of exclamation and question sentences in synopsis texts and movie slogans. The special significance in transmitting the idea of patriotism in Russian Patriotic films to the audience are played by precedent names, situations and statements aimed at activating the associative ties of a potential viewer and awakening in him a sense of pride in his Homeland.

Key words: film discourse, film text, cinema, patriotism, patriotic film, functional and pragmatic elements, movie title, synopsis, slogan, precedence

Financing. Acknowledgement

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Article history:

Received: 01.09.2021

Accepted: 15.11.2021

For citation:

Anisimov, V.E., Gafiyatova, E.V. & Kalinnikova, E.D. (2022). Realization of the Patriotism Idea in Film Discourse Based on Russian Patriotic Cinema. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 96—124. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-96-124>

Authors' contribution:

All authors have contributed equally

Введение

Идея патриотизма как образа любви к своей Родине и Отечеству представляет собой мощный инструмент объединения граждан вокруг интересов страны, укрепления государственности, развития гражданского самосознания. Патриотические настроения в масштабе истории государства демонстрируют циклический характер развития: активность патриотических идей наблюдается в периоды переживания государством сложных этапов преодоления, а также выходов из затяжных кризисов, модернизации и реструктуризации социально-значимых институтов и др. [1. С. 195].

На сегодняшний день в России наблюдается довольно яркий всплеск патриотизма, что, по мнению отечественных СМИ, связано с важными событиями внутри страны и ее значительных успехах на международной арене.

Значительный подъем патриотических чувств россиян, согласно опросу «Левада-центра», наблюдается с начала 2014 года, что связано с такими эпохальными событиями в истории нашей страны, как победа на домашних Олимпийских играх в Сочи, положительно сказавшаяся на росте патриотических чувств 81% россиян, и присоединение Крыма, событие, способствовавшее пробуждению гордости за свое Отечество и торжество справедливости у 88% жителей России [2]. Согласно последним исследованиям, проведенным ВЦИОМ, на конец 2018 года патриотами себя считают 92% россиян, что говорит о том, что обозначенная тенденция роста патриотических настроений у россиян в настоящее время переживает свой подъем [3].

Истоки всплеска патриотизма в России коррелируются с потребностью связи с историей и культурой своей страны и народа, своими предками и их достижениями, справедливо определяя патриотизм как «большой смысл, <...> опрокидывание своей маленькой обыденной жизни в огромное пространство истории» [4].

Особенно ярко данное явление отразилось в медийной сфере, в частности, — в сфере кинематографа. Являясь важной частью современного искусства, кинематограф затрагивает широкие социальные круги, оказывая значительное влияние на формирование их взглядов. Под кинодискурсом мы, вслед за И.В. Лавриненко, подразумеваем «поликодовое когнитивно-коммуникативное образование, сочетание различных семиотических единиц в их неразрывном единстве, которое характеризуется связностью, цельностью, завершенностью, адресатностью» [5. С. 43].

Целью данной статьи является выявление структурно-семантических особенностей функционально-прагматических единиц малоформатных текстов современного российского кинодискурса (кинозаголовков, синопсисов и слоганов кинофильмов) в аспекте репрезентации идеи патриотизма и статистическая обработка полученных в результате исследования данных. Анализу подвергнуты основные способы репрезентации идеи патриотизма в современном российском кинодискурсе. Материалом исследования послужил 21 фильм российского производства, выпущенный в период 2014—2019 гг. и непосредственно связанный с идеей патриотизма по своей жанровой и стилистической направленности. Объектом анализа выступают выделяемые нами т.н. «функционально-прагматические единицы кинотекста»: кинозаголовки, слоганы и синопсисы кинофильмов. Предметом — их синтактико-грамматические и семантические (структурно-содержательные) особенности формирования. В работе использовались методы семантического, прагматического, контекстуального, лингвокультурологического и статистического анализа.

Смысловая составляющая понятия «патриотизм» в российском обществе и предпосылки его появления в современном российском кинематографе

Любой кинофильм задумывается создателями в расчете на определенную целевую аудиторию — группу зрителей, составляющую основную часть

посмотревшей фильм публики и обладающую определенными ценностными взглядами и ориентациями. Именно совпадение ценностных ориентаций адресата (зрителя, реципиента) и адресанта («коллективного автора») [6. С. 46] кинодискурса во многом определяет успешность кинофильма в прокате.

Говоря о патриотизме как о социальной категории, нельзя не упомянуть ценностный характер данного феномена. Так, патриотизм представляет собой ценностную категорию более высокого порядка, так как является сложным социокультурным явлением, объединяющим в себе более простые категории, среди которых встречаются такие базовые общечеловеческие ценности, как любовь, честь, гордость, ответственность, жертвенность, альтруизм, гуманизм и т.д. При этом само понятие патриотизма может рассматриваться в достаточно широком аспекте. Так, в этнопсихологическом словаре дается следующее определение патриотизма: «Сложное явление общественного сознания, связанное с любовью к Родине, Отечеству, своему народу, которое проявляется в виде социальных чувств, нравственных и политических принципов жизни и деятельности людей. Содержанием патриотизма являются любовь к Отечеству, преданность Родине, гордость за ее прошлое и настоящее, готовность служить ее интересам и защищать от врагов» [7]. Проводя анализ приведенного определения, представляется возможным выделить несколько смысловых значений феномена «патриотизм»: любовь к Родине как географически обозначенной территории, любовь к народу и этносу, населяющему эту территорию, с которым соотносит себя субъект, приверженность социокультурным нормам и традициям данного общества, готовность к активным действиям во имя или на благо Родины, в т.ч. защищать, оберегать, трудиться во благо. В зависимости от социокультурной ситуации в регионе, идея патриотизма может также включать в себя категории религии, внутренней государственной идеологии и т.п. Рассматриваемое явление может проявляться во всех сферах жизни общества, однако особенно ярко реализуется в социально-ориентированных областях, таких как: военная, медицинская, общенаучная, педагогическая, географическая и т.д. [8. С. 81]. При этом важно отметить, что понятие патриотизма в массовом сознании в первую очередь связано с понятием подвига: отдельной личности или группы лиц, подвига конкретного человека в масштабе его жизни (жизнь как служение Отечеству) или подвига как разового выдающегося деяния во благо других [9].

Не случайно отечественный исследователь З.П. Табакова отмечает, что, являясь сакральным понятием, патриотизм «характеризует русский народ как единую общность и проявляется наиболее ярко в годину тяжелых испытаний, требующих единения народа, героизма и жертвенности его носителей, иначе говоря, патриотизм является той духовной категорией, от которой зависит судьба страны и людей, населяющих ее» [10. С. 70]. В.И. Лутовинов, определявший феномен патриотизма как «деятельное, вплоть до самопожертвования, служение Отечеству, высшим проявлением которого является его защита от врагов с оружием в руках» [11], рассматривает указанное явление в качестве совокупности патриотических идей, чувств, традиций, обычаев и убеждений.

Исследователь приходит к выводу, что патриотизм является «одной из наиболее значимых, непреходящих ценностей общества, оказывающих воздействие на все сферы его жизнедеятельности» [11]. С.Г. Тер-Минасова также выделяет любовь к Родине как неотъемлемую черту русского национального характера, подчеркивая, что подобную любовь русские всегда проявляют открыто и эмоционально, главным свидетельством чего является язык [12. С. 282]. Действительно, в первую очередь явление патриотизма для представителя русской лингвокультуры связано с защитой страны от внешних врагов и единения народа перед лицом опасности и почти всегда ассоциируется с самопожертвованием. Проявление патриотических чувств на войне для русского человека неотделимо от идеи жертвенности, действия вопреки всему, кладя на алтарь все, что у тебя есть, вплоть до самого дорогого — жизни.

Таким образом, можно говорить о том, что в социопсихологическом аспекте патриотизм репрезентуется в эмоционально-волевой сфере субъекта, где волевое действие непосредственно связано с активизацией эмоционального компонента [13. С. 58]. Именно данным фактом обусловлена эмотивная насыщенность семантических и прагматических категорий идеи патриотизма, а также сфер ее реализации в современном медийном пространстве.

Потребность в патриотической теме в обществе присутствует всегда. Необходимость в ней может быть связана с наличием внешнего врага или угрозы, тяжелых испытаний, через которые в данный момент проходит общество, или через которые ему еще предстоит пройти. Еще в 2012 году в своем ежегодном послании Федеральному собранию Президент России Владимир Путин отметил, что «консолидирующую базу [российской] политики» он видит именно в патриотизме. Слова Президента были поддержаны с энтузиазмом, а в дальнейшем последовали конкретные шаги, продвижение инициатив, реализация общественных и молодежных проектов [2], в числе которых, несомненно, оказалось и развитие патриотической темы в кинематографе. Так, В.Р. Мединский, занимавший в 2017 г. пост Министра культуры РФ, на совещании комитета «Победа» вынес следующее предложение: «Наше военно-патриотическое кино, такое как „Битва за Севастополь“, „Батальон“, „28 панфиловцев“... эти фильмы собирают огромную кассу. Это говорит о том, что фильмы эти востребованы. Я бы очень просил Министерство иностранных дел и Россотрудничество помочь нам организовать показ этих фильмов в переводе, а он у нас сделан, для наших соотечественников и зрителей за рубежом» [14]. Снятый после этого военно-патриотический кинофильм «Сталинград» (2013) во многом ориентирован на привлечение иностранной аудитории: так, слоган фильма (*The epic battle that turned the tide of World War II* — «Героическое сражение, изменившее ход Второй мировой войны») изначально представлен на английском языке и адаптирован под представителей иного лингвокультурного пространства, что проявляется в использовании прецедентного имени (Вторая мировая война), несмотря на то, что для российского зрителя Сталинградская битва в первую очередь ассоциируется с Великой Отечественной войной. Само произведение также содержит множество отсылок,

которые должны быть понятны зарубежному, а не только отечественному зрителю, что обеспечило фильму высокие рейтинги проката не только в России, но и, например, в Китае [15].

На протяжении многих лет основными инструментами, используемыми для продвижения идеи патриотизма, выступали газеты, книги, агитационные плакаты [16. С. 62]. Со временем в один ряд с печатной продукцией встали и медийные технологии, такие как кино и телевидение. Являясь «довольно влиятельным и мощным средством для передачи ценностей, информации и различных идей» [17. С. 31] и играя ведущую роль по степени влияния на аудиторию, оттеснив литературу, что связано с возросшим ритмом жизни населения, при котором городскому жителю проще воспринять полутора-двухчасовой фильм, чем тратить гораздо больше времени на чтение и осмысление художественных произведений [18. С. 71], кинематограф заслуженно является одним из основных средств воздействия на общество. В связи с этим к кинодискурсу переходят не только основная функция, характерная для литературного дискурса — передачи художественной информации, — но и воспитательная, заключающаяся в воздействии художественной литературы на чувства и на сознание человека [19]. Последняя, в свою очередь, позволяет осуществить патриотическое воспитание гражданина, привить ему любовь к своему государству, стране, Родине.

Тема патриотизма получила широкое представление в советском кинематографе. Кинофильмы, повествующие о победе советского народа в Великой Отечественной войне (такие как «Разведчики», 1968; «Офицеры», 1971; «В бой идут одни старики», 1974; «Они сражались за Родину», 1975; «Батальоны просят огня», 1985), занимали центральное место в киноискусстве того времени, успешно выполняя задачу по патриотическому воспитанию поколений. Однако ввиду смены поколений советское патриотическое кино во многом стало непопулярно для современных молодых людей, что обязало государство искать новые пути трансляции идеи патриотизма гражданам посредством кинематографа.

Неслучайно одной из целей, обозначенных в итоговом отчете о деятельности департамента кинематографии Министерства культуры РФ, значится «Сохранение и развитие отечественной кинематографии как инструмента позитивного воздействия на массовое сознание населения, воспитания молодого поколения в духе высокой нравственности, гуманизма и патриотизма» [20].

В данной статье будут подвергнуты анализу основные способы репрезентации идеи патриотизма в современном российском кинодискурсе.

Анализ синтактико-грамматических особенностей функционально-прагматических единиц кинотекста

На основе выявленных нами структурно-содержательных, лингвистических и семиотических характеристик рассматриваемых кинолент, считаем возможным объединить данные произведения в единый класс кинофильмов, именуемых «патриотическими».

Под функционально-прагматическими единицами кинотекста мы понимаем предвещающие выход кинофильма в прокат и напрямую влияющие на его успех прагматически-ориентированные графические (визуальные) элементы кинотекста, наделенные полной или частичной автономией по отношению к содержанию кинопроизведения и взаимодействующие между собой на лингвистическом и прагматическом уровне, основной функцией которых является привлечение к просмотру кинофильма как можно большего числа зрителей. Наиболее важными функционально-прагматическими единицами кинотекста являются кинозаголовки, синопсис и слоган кинофильма, в задачу которых входит представление кинопроизведения перед его выходом на экраны, знакомство потенциальных зрителей с сюжетом киноленты и основными проблемами, поднимаемыми в кинокартине [21. С. 71]. Отметим, что наряду с рассматриваемыми нами функционально-прагматическими единицами кинотекста, представляется возможным выделить также процессуально-функциональные единицы кинотекста (сценарий, локализованный сценарий, декорации, дубли), не вступающие в непосредственное взаимодействие со зрителем и используемые в процессе создания кинофильма, подробное рассмотрение которых не является предметом исследования настоящей статьи.

Результат количественного анализа функционально-прагматических единиц кинотекста российских патриотических кинофильмов представлен в таблице (табл. 1).

В ходе анализа материала нами были выявлены следующие закономерности: в названиях патриотических кинофильмов наблюдается частотное использование прецедентных имен как особой составляющей данной функционально-прагматической единицы. Подчеркнем, что чаще всего прецедентное имя выносится в кинозаголовок, затем однократно представляется потенциальному зрителю в синопсисе кинопроизведения (как правило, в вводном предложении, описывающим протагониста) и далее не находит репрезентации в слогане. Такое явление представляется возможным объяснить степенью прагматического воздействия, оказываемого прецедентными именами: чем более яркие эмоциональные и культурно-специфические ассоциации связаны с конкретным прецедентным именем, выносимым в заголовок, тем меньше авторам функционально-прагматических единиц кинотекста требуется оказывать контекстуальное сопровождение в виде повторения связанных прецедентных единиц и/или пояснений, связанных с прецедентом.

Рассматривая структурный состав синопсисов российских патриотических кинофильмов, можно отметить характерные для данных функционально-прагматических единиц кинотекста рассматриваемых кинопроизведения структурные особенности: частое употребление односоставных предложений в самом начале текста, функционирование семантического повтора как наиболее частотного осложнения в конструкции предложения, многократное употребление дополнений и инверсионных конструкций. Конструкции

синопсисов отечественных патриотических кинофильмов по своему составу являются простыми и простыми осложненными предложениями, что позволяет авторам текста не только максимально понятно передать патриотическую составляющую кинокартины, но и интенсифицировать воздействие на адресата за счет использования «рубленных» конструкций и иных стилистических приемов осложнения.

Таблица 1 / Table 1

**Количество употреблений частей речи, выполняющих в предложении различные семантико-синтаксические функции /
The number of parts of speech uses performing various semantic and syntactic functions in a sentence**

Функции / Functions	Части речи / Part of speech	Количество / кинозаголовков // Frequency (movie titles)	Количество / слоган // Frequency (slogan)	Количество / синопсис // Frequency (sinopsys)
Признак / object feature	Прилагательные / Adjectives	7	9	147
Признак / object feature	Наречия / Adverbs	5	2	17
Действие / Action	Глаголы / Verbs	0	6	219
Предмет / Subject	Местоимения / Pronouns	1	3	42
Предмет / Subject	Числительные / Numeral adjectives	3	6	13
Предмет / Subject	Существительные / Nouns	18	28	314
Предмет / Subject	Прецедентные имена / Precedent names	12	1	22

Таблица 2 / Table 2

**Тип предложений по структурному составу на материале 21 кинофильма /
Sentence types for structural composition based on the material of 21 films**

Тип предложения / Sentence type	Количество / слоган // Frequency (slogan)	Количество / Синопсис // Frequency (synopsis)
Простое / simple sentence	5	39
Односоставное (неполное) / one-member sentence	14	11
Сложноподчиненное / complex sentence	0	10
Сложносочиненное / co-ordinated sentence	0	27
Осложненное / expanded sentence	2	40

Наиболее характерными конструкциями для слоганов российских патриотических кинофильмов являются определенно-личные и обобщенно-личные конструкции, позволяющие усилить эмоционально-прагматическое воздействие функционально-прагматических единиц кинотекста на реципиента благодаря проявлению эффекта переноса, который проявляется в непосредственной апелляции данной функционально-прагматической единицы кинотекста к потенциальному зрителю. Последний, в свою очередь, воспринимает слоган как непосредственное обращение к себе как отдельно взятой личности, за счет использования авторами слогана глагольных форм 1 или 2 лица множественного числа и опущения соответствующего местоимения, а также употребления глаголов инфинитивных и императивных конструкций. Так, например, инфинитивная конструкция может быть проиллюстрирована следующим слоганом: «Искупить кровью» («Ржев», 2019).

Структурный анализ частей речи и синтаксических компонентов функционально-прагматических единиц кинотекста отечественных патриотических кинофильмов позволил выделить связь между структурами кинозаголовков, синопсисов и слоганов рассматриваемых кинолент. В приведенной таблице (табл. 3), составленной в ходе проведения исследования, соотнесены функционально-прагматические единицы кинотекста российских кинофильмов патриотической направленности: каждая конструкция была приравнена к определенному числовому значению, после чего было проведено сравнение числовых рядов с помощью программ статистической обработки.

Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов о соотношении между собой кинозаголовка, синопсиса и слогана российских патриотических кинофильмов. Отличительной особенностью структурно-содержательных характеристик анализируемых функционально-прагматических единиц кинотекста является их взаимосвязь друг с другом внутри данного класса элементов. Данная связь носит двусторонний характер, а взаимодействие функционально-прагматических единиц кинотекста на внутриклассовом уровне основано на взаимодополнении кинозаголовками, синопсисами и слоганами. Наибольшая степень связи наблюдается между структурно-содержательными характеристиками слогана и кинозаголовка кинофильма, что связано с их непосредственным взаимодействием в процессе рекламы кинопроизведения в прокате (в том числе совместном расположении на постере киноленты). Связь между тремя функционально-прагматическими единицами кинотекста является несколько меньшей, что не отменяет их комплексного взаимодействия (например, на интертекстуальном уровне [22. С. 74]). Между тем выявленные нами связи между кинозаголовком и синопсисом и слоганом и синопсисом носят обратный характер: ведущая роль в подобном взаимодействии принадлежит кинозаголовку или слогану, при этом чем более прецедентно-насыщенной будет структура названия кинофильма и связанного с ним слогана, тем меньшее количество прецедентных имен, раскрывающих используемые в них прецедентные составляющие, будет содержаться

в синопсисе кинокартины. Однако если в кинозаголовке и синопсисе кинопроизведения структурная составляющая будет носить скорее предметный характер, то в синопсисе кинофильма акцент авторами будет смещен на действенный аспект, раскрывающий сюжет киноленты при помощи, например, глагольных форм и употребления подчиненных грамматических конструктов: «...**Воевал**, как все: в грязи, холоде и голоде, **не заглядывая** в будущее больше, чем на один день, да и тот **надо было суметь прожить**. **Прожить и выжить** в аду, которым была военная передовая...» («Утомленные солнцем 2. Предстояние», 2010).

Таблица 3 / Table 3

Корреляция по частотности употребления частей речи в функционально-прагматических единицах кинотекста / Correlation by frequency of parts of speech use in functional and pragmatic elements of the film text

Корреляция / Correlation				
Функционально-прагматическая единица текста / Functional-pragmatic unit of text		Части речи (заголовок) / Parts of speech (title)	Части речи (слоган) / Parts of speech (slogan)	Части речи (синопсис) / Parts of speech (synopsis)
Части речи (заголовок) / Parts of speech (title)	Корреляция Пирсона / Pearson correlation coefficient	1	,924**	-,931*
	Знч.(2-сторон.) / two-sided significance		,003	,022
	N	21	21	21
Части речи (слоган) / Parts of speech (slogan)	Корреляция Пирсона / Pearson correlation coefficient	,924**	1	-,728
	Знч.(2-сторон.) / two-sided significance	,003		,164
	N	21	21	21
Части речи (синопсис) / Parts of speech (synopsis)	Корреляция Пирсона / Pearson correlation coefficient	-,931*	-,728	1
	Знч.(2-сторон.) / two-sided significance	,022	,164	
	N	21	21	21

Структурно-семантический анализ функционально-прагматических единиц кинотекста и прагматическая составляющая российского патриотического кино

Рассмотрение лингвистических и семиотических характеристик функционально-прагматических единиц кинотекста российских патриотических кинофильмов уместным будет начать с анализа их структурной составляющей.

Структура кинозаголовка отечественных кинофильмов патриотической направленности представляет собой конструкцию, композиционно состоящую из одной или двух частей: «Брестская крепость» (2010), «Сталинград» (2013), «Лев Яшин. Вратарь моей мечты» (2020), «Валерий Харламов. Дополнительное время» (2007), «Сибирь. Монамур» (2011). Двухчастная конструкция кинозаголовка как правило предполагает наличие прецедентного имени (речь о роли прецедентных имен в передаче идеи патриотизма пойдет в заключительной части данной статьи) протагониста, исторического события или топонима и лексемы, стилистически поясняющей заложенную авторами в названии кинопроизведения мысль. Подобная структура кинозаголовка позволяет сохранить его значимые характеристики (лаконичность, эмоциональность) и в полной мере осуществить реализацию его аттрактивной и рекламной функций. Реализацию описываемых функций кинозаголовка мы видим в оказании воздействия на потенциального зрителя до просмотра кинофильма [23. С. 360].

По своей структуре большинство синопсисов российских патриотических кинофильмов состоят из двух смысловых частей, иногда подразделенных на соответствующее количество абзацев и соответствующих основным идеям, которые необходимо передать потенциальному зрителю, выбирающему кинофильм к просмотру. Наряду с темпоральной локализацией кинопроизведения во времени, погружающей потенциального зрителя в конкретную эпоху, в большинстве случаев повествование начинается именно с идеи необходимости победы в войне или любой другой области для страны и государства, а уже потом для отдельно взятой личности. Подобный подход в целом характерен для российского военного кино, однако довольно необычен в спортивных и исторических драмах, где, как правило, упор сделан на биографию конкретной личности (экипажа, команды). Например, уже в первой части (абзаце) синопсисов исторических драм про освоение космического пространства зрителю показывают, как важно было приобрести, а затем удержать первенство в космической гонке, ценность «космических побед» для СССР. Второй абзац синопсисов патриотических кинофильмов содержит краткий исторический экскурс и упоминание роли главного героя кинопроизведения в описываемом историческом событии. Отметим, что подобная структура синопсисов отечественных кинофильмов патриотической направленности позволяет грамотно донести до зрителя основную идею киноповествования (патриотизм, любовь к Родине и др.), тем самым способствуя осуществлению основной задачи функционально-прагматической единицы. Иными словами,

основополагающая мысль, закладываемая авторами в кинопроизведение, — необходимость и значимость той или иной победы прежде всего для страны, а потом уже для отдельно взятой личности, главного героя/героев киноленты. В качестве примера, иллюстрирующего данные характеристики проанализированной единицы кинотекста российского патриотического кинофильма, приведем синопсис кинофильма «Время первых» (2017):

«1960-е, разгар холодной войны. Две супердержавы — СССР и США — бьются за первенство в космической гонке. Пока СССР впереди, на очереди — выход человека в открытый космос. За две недели до старта взрывается тестовый корабль. Времени на выявление причин нет. Опытный военный летчик Павел Беляев и его напарник Алексей Леонов, необстрелянный и горячий, мечтающий о подвиге, — два человека, готовые шагнуть в неизвестность. Но никто не мог даже предположить всего, с чем им предстояло столкнуться в полете. В этой миссии все, что только могло, пошло не так».

Существуют также случаи иного структурного построения синопсиса российских патриотических кинофильмов. При разделении синопсиса киноленты на три смысловые части во втором предложении (абзаце) функционально-прагматической единицы зрителю тем или иным способом описывается историческое событие, в рамках которого развивается сюжетная линия повествования; третья смысловая часть (абзац) синопсиса поясняет зрителю личный вклад протагониста кинопроизведения в происходящее («Легенда № 17», 2012):

«2 сентября 1972 года. Монреаль. Хоккейная сборная СССР с разгромным счетом 7:3 победила канадских профессионалов из НХЛ в стартовом матче эпохальной Суперсерии СССР—Канада. Это была не просто игра, это была битва за свою страну, которая перевернула мировое представление о хоккее. Теперь весь мир знал его просто по номеру 17. Валерий Харламов, забивший в том матче 2 шайбы, мгновенно взлетел на вершину славы. Сбылась его мечта — упорство, спортивный талант и суровые уроки великого тренера Анатолия Тарасова сделали из „номера 17“ легенду мирового хоккея».

Среди проанализированных нами кинофильмов исключение с точки зрения композиционного построения синопсиса составляет только «Гагарин. Первый в космосе» (2013) — в данной функционально-прагматической единице кинотекста с самого начала речь идет о протагонисте повествования. Подобный прием авторов синопсиса легко объясним: помимо очевидной социокультурной составляющей (имя Юрия Гагарина известно каждому россиянину) с точки зрения реализации идеи патриотизма первый космонавт Земли является символом победы СССР над США в космической гонке:

«Фильм посвящен первым шагам человечества на пути освоения космоса и непосредственно судьбе первого космонавта Ю.А. Гагарина. Основной лейтмотив — борьба за право быть первым: соревнование в первом отряде космонавтов; конкуренция технологий в ракетостроении; противостояние сверхдержав — СССР и США».

В первый отряд космонавтов отбирали из трех тысяч летчиков-истребителей по всей стране. В легендарную двадцатку попали лучшие из лучших. Кто из них полетит первым, не знал никто. На этом пути пришлось бороться не только с земным притяжением...»

Структура слоганов российских патриотических кинофильмов как правило включает в себя одно предложение, по своей семантике являющимся завершенной мыслью: *Великое кино о великой войне* («Утомленные солнцем 2. Предстояние», 2010), *Два часа настоящей жизни* («Высоцкий. Спасибо, что живой», 2011), *Бог забыл их, но они не забывают Бога* («Сибирь. Монамур», 2011).

Синописы и слоганы российских патриотических кинофильмов также взаимодействуют между собой на межтекстовом уровне: последние выполняют роль эхо-фраз в данных кинопроизведениях, «вызывая у зрителя определенные ассоциации с жанром и тематикой кинопроизведения» [22. С. 242], а, в случае с патриотической направленностью фильма, еще и постулируя определенные идеи, заложенные режиссерами в киноленте. За счет ряда своих характеристик (броскость, четкость и понятность типичному представителю целевой аудитории кинопроизведения) [21. С. 358], слоганы рассматриваемых патриотических кинофильмов по своей структуре составляют выразительные фразы, апеллирующие к патриотическому воспитанию потенциального зрителя:

СЛОГАН: *Родина — одна на все времена* («Туман», 2010);

СИНОПСИС: *«Отряд молодых бойцов Российской Армии отрывается от основного строя во время марш-броска, дабы сократить путь, бежит наперерез, но попадает в туман, который переносит его в прошлое, в годы Великой Отечественной войны. Ребята, видевшие войну только в кино, попадают в лапы безжалостных событий того времени. Все на грани: храбрость, страх, любовь, ненависть, жизнь, смерть. И некогда задавать вопросы. Живи, дерись за Родину — она одна на все времена».*

Идея патриотизма также передается авторами в функционально-прагматических единицах кинотекста кинофильмов российских патриотических кинофильмов периода 2010—2020 гг. при помощи различных стилистических средств как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Проведенный авторами статьи анализ показал, что наиболее частотными стилистическими средствами, употребляемыми в синописах и слоганах рассматриваемых кинофильмов, на лексическом уровне являются:

- *Сравнение*, строящееся, как правило, на противопоставлении обученных солдат противника и не совсем подготовленных к сражениям советских солдат: *...Это не обычные солдаты-пехотинцы, это опытные, тренированные диверсанты, элита войск СС, «сверхлюди». А против них — старшина Васков и пять девчонок-зенитчиц* («А зори здесь тихие...») (2015).
- *Градация*, применяющаяся для продвижения идеи патриотизма, подчеркивающая силу противников, с которыми приходилось бороться нашим

предкам в той или иной сфере, а также величие их самих: ... *победы духа, победы страны, победы всего мира ... Никто даже помыслить не мог о том, что это возможно — обыграть великодушных непогрешимых американцев на Олимпийских играх!*» («Движение вверх», 2017); ... *опытные, тренированные диверсанты, элита войск СС, «сверхлюди»* («А зори здесь тихие...», 2015); Своей службой «Батальон смерти» подает *пример храбрости, мужества и спокойствия, поднимает дух солдат* и доказывает, что каждая из *этих женщин-героев* достойна звания воина русской армии» («Батальонъ», 2014); Раневич собирает друзей и вновь выходит на поле *играть за свою честь, за любовь, за Родину!*» («Матч», 2012).

- *Лексический повтор*, подчеркивающий уникальные подвиги народа и отдельно взятых личностей (*Никто даже помыслить не мог о том, что это возможно — обыграть великодушных непогрешимых американцев на Олимпийских играх! Никто, кроме советских баскетболистов (русских и грузин, украинцев и казахов, белорусов и литовцев)* и их настойчивое стремление к цели (... *вера в себя, вера в победу*) («Чемпионы», 2014).
- *Эпитеты*, прославляющие наших соотечественников перед потомками и подчеркивающие их вклад в победы страны (куда также можно отнести эмоционально-окрашенную лексику «легенда», употребляющуюся в спортивных драмах и исторических драмах про космос (Они стали *легендами мирового спорта*; реальные истории трех *легендарных российских спортсменов* («Чемпионы: быстрее, выше, сильнее», 2016); *Сбылась его мечта — упорство, спортивный талант и суровые уроки великого тренера Анатолия Тарасова сделали из «номера 17» легенду мирового хоккея* («Легенда № 17», 2012); *великий тренер сборной СССР был готов на все, лишь бы помочь своим подопечным разбить американский миф о непотопляемой команде мечты ... Ведь он знал, что создал самую сильную сборную на планете...; в легендарную двадцатку попали лучшие из лучших* («Движение вверх», 2017); иллюстрирующие величие страны, нации или отдельно взятой личности, а также подчеркивающие важность противостояний страны, нации или отдельно взятой личности — протагониста повествования: *Хоккейная сборная СССР с разгромным счетом 7:3 победила канадских профессионалов из НХЛ в стартовом матче эпической Суперсерии СССР—Канада; «таким триумфом стали легендарные «три секунды» — выигрыш сборной СССР по баскетболу на роковой мюнхенской Олимпиаде 1972»; когда проигрыш означал поражение страны, когда нужно было выходить и бороться в раскаленной обстановке из-за произошедшего теракта*) («Движение вверх», 2017).

Все описанные фигуры речи несут, помимо всего прочего, яркий эмоциональный оттенок, что способствует усилению основной идеи, заложенной в синопсисах рассмотренных нами отечественных патриотических кинофильмов, — апелляция к подвигу русского народа, ценой многих жизней остановившего врага, а также героическим сражениям советских и российских

спортсменов и наших прославленных космонавтов, оставивших неизгладимый след в мировой истории.

Стилистические особенности кинозаголовков российских кинофильмов патриотической направленности в основном проявляются посредством графической составляющей. Так, в названии кинофильма «Батальонъ» (2014) присутствует твердый знак, характерный для дореволюционной орфографии, а кинозаголовок «Легенда № 17» содержит графическое отображение лексемы «номер». В первом случае описанный стилистический прием использован авторами заголовка для создания апелляции к эпохе, в которой происходит развитие сюжета кинокартины (действие разворачивается весной 1917 года). Графическая составляющая, присутствующая во втором примере, связана с удобством чтения потенциальным зрителем кинозаголовка.

Стилистические особенности функционально-прагматических единиц кинотекста российских патриотических кинофильмов в основном связаны с рассмотрением текстов синопсисов указанных кинопроизведений по цели высказывания. В ходе исследования наиболее частотным типом предложений по цели высказывания оказались повествовательные предложения, на втором месте — побудительные, наименее частотным типом оказались вопросительные предложения.

Результат подобного статистического анализа может объясняться следующим образом: для синопсисов любого кинофильма характерным является описание тех или иных событий, составляющих сюжет кинопроизведения. Применительно к фильмам патриотического характера подобным описанием может служить локализация событий во времени и пространстве (например, указание на год и место боевых действий или спортивных баталий), а также первоначальное представление протагонистов потенциальному зрителю, что обуславливает необходимость использования в первую очередь предложений повествовательного типа.

Преобладание побудительных предложений над вопросительными, в свою очередь, обусловлено характерной чертой русской культуры [24]. Для ее носителей подобный тип высказывания не несет отрицательных коннотаций, а служит, скорее, призывом, руководством к действию: (... *Живи, дерись за Родину — она одна на все времена* («Туман», 2010). Кроме того, в синопсисах российских спортивных драм восклицательные предложения подчеркивают факт невероятной победы, эпохального события, совершенного нашими спортсменами и восхищение их подвигом на спортивной арене (*Они стали легендами мирового спорта и дали возможность всей стране сказать: «Мы победили!»*) («Чемпионы: быстрее, выше, сильнее», 2016); *Никто даже помыслить не мог о том, что это возможно — обыграть великодушных непогрешимых американцев на Олимпийских играх!* («Движение вверх», 2017).

Побудительные конструкции свойственны и слоганам отечественных патриотических кинофильмов. Структурно представляя собой восклицательное предложение, слоганы рассматриваемых кинофильмов содержат призывы,

порой переходящие в команды: *Я умираю, но не сдаюсь!* («Брестская крепость», 2010); *Ни шагу назад!* («Утомленные солнцем 2. Цитадель», 2011), ориентированные в том числе и на потенциального зрителя, погружающие его в атмосферу (в данном случае) военного противостояния и побуждающие испытывать гордость за свою страну-победителя.

Вопросительные предложения в синопсисах российских патриотических кинофильмов по большей части представлены риторическими вопросами, подчеркивающими масштаб жертвы, которую готовы понести герои кинофильма ради спасения своей страны или даже всего мира (*Смогут ли старшина и его хрупкие новобранцы предотвратить нацистскую диверсию, и какой ценой?* («А зори здесь тихие...», 2015); *Смогут ли два человека предотвратить неминуемую катастрофу и спасти планету от падения станции?* («Салют-7», 2016).

Говоря о синтаксисе функционально-прагматических единиц кинотекста отечественных фильмов патриотической направленности, необходимо отдельно отметить присутствие в них элементов «рубленого» стиля. Подобный стилистический прием свойственен в основном синопсисам анализируемых нами кинофильмов. В основном «рубленный» стиль присутствует в начале данных функционально-прагматических единиц кинотекста, позволяя погрузить потенциального зрителя в эпоху, описываемую в кинокартине, одновременно актуализировав события киноленты во времени: (*2 сентября 1972 года. Монреаль... («Легенда № 17», 2012)*, а также иногда служит своего рода попыткой авторов синопсисов пробудить в потенциальном зрителе эмоциональное напряжение (*1942-й год. Сталинград. Советские войска планируют контрнаступление на немецкие части, занявшие правый берег Волги. Наступление сорвано... («Сталинград», 2013)*); *60-е. Разгар холодной войны. Две супердержавы, СССР и США, бьются за первенство в космической гонке. Пока СССР впереди, на очереди — выход человека в открытый космос... («Время первых», 2017)*.

Указанные лексические, синтаксические и стилистические средства находят свое непосредственное проявление в функционально-прагматических единицах кинотекста российских патриотических кинофильмов. Действуя в совокупности, данные лингвистические средства составляют прагматическую направленность кинофильма и его составных частей (кинозаголовков, синопсисов и слоганов) обеспечивая реализацию идеи патриотизма и ее передачу патриотического содержания кинопроизведения потенциальному зрителю.

Рассмотрим подробнее тематику российского патриотического кинематографа. Тема патриотизма представлена в отечественном кино последние 20 лет. Центральное место в ней занимают киноленты, посвященные военным победам русского народа, что роднит российский кинематограф с кинематографом советским. Стоит отметить, что в сознании россиянина словосочетание «патриотическое кино» также прочно ассоциируется с жанром военной драмы, что подтверждает проведенный нами опрос 120 респондентов, 86 из

которых указали военную тематику в качестве основной для российского патриотического кинематографа. В свою очередь, данный пласт патриотического кино в основном представлен кинофильмами, описывающими события Великой Отечественной войны. Преимущество отечественных кинофильмов, снятых в жанре «военная драма», заключается в их неоднократном воспроизведении на телевидении (в основном применительно к национальным праздникам — День защитника Отечества, День Победы) после окончания проката в кинотеатрах страны. Некоторые из них выходят также и в версии телесериала, как произошло с фильмом «Туман», вышедшем в большой кинопрокат в 2010 году, а затем транслировавшийся на российских телеканалах в 2011 г. Учитывая, что по состоянию на 2018—2019 годы телесериалы и художественные фильмы занимают ведущие позиции в распределении типов телепрограмм в сетке вещания общероссийских бесплатных общедоступных телеканалов, возможность отечественных военно-патриотических фильмов к повторному воспроизведению за пределами кинотеатров повышает вероятность и успех трансляции патриотических ценностей в общество [25. С. 96—97].

Основной идея, заложенной в недавно вышедших российских фильмах про войну, — героический подвиг солдат Великой Отечественной войны. В качестве примера, наиболее ярко иллюстрирующего идею великого подвига народа, авторами предлагается синопсис фильма «А зори здесь тихие... (2017)»:

«Май 1942 года. В самый разгар Великой Отечественной войны вдалеке от линии фронта, у забытого богом разъезда, фашисты выбрасывают десант с целью пробраться на Кировскую железную дорогу и Беломорско-Балтийский канал. Это не обычные солдаты-пехотинцы, это опытные, тренированные диверсанты, элита войск СС, «сверхлюди». А против них — старшина Васков и пять девчонок-зенитчиц. Казалось бы, бой местного значения, но на кону — стратегически важная транспортная артерия, соединяющая значимые центры страны. Смогут ли старшина и его хрупкие новобранцы предотвратить нацистскую диверсию, и какой ценой?»

Синопсис построен на противопоставлении обученных, профессиональных войск фашистской Германии и неопытных советских солдат, большинство которых — женщины, чьим призванием не является война: *Это не обычные солдаты-пехотинцы, это опытные, тренированные диверсанты, элита войск СС, «сверхлюди». А против них — старшина Васков и пять девчонок-зенитчиц.* Следом подчеркивается важность выполнения их задачи: *Казалось бы, бой местного значения, но на кону — стратегически важная транспортная артерия, соединяющая значимые центры страны.* Завершается функционально-прагматическая единица кинотекста риторическим вопросом *«Смогут ли старшина и его хрупкие новобранцы предотвратить нацистскую диверсию, и какой ценой?»*, ответ на который сразу же ясен носителю русской культуры — защитники готовы на все, чтобы не дать врагу захватить важный стратегический пункт и, если придется, отдадут свои жизни, что подчеркивается финальными словами «и какой ценой?»

Значение великого подвига народа подчеркивается во всех без исключения фильмах про войну. Приведем примеры синопсисов некоторых российских кинофильмов, снятых в жанре «военная драма»:

«Фильм рассказывает о героической обороне Брестской крепости, которая приняла на себя первый удар немецко-фашистских захватчиков 22 июня 1941 года. («Брестская крепость», 2010); ... Им дан приказ удержать его любой ценой. Кроме нескольких чудом уцелевших советских солдат они находят в доме его последнюю жительницу — 19-летнюю Катю. («Сталинград», 2013); По приказу Временного правительства для поднятия боевого духа создается женский «Батальон смерти» под командованием георгиевского кавалера Марии Бочкаревой» («Батальонъ», 2014).

Анализ слоганов кинофильмов про войну показал применение режиссерами аналогичных с присутствующими в синопсисах данных кинофильмов стратегий. Исходя из предпринятого нами анализа, можно сделать вывод о схожей идее патриотической направленности: значимость Великой Отечественной Войны и победы в ней для истории России — *Великое кино о великой войне* («Утомленные солнцем 2. Предстояние», 2010), героический подвиг народа — *Я умираю, но не сдаюсь!* («Брестская крепость», 2010); любовь к своей стране — *Родина — одна на все времена* («Туман», 2010).

К числу прагматически значимых приемов, используемых в слоганах отечественных патриотических кинофильмов, можно также отнести употребление соответствующих местоимений. Наиболее частотное личное местоимение, встречающееся в слоганах кинофильмов, — местоимение «нас». В качестве примера, наиболее ярко иллюстрирующего данную мысль, можно привести слоган к фильму «Чемпионы» (2014), звучащий как *Победы, которые у нас уже есть*. Посредством личного местоимения «нас», режиссер ассоциирует потенциального зрителя с победами, совершенными российскими спортсменами. Подобный прием апеллирует к тщеславию адресата, заставляет его испытывать чувство патриотизма и гордости за свою страну, а также считать себя частью этих великих побед на спортивной арене. Схожим по воздействию на потенциального зрителя прием является обращение на «ты» в синопсисах рассматриваемых нами российских кинофильмов. В первую очередь использование подобного, несколько фамильярного, обращения связано с непосредственной апелляцией авторов кинофильма к потенциальному зрителю, что в целом характерно для российской массовой культуры [26. С. 81] и, в данном случае, может рассматриваться как призыв адресата к действию: *Живи, дерись за Родину — она одна на все времена* («Туман», 2010). Считаем необходимым подчеркнуть, что подобный прием включает в себя и стилистическую составляющую, ввиду чего является правомерным его классификация как прагматико-стилистический.

Еще одним приемом, включающим в себя прагматическую составляющую, является применение графического компонента на лексическом уровне синопсисов и слоганов. Так, лексема «Родина» в рассмотренных нами функционально-прагматических единицах кинотекста всегда употребляется

в написании с прописной буквы, что лишний раз подчеркивает патриотическую направленность кинофильмов и развивает мысль о том, что Родина у человека одна, за нее необходимо сражаться, ей необходимо приносить пользу: ... *Раневич собирает друзей и вновь выходит на поле **играть за свою честь, за любовь, за Родину!*** («Матч», 2012).

Лексико-стилистическая составляющая кинозаголовков российских патриотических фильмов также может оказать существенное прагматическое влияние на потенциального зрителя. Так, используя лексему «первый» в заголовках кинофильмов «Гагарин. Первый в космосе» (2013) и «Время первых» (2017), авторы функционально-прагматических единиц акцентируют внимание потенциальной аудитории на «первопроходцах космоса», людей, совершивших в мировой истории нечто новое, до этого не покорявшееся никому. Подобные названия также передают идею патриотизма, пробуждая в потенциальном зрителе чувство гордости за свою страну, которая первой освоила космическое пространство.

В последнее время можно наблюдать успешную попытку пропаганды идеи патриотизма в российском кино с использованием иных жанров кинематографа. Характерным примером смещения акцента с военной тематики при производстве патриотических кинофильмов могут служить произведения, снятые в жанре т.н. «спортивной драмы», повествование о важнейших достижениях нашей страны в покорении космоса, а также обращение к различным топонимам страны.

Говоря про функционально-прагматические единицы кинотекста кинопроизведений, повествующих о победах СССР и России на спортивной арене, необходимо отметить наличие прагматических стратегий, схожих с теми, которые можно было наблюдать в синопсисах и слогана кинофильмов жанра «военная драма». Их цель — пробудить в зрителях чувство гордости и восхищения за свою державу.

Значимая победа советских и российских спортсменов на международной арене представлена, прежде всего, как подвиг, совершенный во имя своей страны. Синопсисы и слоганы спортивных драм сосредотачивают внимание потенциальных зрителей на «сражениях» за сборную своей страны и повествуют, помимо судьбы конкретно взятой личности-протагониста кинопроизведения, о необходимости и значимости определенной победы для государства и его жителей: *Они ... дали возможность всей стране сказать «**Мы победили!**»* («Чемпионы: быстрее, выше, сильнее», 2016); *Раневич собирает друзей и вновь выходит на поле **играть за свою честь, за любовь, за Родину!*** («Матч», 2012); *Это была не просто игра, это была битва за свою страну, которая перевернула мировое представление о хоккее* («Легенда № 17», 2012); *Есть победы, которые меняют ход истории. Победы духа, победы страны, победы всего мира ... Когда проигрши означал поражение страны ... Никто даже помыслить не мог о том, что это возможно — обыграть великолепных непогрешимых американцев на Олимпийских играх!* («Движение вверх», 2017).

Близкие по прагматической составляющей приемы можно встретить и в синопсисах российских исторических драм, повествующих о покорении космоса советским народом. Практически во всех синопсисах кинофильмов подобного жанра подчеркивается противостояние СССР и США в борьбе за первенство в освоении космического пространства, а также идея о том, что в этой сфере Советскому Союзу нельзя было упустить лидерство: *Две супердержавы, СССР и США, бьются за первенство в космической гонке. Пока СССР впереди, на очереди — выход человека в открытый космос. За две недели до старта взрывается тестовый корабль. Времени на выявление причин нет. И пусть риски огромны, мы не можем уступить лидерство* («Время первых», 2013); *Основной лейтмотив — борьба за право быть первым: соревнование в первом отряде космонавтов; конкуренция технологий в ракетостроении; противостояние сверхдержав — СССР и США.* («Гагарин. Первый в космосе», 2013); *Фильм основан на реальных событиях: полет к станции «Салют-7» в 1985 году считается самым сложным полетом в истории космонавтики* («Салют-7», 2016).

Характерной чертой синопсисов исторических драм, повествующих об освоении космического пространства, является неоднократное подчеркивание рискованности действий космонавтов и их готовность пожертвовать собой ради выполнения поставленной задачи: *...На этом пути пришлось бороться не только с земным притяжением...* («Гагарин. Первый в космосе», 2013); *... впервые в мире провести стыковку с 20-тонной глыбой неуправляемого железа; Но этот рискованный путь — единственно возможный.* («Салют-7», 2016); *И пусть риски огромны, мы не можем уступить лидерство; ... два человека, готовые шагнуть в неизвестность* («Время первых», 2013).

В соответствии с проведенным нами анализом российских патриотических кинофильмов, повествующих о победах прославленных отечественных спортсменов на международной арене и летчиках-космонавтах, внесших особый вклад в развитие космической программы СССР, считаем необходимым указать на основной посыл данных кинолент: лейтмотивом данных произведений является идея о необходимости завоевания и сохранения первенства в спорте и космическом пространстве. Все рассматриваемые кинофильмы подобного жанра по своей сути являются некой «гражданской версией» кинокартин о войне и, соответственно, преподносят зрителю похожие идеи — идея подвига народа заменяется на идею подвига команды или отдельно взятой личности во имя своей страны, часто сопровождающуюся самопожертвованием, которое, как отмечалось выше, является характерной чертой русского патриотизма.

Прецедентность российских патриотических кинофильмов

В качестве отдельной составляющей прагматической направленности российских патриотических кинофильмов необходимо отметить апелляцию

к прецедентным именам, ситуациям и высказываниям, присутствующим в функционально-прагматических единицах кинотекста рассматриваемых нами кинопроизведений. При анализе прецедентной составляющей кинозаголовков, синопсисов и слоганов отечественных кинофильмов уместным будет, на наш взгляд, использовать сложившийся терминологический аппарат российских исследователей. Так, под прецедентным именем мы, вслед за И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудковым и Д.В. Багаевой, понимаем «индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным <...> или прецедентной ситуацией ...» [27. С. 83]. В свою очередь, понятие прецедентного высказывания рассматривается авторами как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [27. С. 83], а прецедентная ситуация трактуется как «некая „эталонная“, „идеальная“ ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу» [27. С. 84].

Итак, прецедентными именами российских патриотических кинофильмов являются имена знаменитых личностей, оставивших след в истории страны, а также наименования важных с точки зрения сюжета феноменов и названия предыдущих частей самих кинофильмов. Как показывает анализ нашей картотеки, прецедентные имена в подавляющем большинстве присутствуют в кинозаголовках рассматриваемых кинофильмов. Очевидной является прагматическая составляющая данного приема авторов кинозаголовка — название является первым элементом кинофильма, с которым знакомится потенциальный зритель до просмотра киноленты, способным оказывать влияние на восприятие произведения потенциальным зрителем, вызывая в его сознании определенные ассоциации и желание посетить киносеанс [17. С. 37]. Наличие в заголовке кинопроизведения прецедентного имени, выполняющего роль интертекстуальной отсылки к конкретной личности или иному значимому для потенциального зрителя названию, побуждает последнего сосредоточить внимание на определенном кинофильме, что повышает шансы на его успех в прокате. Так, российскому патриотическому кино свойственны апелляции к конкретным историческим личностям («Гагарин. Первый в космосе», 2013; «Лев Яшин. Вратарь моей мечты», 2020; «Высоцкий. Спасибо, что живой», 2011; «Поддубный», 2012; «Т-34», 2018; «Калашников», 2020; «Салют-7», 2016). Отметим, что апелляция, присутствующая в заголовке кинофильма «Салют-7», на наш взгляд, не является достаточно информативной, чтобы вызвать у зрителя определенные ассоциации — название станции неизвестно широкому кругу российских зрителей. Однако название является достаточно броским, чтобы пробудить интерес в потенциальном зрителе и склонить его к знакомству, например, с остальными функционально-прагматическими единицами кинотекста. Уже при знакомстве с синопсисом данной киноленты, по своим свойствам

являющимся дополнительной функционально-прагматической единицей кинотекста [22. С. 241], потенциальный зритель прояснит для себя значение прецедентного имени названия произведения (*Космическая станция «Салют-7», находящаяся на орбите в беспилотном режиме, неожиданно перестает отвечать на сигналы центра управления полетом*). Апелляции к прецедентным фильмам российского кинематографа также частично могут передавать идею патриотизма. Так, прецедентное название кинофильма «Утомленные солнцем», повествующего о событиях Великой Отечественной войны, положено в основу следующих двух частей киноистории Н.С. Михалкова — «Утомленные солнцем 2. Предстояние» (2010) и «Утомленные солнцем 2. Цитадель» (2011). Таким образом, прецедентное название кинофильма позволяет создать уверенное представление о фильме — продолжении киноистории у потенциального зрителя, а тематика войны, объединяющая все три части киноленты, также наведет аудиторию на патриотическую составляющую кинокартины. Прецедентные имена могут содержаться и в синопсисах патриотических кинолент. Так, в синопсисе кинофильма «Лев Яшин. Вратарь моей мечты» (2020) присутствует целый ряд прецедентных имен, представляющих собой прозвища знаменитого вратаря: *Черный паук*, *Черная пантера* и даже *Черный осьминог* — такими прозвищами награждали Льва Яшина за гибкость, молниеносное перемещение и гениальное видение поля.

В качестве прецедентной ситуации в заголовках отечественных патриотических кинофильмов можно выделить аллюзии («Сталинград», 2013) или прямые отсылки «Курская битва. И плавилась броня», документальный фильм, 2018) к сражениям Великой Отечественной войны или иным событиям, знакомым публике («Матч», 2010 — данное название как аллюзия на происходящие события тоже является не совсем удачным, поскольку не является прецедентным для широкого круга российских зрителей).

Прецедентные высказывание в основном закреплены в слоганах российских патриотических кинофильмов ввиду их броскости и прагматической направленности [22. С. 243]. Так, слоган кинофильма «Время первых» (2017) *Подними голову!* является прецедентным высказыванием по отношению к сюжету кинофильма: данная фраза была произнесена командованием ЦУП (Центр управления полетами) при возвращении А. Леонова на борт из космического пространства, в связи с чем возникла чрезвычайная ситуация, связанная с угрозой жизни космонавта [28. С. 188]. Прецедентным высказыванием также является слоган кинофильма «Утомленные солнцем 2. Цитадель» (2011) *Ни шагу назад!*: данное высказывание может быть известно российскому зрителю по Приказу № 227 Народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» от 28 июля 1942 г., в среде командования и солдат Красной Армии именуемого «Ни шагу назад!». Помимо прецедентной составляющей данные слоганы кинофильмов также несут в себе яркий эмоциональный оттенок.

Указанные прецедентные компоненты функционально-прагматических единиц кинотекста апеллируют к патриотическим чувствам потенциального зрителя, пробуждая в последнем чувство гордости за свою страну.

Заключение

Подводя итог комплексному анализу функционально-прагматических единиц российских патриотических кинофильмов, можно сделать вывод о центральной роли идеи патриотизма в российских военных, спортивных и исторических фильмах. Идея патриотизма в функционально-прагматических единицах кинотекста рассматриваемых произведений передается при помощи эмоционально-окрашенной лексики, побуждающей потенциального зрителя гордиться своей страной, подвигом ее выдающихся граждан, а также ощущать себя частью великой страны; синтаксических особенностей, таких как «рубленный» стиль повествования и наличие восклицательных и вопросительных предложений в текстах синопсисов и слоганах кинофильмов. Особую значимость в передаче идеи патриотизма аудитории играют прецедентные имена, ситуации и высказывания, направленные на активизацию ассоциативных связей потенциального зрителя и пробуждение в нем чувства гордости за Отечество. Идея патриотизма, находящая непосредственное воплощение в функционально-прагматических единицах кинотекста, способствует реализации и основной функции: привлечение к просмотру конкретного кинофильма как можно большего количества зрителей. Проанализированные в данной статье структурно-содержательные характеристики функционально-прагматических единиц кинотекста отечественных патриотических кинофильмов сыграли немалую роль в пробуждении интереса российской публики к подобному жанру кинематографа. Одними из наиболее кассовых фильмов за последние 5 лет стали «Сталинград» (2013), «Салют-7» (2017), «Время первых» (2017). Самым кассовым российским фильмом признан «Движение вверх» (2017), который собрал в прокате рекордные 3 млрд рублей и привлек в кинозалы более 12 млн человек. Таким образом, тема величия страны, государства в той или иной сфере по-прежнему остается популярной у российского зрителя, что, в свою очередь, позволяет, применяя описанные выше стратегии в заголовках, синопсисах и слоганах кинофильмов, способствовать развитию чувства патриотизма в обществе.

Библиографический список

1. Данакари Р.А. Патриотизм и дружба народов как базисные детерминанты российской цивилизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 5. С. 193—204. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.14>
2. АВАНТИ. Патриотизм сегодня... 14.09.2015. Режим доступа: https://businesspatriot.ru/events/patriotizm_segodnya/ (дата обращения: 17.07.2020).
3. ВЦИОМ. Всероссийский опрос: 2019. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156> (дата обращения: 17.07.2020).

4. Аргументы и факты. Интервью с М. Голованивской. 02.06.2014. Режим доступа: <http://www.aif.ru/society/opinion/1181183> (дата обращения: 17.07.2020).
5. *Лавриненко И.Н.* Критерии классификации кинодискурса // Вестник Харьковского национального университета. Дискурсология: семантика и прагматика. 2012. № 1003. С. 41—44.
6. *Слышкин Г.Г., Ефремова М.А.* Кинотекст (Опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004.
7. Этнопсихологический словарь. Под ред. В.Г. Крысько. М.: МПСИ, 1999. Режим доступа: <http://endic.ru/ethnopsychology/Patriotizm-198.html> (дата обращения: 17.07.2020).
8. *Лесняк В.И., Орлов В.Б.* Патриотизм как ценность гражданского общества // Вестник ЮГУ. 2006. № 2 (3). С. 80—86.
9. *Адаева Н.В.* К пониманию сущности патриотизма и патриотического воспитания учащейся молодежи // ЧиО. 2012. № 1. С. 130—134.
10. *Табакова З.П.* Патриотизм как базовый концепт русской ментальности // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LX междунар. науч.-практ. конф. № 5(60). Новосибирск: СибАК, 2016. С. 66—75.
11. *Лутовинов В.И.* Современный Российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления // *Studia Humanitatis*. 2013. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-rossiyskiy-patriotizm-suschnost-osobennosti-osnovnyye-napravleniya> (дата обращения: 17.07.2020).
12. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
13. *Дуранов И.М.* К вопросу взаимосвязи воспитания гражданственности и патриотизма // Вестник ОГУ. 2002. № 1. С. 55—58.
14. Интервью с Владимиром Мединским. Ведомости. 20.04.2017. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/04/20/686681-medinskii-mid> (дата обращения: 17.07.2020).
15. «Сталинград» в Европе. Канал Культура. 11.11.2013. Режим доступа: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/103003/ (дата обращения: 17.07.2020).
16. *Вакуленко Е.А.* Патриотическое воспитание в процессе становления личности подростка // «Патриотическое воспитание: от слов к делу»: Материалы научно-практической конференции. М., 2018. С. 60—64.
17. *Горшкова В.Е.* Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла // Вестник Пермского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С. 26—37.
18. *Нелюбина Ю.А.* Кинодискурс как объект лингвистического изучения // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3 (24). С. 71—74.
19. *Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Шахпуртова З.Х.* (2021). Автохтонная синергия русского художественного дискурса // Русистика. 2021. № 19 (3). С. 253—270. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270>
20. Культура России. Итоговый отчет за 2012—2019 гг. Режим доступа: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/> (дата обращения: 17.07.2020).
21. *Анисимов В.Е.* Интертекстуальность малоформатных текстов французского кинодискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 357—367. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-357-367>
22. *Анисимов В.Е.* Кинозаголовок, синопсис и слоган кинофильма как функционально-прагматические единицы кинотекста (на материале современного французского кинодискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 240—245. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.48>
23. *Анисимов В.Е., Борисова А.С., Консон Г.Р.* Лингвокультурная локализация кинозаголовков // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 2. С. 435—459. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459>

24. Larina T. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. 2015. Vol. 7. № 5. P. 195—215.
25. Шариков А.В. Трансляции и просмотры художественных фильмов на российском телевидении: тенденции 2018-2019 годов // *Наука телевидения*. 2020. Т. 16. № 1. С. 81—160. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2020-16.1-81-160>
26. Борисова А.С., Найденова Н.С. Апеллятивные стратегии в современном французском печатном рекламном дискурсе: лингвокультурологический анализ // *Russian Journal of Linguistics*. 2013. № 2. С. 80—88.
27. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // *Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей. М., 1997. Вып. 1. С. 82—103.*
28. Леонов А. *Время Первых. Судьба моя — я сам*. М.: Litres, 2020.

References

1. Richard, A. & Danakari, R.A. (2019). Patriotism and friendship of peoples as the basic determinants of the Russian civilization. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 24(5), 193—204. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.14> (In Russ.).
2. AVANTI. Patriotizm segodnya. URL: https://businesspatriot.ru/events/patriotizm_segodnya/ (accessed: 17.07.2020). (In Russ.).
3. Russian Public Opinion Research Centre (VCIOM), 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156> (accessed: 17.07.2020). (In Russ.).
4. Arguments and facts. Interview with M. Golovanivskaya. 02.06.2014. URL: <http://www.aif.ru/society/opinion/1181183> (accessed: 17.07.2020). (In Russ.).
5. Lavrinenko, I.M. (2012). Criteria of cinematic discourse classification. *Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta. Diskursologiya: semantika i pragmatika*, 1003, 41—44. (In Russ.).
6. Slyshkin, G.G. & Efremova, M.A. (2004). *Film Text: Experience of a Culturological Analysis*. Moscow: Vodolei Publishers. (In Russ.).
7. Ethnopsychological dictionary (1999). V.G. Krys'ko (ed.). Moscow, MPSI. URL: <http://endic.ru/ethnopsychology/Patriotizm-198.html> (accessed: 17.07.2020). (In Russ.).
8. Lesnyak, V.I. & Orlov, V.B. (2006) Patriotism as a value of civil society. *Yugra State University Bulletin*, 2(3), 80—86. (In Russ.).
9. Adaeva, N.V. (2012). To understanding the essence of patriotism and patriotic education of students. *'Chelovek i obrazovanie' (Man and Education) An academic journal*, 1, 130—134. (In Russ.).
10. Tabakova, Z.P. (2016). Patriotism as a basic concept of Russian mentality. In the world of science and art: questions of philology, art history and cultural studies: collection of articles on Mater. LX International Scientific and Practical Conference, Novosibirsk: SiBAK. Vol. 5(60). pp. 66—75. (In Russ.).
11. Lutovinov, V.I. (2013). Current Russian patriotism: matter, features, main directions. *Studia Humanitatis*, 2. URL: <http://st-hum.ru/content/lutovinov-vi-sovremenny-rossiyskiy-patriotizm-sushchnost-osobennosti-osnovnye-napravleniya> (accessed: 17.07.2020). (In Russ.).
12. Ter-Minasova, S.G. (2000). *Language and intercultural communication*. Moscow: Slovo. (In Russ.).
13. Duranov, I.M. (2002). On the issue of the relationship between the education of citizenship and patriotism. *Vestnik of the Orenburg State University*, 1, 55—58. (In Russ.).
14. Interview with Vladimir Medinsky. *Vedomosti*. 20.04.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/04/20/686681-medinskii-mid> (accessed: 17.07.2020). (In Russ.).

15. “Stalingrad” in Europe. Culture Channel. 11.11.2013. URL: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/103003/ (date of access: 17.07.2020). (In Russ.).
16. Vakulenko, E.A. (2018) Patriotic education in the process of becoming a teenager’s personality. “*Patriotic education: from words to deeds*”: *Materials of the scientific and practical conference*. Moscow. pp. 60—64. (In Russ.).
17. Gorshkova, V.E. (2014). Film Title as a Unit of Translation and a Unit of Image-Sense. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 10, 26—36. (In Russ.).
18. Nelyubina, Yu.A. (2013). Kinodiskurs as an object of linguistic study. *The Chelyabinsk Humanitarian Journal*, 3(24), 71—74. (In Russ.).
19. Alefirenko, N.F., Nurtazina, M.B. & Shakhputova, Z.K. (2021). Autochthonous synergy of Russian literary discourse. *Russian Language Studies*, 19(3), 253—270. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270> (In Russ.).
20. Culture of the Russian Federation. Final report 2012—2019. URL: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/> (accessed: 17.07.2020). (In Russ.).
21. Anisimov, V.E. (2020). Intertextuality of the Small Texts of the French Film Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 357—367. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-357-367> (In Russ.).
22. Anisimov, V.E. (2020). Title, Synopsis and Slogan as Functional and Pragmatic Elements of Film Text (by the Material of the Modern French Film Discourse). *Philology. Theory & Practice Manuscript*, 13(1), 240—245. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.48>
23. Anisimov, V.E., Borissova, A.S. & Konson, G.R. (2019). Linguocultural Localization of Movie Titles. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 435—459. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459> (In Russ.).
24. Larina, T. (2015). Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7(5), 195—215.
25. Sharikov, A.V. (2020). Broadcasting and views of feature films on Russian television: trends of 2018—2019. *The Art and Science of Television*, 16 (1), 81—160. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2020-16.1-81-160> (In Russ.).
26. Borissova, A.S. & Naydenova, N.S. (2013). Appellative strategies in modern French printed advertising: intercultural analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 80—88. (In Russ.).
27. Zaharenko, I.V., Krasnyh, V.V., Gudkov, D.B. & Bagaeva, D.V. (1997). Precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena. *Jazyk. Soznanie. Kommunikacija*. 1, 82—103. (In Russ.).
28. Leonov, A. (2020). *The Time of the First. My destiny is myself*. Moscow: Liters. (In Russ.).

Информация об авторах:

Анисимов Владислав Евгеньевич, кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, *сфера научных интересов*: кинодискурс, семиотика, переводоведение; *e-mail*: anisimov-ve@rudn.ru Scopus Author ID: 57222390645; ResearcherId: AAY-8885-2020.

Гафиятова Эльзара Васильевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики преподавания иностранных языков Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, *сфера научных интересов*: профессиональная коммуникация, подъязык, язык для специальных целей, языковое оценивание, академическое письмо; *e-mail*: rg-777@yandex.ru Scopus Author ID: 56716561200; ResearcherId: I-9556-2014.

Калинникова Екатерина Дмитриевна, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, *сфера научных интересов*: семиотика, переводоведение, рекламный дискурс, математическая статистика; *e-mail*: 1042210137@rudn.ru

Information about the authors:

Vladislav E. Anisimov, PhD, Assistant Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University, *research interests*: film discourse, semiotics, translation studies; *e-mail*: anisimov-ve@rudn.ru Scopus Author ID: 57222390645; ResearcherId: AAY-8885-2020.

Elzara V. Gafiyatova, DSc, Associate Professor, Head of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, *research interests*: professional communication, sublanguage, language for special purposes, language assessment, academic writing; *e-mail*: rg-777@yandex.ru Scopus Author ID: 56716561200; ResearcherId: I-9556-2014.

Ekatherina D. Kalinnikova, PhD student of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University, *research interests*: semiotics, translation studies, advertising discourse, mathematical statistics; *e-mail*: 1042210137@rudn.ru

СОЦИОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ SOCIOCOGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-125-143

UDC [811.161.1:811.512.157]'246.2-053.4(571.56)

Research article / Научная статья

The Relationship Between Cognitive Flexibility, Bilingualism and Language Production: Evidence from Narrative Abilities in Senior Preschoolers from the Republic of Sakha (Yakutia)

Ekaterina S. Oshchepkova^{1,2}, Arina N. Shatskaya^{1,3},
Marfa I. Dedyukina⁴, Vera A. Yakupova¹, Maria S. Kovyazina¹

¹Lomonosov Moscow State University,
11, bld. 9, Mokhovaya str., Moscow, Russian Federation, 125009

²Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russian Federation, 125009

³Psychological Institute, Russian Academy of Education,
9, bld. 4, Mokhovaya str., Moscow, Russian Federation, 125009

⁴Preschool Education Department, Ammosov North-Eastern Federal University,
58, Belinskogo str., Yakutsk, Yakutia, Russian Federation, 677000

 oshchepkova_es@iling-ran.ru

Abstract. Bilingualism remains one of the key agents of influence on cognitive and language development of a child. Recently, this phenomenon became the focus of research attention. On the one hand, it can be explained by the active migration processes occurring on a global level. On the other hand, the influence of bilingualism over children's cognitive and language development is still quite a divisive issue. This study is aimed to explore, which phenomenon is more associated with the language development, — the fact of a child's bilingualism or his/her level of executive functions development. 380 children from a bilingual Russian region participated in this research. The final sample consisted of 279 6–7-year-old subjects without deviations in their cognitive and language development. There were 181 monolingual children and 98 bilinguals. Age, gender and non-verbal intelligence were controlled. Average age equaled to 6.65 years (SD = 0.37). The study demonstrated that the differences revealed in the language development of mono- and bilingual children were related mostly to lexical and grammatical aspects and didn't intervene with the macrostructure of the narrative. In regard to the influence of executive functions, the role of cognitive flexibility turned out to be an essential element from the perspective of the difference in mono- and bilingual children's language development. As a whole, the study results allow drawing

© Oshchepkova E.S., Shatskaya A.N., Dedyukina M.I., Yakupova V.A., Kovyazina M.S., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

a conclusion that the development of cognitive flexibility contributes to a more efficient simultaneous mastering of two languages.

Keywords: narratives, bilingualism, language development, narrative's microstructure, narrative's macrostructure, executive functions, preschool age

Funding. Acknowledgments

This work was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 21-18-00581.

Institutional Review Board Statement

The study and consent procedures were approved by the Ethics Committee of Faculty of Psychology at Lomonosov Moscow State University (the approval No: 2021/98). The authors are grateful for assistance in data collection the students of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University, heads of preschool institutions of Moscow, parents of pupils of kindergartens.

Article history:

Received: 01.09.2021

Accepted: 15.11.2021

For citation:

Oshchepkova, E.S., Shatskaya, A.N., Dedyukina, M.I., Yakupova, V.A. & Kovyazina, M.S. (2022). The Relationship Between Cognitive Flexibility, Bilingualism and Language Production: Evidence from Narrative Abilities in Senior Preschoolers from the Republic of Sakha (Yakutia). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 125—143. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-125-143>

Author Contributions:

Conceptualization, Oshchepkova E.S.; methodology, Oshchepkova E.S.; validation, Kovyazina M.S.; formal analysis, Shatskaya A.N.; investigation Dedyukina M.I.; writing — original draft preparation, Oshchepkova E.S. and Shatskaya A.N.; writing — review and editing, Yakupova V.A. and Dedyukina M.I.; visualization, Shatskaya A.N.; supervision, Oshchepkova E.S.; project administration, Kovyazina M.S.; funding acquisition, Oshchepkova E.S. All authors have read and agreed to the published version of the manuscript. The authors declare no conflict of interest.

УДК [811.161.1:811.512.157]²46.2-053.4(571.56)

Взаимосвязь между когнитивной гибкостью, билингвизмом и порождением речи на материале нарративов старших дошкольников из Республики Саха (Якутия)

**Е.С. Ощепкова^{1,2}✉, А.Н. Шатская^{1,3} , М.И. Дедюкина⁴ ,
В.А. Якупова¹ , М.С. Ковязина¹ **

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая д. 11, стр. 9

²Институт языкознания Российской Академии наук, 125009, Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

³Психологический институт Российской Академии образования, 125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая д. 9, стр. 4

⁴Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 677000, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), Якутск, ул. Белинского, д. 58

✉ oshchepkova_es@iling-ran.ru

Аннотация. Билингвизм остается одним из ключевых факторов, влияющих на когнитивное и языковое развитие ребенка. В последнее время это явление стало объектом пристального

внимания исследователей. С одной стороны, это можно объяснить активными миграционными процессами, происходящими на глобальном уровне. С другой стороны, влияние двуязычия на когнитивное и языковое развитие детей по-прежнему вызывает разногласия: насколько оно сильно и можно ли нивелировать отрицательное влияние билингвизма. Данное исследование направлено на изучение того, какой фактор больше связан с языковым развитием — факт двуязычия ребенка или уровень развития его регуляторных функций. В исследовании приняли участие 380 детей из двуязычного региона России. В окончательную выборку вошли 279 испытуемых в возрасте 6—7 лет без отклонений в когнитивном и языковом развитии. Респондентами стали 181 ребенок русскоязычный монолингв и 98 русско-якутских билингвов. Факторы возраста, пола и невербального интеллекта также учитывались. Средний возраст детей составил 6,65 года ($SD = 0,37$). Исследование показало, что выявленные различия в языковом развитии одно- и двуязычных детей были связаны в основном с лексико-грамматическими аспектами и не влияли на макроструктуру нарратива. Что касается влияния регуляторных функций, роль когнитивной гибкости оказалась более важным элементом с точки зрения разницы в языковом развитии одно- и двуязычных детей. В целом результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что развитие когнитивной гибкости способствует более эффективному одновременному овладению двумя языками.

Ключевые слова: нарративы, билингвизм, развитие речи, микроструктура нарратива, макроструктура нарратива, регуляторные функции, дошкольный возраст

Финансирование. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 21-18-00581.

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

Для цитирования:

Oshchepkova E.S., Shatskaya A.N., Dedyukina M.I., Yakupova V.A., Kovvazina M.S. The Relationship Between Cognitive Flexibility, Bilingualism and Language Production: Evidence from Narrative Abilities in Senior Preschoolers from the Republic of Sakha (Yakutia) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 125—143. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-125-143>

Вклад авторов

Идея статьи и разработка методологии — Ощепкова Е.С.; валидизация методологии — Ковязина М.С.; статистический анализ — Шатская А.Н.; сбор и обработка данных — Дедюкина М.И.; написание первоначального варианта статьи — Ощепкова Е.С.; рецензирование и редактирование — Якупова В.А. и Дедюкина М.И.; подготовка рисунков и графиков — Шатская А.Н.; администрация исследовательского проекта — Ковязина М.С.; взаимодействие с РНФ — Ощепкова Е.С. Все авторы прочитали и согласились с опубликованной версией рукописи. Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Introduction

Both the topic of the mutual influence of executive functions (EF) and language development, and the effect of bilingualism on children's speech and cognitive development, are of the utmost interest for contemporary psychology of education [1; 2]. The strongest results were obtained for the association of children's working memory (especially the verbal one) and language development [3; 4]. Some less obvious out-come was delivered on the effect of other components of executive functions, such as inhibition control and cognitive flexibility [5; 6].

Researchers focus on looking for specific factors that have a positive impact on the development of executive functions and speech development. Many phenomena may serve as such factors, for example, the features of the development of the emotional sphere affect the development of speech [7], and certain features and types of children's games are positively associated with the development of components of regulatory functions [8; 9].

At the same time, the question remains open as to whether there are any factors showing a negative impact on the development of self-regulation and speech in children. Even though bilingualism becomes a more and more influential factor for the entire system of preschool and junior school education [10], its effect on the language development within each mastered language remains a complex and yet, unsolved issue [11; 12]. For example, there is multiple data confirming the negative effect of bilingualism on vocabulary volume [11], but its relationship with other characteristics is still debatable [12]. Besides, it is important to keep in mind the diversity of bilingualism, in particular, when a child masters two languages belonging to different types and language families, for example, Russian and Yakut. Russian is a synthetic language where nouns, adjectives and verbs have three genders in the past tense [13]. Meanwhile, Yakut is an agglutinative language, and its grammar contains no category of gender whatsoever [14]. Therefore, due to these specifics, Russian-Yakut bilinguals often make mistakes in the agreement in gender when speaking Russian.

The Republic of Sakha (Yakutia) is a region of the Russian Federation where two languages, Russian and Yakut, coexist on the official level. Both communication and education is executed in two languages in a more or less equal proportion. Thus, in 32 kindergartens of the Republic there are both Russian-speaking and Yakut-speaking groups [15]. Capital residents have a slight preference for Russian, when in peripheral settlements (uluses) there are more monolinguals, speaking Yakut only. There are also kindergarten groups where children and adults prefer this or that language, along with totally bilingual groups, where everyone uses both languages.

The influence of bilingualism on executive functions

The influence of bilingualism on different EF was repeatedly studied by multiple researchers [16—18]. However, even our systematic review [18] demonstrated that this evidence is quite controversial, and more research is necessary in this area in order to clarify the conditions under which those effects show themselves. In general, there are both studies where bilinguals demonstrated better performance in cognitive flexibility and attention shifting [16], and where there was no difference at all [17]. We considered it important to include this aspect in our study, in order to ascertain the nature of this relationship.

Relationship of bilingualism and language development

The influence of bilingualism on language development was studied both in children with normal development, and the ones with different deviations [11; 12].

The outcome was also ambiguous. Generally speaking, one can claim that in children with developmental deviations, bilingualism often caused a negative effect on language development. We assume that the source of these ambiguous results lies in the extent of the difference of the languages mastered by the child, and with the aspect of language under study.

It has been proven that children narratives' analysis is a very precise language assessment tool for bilinguals [19]. It is common to distinguish macro- and microstructure in narratives [20, 21]. The macrostructure includes general narrative parameters, narrative structure when the microstructure covers lexical, grammatical, and syntactic specifics of speech [21]. According to previous research of narratives in bilingual children [21—24], switching between languages will affect in the first hand the volume of a child's vocabulary, as well as his/her grammar and syntax (in case those two vary a lot from language to language). At the same time, general ability to build narratives with a certain structure doesn't depend on the presence of bilingualism, as it undergoes the same process independently from the language.

Relationship of language development and executive functions

The relationship of executive functions (EF) and language development often became of research interest, both in children with typical and atypical development and showed the strong relationships between these indicators [25—27]. Yet, it is important to point out that in the majority of such works mainly vocabulary and syntactical assessments were taken into consideration in order to estimate the language development [25; 27; 28]. Working memory as one of EF components showed the best connection with language development [26]. Furthermore, some evidence was obtained as well, regarding the association of the language development with cognitive flexibility and inhibitory control [5; 6] or with several components of EF [25; 27]. Besides, it was shown that verbal abilities had a significant effect on the development of regulatory functions in preschool children [29].

Previously, we studied the intercorrelation of EF and narratives using the narratives by monolingual children from other region of Russia [30, 31]. The analysis demonstrated, that in general, the level of proficiency of working memory was highly and stably correlated with the narrative macrostructure parameters; when verbal working memory was in particular connected with lexical and grammatical specifics of children's language. In regard to cognitive flexibility, the results revealed that there was a strong correlation between it and macrostructure indicators of narrative production whereas there were much fewer microstructure indicators that have correlations with cognitive flexibility. The children who were able to complete the most difficult task of DCCS method (with borders), showed better results in narrative production [32]. It is also of importance, that above mentioned research did not include the effect of bilingualism, and this is why we consider it as a crucial variable in the current study.

Aims and Hypotheses

The goal of this study was to reveal the influence of both bilingualism and executive functions on the language development of 6—7-year-old children. The results of literature review and our previous research works allowed us making the following hypotheses:

1) Mono- and bilinguals demonstrate significant difference in the level of development of language and executive functions.

2) Advanced level of development of executive functions can counter-balance possible negative influence of bilingualism on the language development of preschool children. We expect cognitive flexibility to cause the highest compensating effect, comparing to the well-developed working memory (visual and audio-verbal) and inhibitory control.

Materials and Methods

Participants

Total sample for this study consisted of 380 participants. The data of 101 children was excluded from the analysis (see Data analysis for more details). The final sample size equaled to 279 6—7-year-old children with no cognitive or language development deviations ($M = 6.65$; $SD = 0.37$). There were 145 female and 134 male participants, all from the kindergartens of the Republic of Sakha (Yakutia). All subjects were divided in two groups. The first was monolingual ($n = 181$), i.e. consisted of children who, according to the educators' reports, spoke Russian only, and the educator spoke Russian to them as well. The second group was bilingual ($n = 98$); the children spoke Russian and Yakut, and the educator also addressed them in both languages.

Measures

Executive functions Assessment

Four subtests were used to assess different aspects of executive functions.

The subtest “Sentences Repetition” [33] aimed to assess verbal working memory. The child can receive from 0 to 34 points on it. The subtest “Memory for Designs” [33] aimed to assess visual working memory. There were four measurements available for children's visual working memory: a content score, a spatial score, a bonus score, and a total score (sum of previous three scores), in accordance with the NEPSY-II battery description.

The subtest “Inhibition” [33] aimed to assess inhibitory control as a component of executive functions which is the children's ability to inhibit automatized cognitive reactions. If there are no errors, the child receives two points for each five-second time interval; if there is one error, the child receives one point and 0 if there are two or more errors. The maximum number of points is 30.

The Dimensional Change Card Sort [34] is assessment of shifting or cognitive flexibility. DCCS implies children's sorting cards by different rules. One point is awarded for each correct sorting (the maximum of points is 24). Later each subtest was processed in accordance with the technique instruction [30].

Afterwards, a total score was calculated for each subtest, and it reflected the general level of development of a particular component of self-regulation system. For example, for the working memory subtest there was a "Total" score and the "Content", "Spatial", and "Bonus" scores. For audio-verbal memory subtest there was just the "Total score". Inhibitory control subtest had a total "Naming" score for all the tasks series with different stimuli, and a total "Inhibition" score, also for all the series. Physical inhibitory control subtest ("hot self-regulation") had a "Total" score and different measures for the mistakes of all types: "Movements", "Eye opening", and "Sounds". For the last subtest, the one for cognitive flexibility, there was also a "Total" score and the measures for each sorting stage "Shape", "Form", and "With shifting".

Language development assessment

We used elicited narratives for the assessment of language development. This technique is considered the most ecological [20; 21], because it allows taking into account not only the lexical and grammatical indicators of the child's language, but also his/her ability to compose structured coherent speech. However, despite all the advantages of this technique, the approaches to the collection, assessment, and the processing of narratives may still vary. In particular, the methods of the assessment of narratives, mostly applied in Russian psychology, include the following parameters: semantic completeness, semantic adequacy A and B [35], narrative type [36], and narrative structure [37]. In their aggregate, they represent the narrative macrostructure and lexico-grammatical parameters (lexical, grammatical and syntactical accuracy) that form the microstructure [31].

In the framework of the current study, we also distinguished complex parameters: 1) Narrative macrostructure that included semantic adequacy A and B, semantic completeness, narrative type, and narrative structure; and 2) Narrative microstructure (lexical, grammatical and syntactical accuracy).

In order to obtain more precise results, we used all types of elicited narratives: re-telling ("The jackdaw and the pigeons"), storytelling based on a single picture ("A broken cup"), and storytelling based on a series of pictures ("The cat and the dog"). All types of narratives were analyzed by the above listed parameters. All children were consequently presented with a picture, a series of pictures, and a story to be retold. All the narratives were recorded, and later these materials were written out by specially trained staff.

Strategy of Data Analysis

On the first stage, the initial sample of 380 6—7-year-old participants was reduced. We had to exclude the data of monolingual Yakut-speaking children (n = 101), as there was a possibility of misunderstanding the instructions, given that all the techniques were presented in Russian.

To confirm the first hypothesis, we used the method of comparison of averages for bi- and monolingual children by means of t-Student test and Mann–Whitney U test. The first test was used for cognitive flexibility “Total” score and “Shifting” score; for audio-verbal “Total” score, and some linguistic variables: semantic completeness, number of words, and macro- and microstructure (general). The second test was applied to the number of cognitive flexibility mistakes in “Color” and “Shape” category; inhibition (naming and inhibition), physical inhibitory control, visual working memory, and the rest of linguistic variables: semantic adequacy A and B, narrative type, narrative structure, and lexical, grammatical and syntactical accuracy.

We used HCA in order to verify the second hypothesis. It allowed finding the optimal number of clusters in the EF development. Then we applied k-means clustering to define the groups with different levels of development of 1) cognitive flexibility; 2) working memory (visual and audio-verbal), and 3) inhibition.

Results

Differences in the Development of EF and Oral Language in Bilingual and Monolingual Preschoolers

Our first assumption, that there was a significant difference in language development and executive functions of mono- and bilingual children, was verified through the comparison of averages (T-Student test and Mann—Whitney U test for independent samples). The following results were obtained for the relationship of self-regulation parameters. There were significant differences in audio-verbal memory of bi- and monolingual children, to the advantage of the latter ($t = 5.046$; $p = 0.000$). It meant that audio-verbal memory of bilingual respondents was less developed. In case of inhibitory control, the opposite significant differences were discovered, i.e., bilingual children had it on more advanced level (for the “Total” score, $U = 6744.500$; $p = 0.024$). The number of mistakes in that subtest also differed significantly: monolinguals made some sounds more often, even though the instruction to the task clearly prohibited it ($U = 5576.500$, $p = 0.001$). It can be explained with the fact that bilinguals have better skills of “hot” self-regulation. However, this conclusion is way too far-fetched, and clearly needs to be double-checked on a larger sample.

The next step was to analyze the differences between mono- and bilingual children in the level of their language development. Bilinguals demonstrated significantly lower score in all aspects of general narrative microstructure: lexical ($U = 2354.0$, $p = 0.001$), grammatical ($U = 1738.5$, $p = 0.0001$), and syntactical ($U = 2190.5$, $p = 0.0001$) accuracy. No significant difference was registered for narrative macrostructure. Thus, there were significant differences in bi- and monolingual children only with respect to lexical and grammatical accuracy of speech.

Language development in Bilinguals with High Level of Executive Functions

In our second hypothesis we assumed that bilinguals with advanced executive functions have the same level of language development as monolinguals.

*Language development in Bilinguals with High Level
of Cognitive Flexibility*

We verified the second hypothesis regarding cognitive flexibility. For this, we de-fined the optimal number of clusters describing the values of cognitive flexibility, through hierarchic clustering. Two came out to be the best number. Next, we divided the whole sample in two groups by means of k-means clustering (medium and high level of development of cognitive flexibility, correspondingly). Significant difference between these two groups existed only for the following two parameters (T-Student test): “Total” score for cognitive flexibility (Total score Sorting: $t = -14.781$; $p = 0.000$) and shifting from one sorting rule to another (Sorting with Shifting: $t = -13.603$; $p = 0.000$). The difference between the high and medium CF for color and shape sorting were not significant (the Mann-Whitney test: $U = 1914.0$; $p = 0.595$ and $U = 1780.0$; $p = .166$).

Only monolingual ($n = 84$) and bilingual ($n = 29$) children with high level of cognitive flexibility development participated in the next stage of analysis. We performed the comparison of averages for linguistic variables with T-Student test and Mann—Whitney U test for independent samples. Obtained results can be found in Table 1.

Table 1 / Таблица 1

**Comparison of Averages across monolinguals and bilinguals with High CF Level by
linguistic variables /
Сравнение средних показателей монолингвов и билингвов с высоким уровнем CF
по лингвистическим переменным**

Linguistic Variables	Criterion	p- value	M		SD	
			Monolingual	Bilingual with High CF	Monolingual	Bilingual with High CF
semantic completeness	T = ,226	,822	34.95	35.71	12.148	13.745
semantic adequacy A	U = 423.5	,580	1.80	2.14	1.391	1.740
semantic adequacy B	U = 417.0	,517	2.66	2.57	1.346	1.630
number of words	T = 1.016	,314	55.52	60.52	23.261	19.992
narrative structure	U = 458.0	,954	1.25	1.24	,892	1.091
narrative type	U = 449.0	,847	2.02	2.00	1.210	1.304
macrostructure (general)	T = ,224	,824	42.68	43.67	15.642	18.502
grammatical accuracy	T = -1.920	,059	7.20	6.14	2.041	2.175
syntactical accuracy	T = -1.310	,195	7.20	6.38	2.445	2.202
lexical accuracy	T = -1.519	,134	6.73	5.90	2.150	1.786
microstructure (general)	T = -1.673	,099	21.14	18.43	6.345	5.546

Note: only significant differences are noted.

The data, presented in Table 1 demonstrates that our second hypothesis regarding cognitive flexibility was confirmed. There was no significant difference between bilinguals and monolinguals with high CF Level for any of linguistic variables. If we take a closer look at the obtained scores, we can make yet another

conclusion. Bilinguals with high CF level the general macrostructure was developed even better than the one of monolinguals with medium CF level. One could observe the same pattern in particular, in semantic completeness, semantic adequacy A, and number of words. In relation to other variables, monolinguals did not differ from bilinguals with high CF level but demonstrated a slightly better score. This data also confirms that the general macrostructure and the variables it contains, such as grammatical, syntactical and lexical accuracy didn't differ significantly in bilinguals and monolinguals with high CF level, even despite the latter had them better developed.

Language development in Bilinguals with High Level of Visual Working Memory

We also checked the second hypothesis regarding visual working memory. For this, we defined the optimal number of clusters describing the values of this EF component, through hierarchic clustering. Two came out to be the best number. Next, we divided the whole sample in two groups by means of k-means clustering (medium and high level of development of visual working memory, correspondingly). Mann–Whitney U test revealed significant difference between medium and high level of development of this parameter under all criteria except “Spatial” visual working memory.

On the next stage we selected all monolinguals that performed this task (n = 90) and all bilinguals with high VWM level (n = 44). We performed the comparison of averages for linguistic variables with T-Student test and Mann–Whitney U test for independent samples. Obtained results can be found in Table 2.

Table 2 / Таблица 2

**Comparison of Averages across monolinguals and bilinguals with High VWM Level by linguistic variables /
Сравнение средних показателей монолингвов и билингвов с высоким уровнем зрительной рабочей памяти (ЗРП) по языковым показателям**

Linguistic Variables	Criterion	p-value	M		SD	
			Monolingual	Bilingual with High VWM	Monolingual	Bilingual with High VWM
semantic completeness	T = ,701	,486	34.83	37.03	10.71	17.03
semantic adequacy A	T = ,685	,495	1.90	2.14	1.31	1.77
semantic adequacy B	U = 612.0	,301	2.59	3.07	1.46	2.05
number of words	T = ,152	,879	57.43	58.34	23.89	28.54
narrative structure	U = 686.5	,797	1.94	1.86	1.07	1.27
narrative type	U = 620.0	,329	1.14	1.41	0.89	1.18
Macrostructure (general)	T = ,753	,454	42.41	45.52	13.98	22.52
grammatical accuracy	U = 464.0	,010	7.10	5.86	1.65	2.23
syntactical accuracy	T = -2.341	,022	7.10	5.90	2.15	2.27
lexical accuracy	T = -1.464	,147	6.55	5.90	1.74	2.16
Microstructure (general)	T = -2.374	,020	20.76	17.66	5.13	6.27

Note: no significant differences are marked in bold.

In reliance upon Table 2, one can state that our second hypothesis regarding visual working memory was only partially confirmed. Bilinguals with high VWM level didn't differ significantly from monolinguals by almost all the variables, except general microstructure, especially grammatical and syntactical accuracy. Based on the averages, one can draw a conclusion that such bilingual children have a better developed general macrostructure, than average monolinguals. It holds true for all the variables composing macrostructure as well, except narrative structure. When to microstructure (in particular, grammatical, and syntactic accuracy), bilinguals with high VWM level performed worse than monolinguals. The groups didn't really differ in lexical accuracy, but monolinguals demonstrated a tendency to higher score.

*Language development in Bilinguals with High Level
of Verbal Working Memory*

We verified the second hypothesis regarding audio-verbal working memory. The hierarchic cluster analysis demonstrated that the optimal number of clusters equaled to two, like in previous cases. Then, we divided the sample in two groups by means of k-means clustering (medium and high level of development of audio-verbal working memory, correspondingly). T-Student test revealed significant difference between medium and high level of development of this parameter.

Further we selected all monolinguals that completed this task ($n = 168$) and all bilinguals with high level of development of this type of working memory ($n = 53$). The comparison of averages by linguistic variables was performed then, via T-Student test and Mann–Whitney U test for independent samples. Obtained results can be found in Table 3.

Table 3 / Таблица 3

**Comparison of Averages across monolinguals and bilinguals with High AVbWM Level
by linguistic variables /
Сравнение средних показателей монолингвов и билингвов с высоким уровнем
слухо-речевой рабочей памяти (СРРП) по языковым показателям**

Linguistic Variables	Criterion	p-value	M		SD	
			Monolingual	Bilingual with High AVbWM	Monolingual	Bilingual with High AVbWM
semantic completeness	T = 1.535	,127	38.02	41.63	14.07	14.07
semantic adequacy A	U = 1890.5	,783	2.25	2.37	1.52	1.65
semantic adequacy B	U = 1638.0	,136	3.03	3.51	1.65	1.65
number of words	T = ,553	,581	62.40	64.90	24.74	22.92
narrative structure	U = 1755.0	,345	2.14	2.34	1.06	1.24
narrative type	U = 1542.5	,045	1.35	1.71	0.97	1.03
Macrostructure (general)	T = 1.528	,129	46.79	51.56	15.84	18.60
grammatical accuracy	U = 1207.0	,000	7.47	6.27	1.84	1.75
syntactical accuracy	U = 1401.5	,009	7.66	6.66	2.26	1.92
lexical accuracy	T = -1.718	,088	6.87	6.29	1.88	1.65
Microstructure (general)	T = -2.785	,006	22.01	19.22	5.57	4.83

Note: no significant differences are marked in bold.

Table 3 demonstrates that the second hypothesis regarding audio-verbal working memory was confirmed partially. Bilinguals with high AVbWM level didn't differ that much from monolinguals by the majority of variables, except narrative type and general microstructure (in particular, grammatical and syntactical accuracy). Basing on the averages, we can see that those bilinguals possess a better developed macrostructure, than average monolinguals. In respect to the microstructure measures (including grammatical and syntactic accuracy), bilinguals with AVbWM level were less efficient than monolinguals. There was no significant difference between the groups, but monolinguals had higher scores.

Language development in Bilinguals with High Level of Inhibitory Control

Finally, we verified the second hypothesis about inhibitory control. Again, the optimal number of clusters was two, according to our hierarchic cluster analysis. Then, we divided the sample in two groups by means of k-means clustering (medium and high level of development of inhibitory control, correspondingly). Mann–Whitney U test revealed significant difference between medium and high level of development of this parameter.

Then, we selected all monolinguals (n = 154) and all bilinguals with high IC level (n = 50). Afterwards, we performed the comparison of averages by linguistic variables via T-Student test and Mann—Whitney U test for independent samples. Obtained results can be found in Table 4.

Table 4 / Таблица 4

Comparison of Averages across monolinguals and bilinguals with High IC Level by linguistic variables / Сравнение средних показателей монолингвов и билингвов с высоким уровнем сдерживающего контроля (СК) по языковым показателям

Linguistic Variables	Criterion	p-value	M		SD	
			Monolingual	Bilingual with High IC	Monolingual	Bilingual with High IC
semantic completeness	T = -,034	,973	38.33	38.25	11.71	13.88
semantic adequacy A	U = 1467.5	,401	2.31	2.06	1.50	1.55
semantic adequacy B	U = 1544.5	,678	3.08	2.94	1.62	1.69
number of words	T = -,774	,440	62.42	58.67	23.85	26.41
narrative structure	U = 1515.5	,558	2.17	2.06	1.05	1.22
narrative type	U = 1554.0	,707	1.37	1.31	0.95	1.01
Macrostructure (general)	T = -,200	,842	47.26	46.61	15.53	18.17
grammatical accuracy	U = 803.5	,000	7.52	5.86	1.85	1.69
syntactical accuracy	U = 1048.5	,002	7.76	6.36	2.26	2.09
lexical accuracy	T = -2.372	,019	6.90	6.03	1.90	1.78
Microstructure (general)	T = -3.661	,000	22.18	18.25	5.62	4.95

Note: no significant differences are marked in bold.

From Table 4, we can see that the second hypothesis regarding inhibitory control was partially confirmed. Bilinguals with high IC level didn't differ significantly from monolinguals by all variables associated with the narrative macrostructure. Basing on the averages, we can draw a conclusion that monolinguals demonstrate a much more advanced narrative microstructure and higher score for macrostructure at a trend level.

Discussion

This study revealed that for the 6—7-year-old preschool children, residents of the Republic of Sakha (Yakutia), bilingualism was an important developmental factor both for executive functions and their language. The ambiguousness of the influence of this factor, previously outlined in various research works [38] was confirmed by this study as well. In general, Yakut-Russian bilinguals performed the speech-oriented tasks worse than Russian-speaking monolinguals. In particular, it was especially noticeable in their grammatical and syntactic scores. Most probably, it can be related to the effect of the interference of languages, because this phenomenon was much less present in the accuracy of vocabulary use. Moreover, when it comes to narrative macrostructure, there were no significant difference between monolinguals and bilinguals at all. Therefore, a preliminary conclusion may be drawn that microstructure of a child's narratives does depend on his/her mono- or bilingualism, while building of a coherent narrative rather depends on the level of development of cognitive functions. However, this assumption needs additional investigation because it is difficult to distinguish between effects. This is the effects of bilingualism itself or the effects of the socio-economic characteristics of the region of residence, which can affect cognitive functioning [39].

In respect to executive functions, there is also an uncertainty in their performance. Working memory score of bilinguals was lower than of monolinguals, but their inhibitory control was better, while in cognitive flexibility measures there was no significant difference at all. Yet, it's important to note that in the latter case the bilinguals' results were better than at a trend level. This outcome might be explained with the fact that verbal working memory tasks are based on the repeating of sentences, hence are indirectly related to language development and to worse understanding of instructions by bilinguals. Although their higher level of inhibitory control coincides with the conclusions made in other research works dedicated to the same phenomenon [6, 7]. Apparently, the case is that bilingual children have more experience in shifting between languages and inhibition of words usage from a certain language when communicating in another one.

Despite negative influence of bilingualism on language development discovered in this study, it can be reduced if more attention is paid to the development of children's executive functions. In particular, the obtained results demonstrate that bilinguals with high cognitive flexibility level didn't really differ from Russian-speaking monolinguals in language development. This may be due to the fact that well-developed executive functions allow children quick and efficient shifting from one language to another, and counter-balance the effect of interference

between languages (since Russian and Yakut grammatical system are quite distinct, children with low CF level are influenced by that interference to a great extent).

In fact, cognitive flexibility turned out to be the only component of executive functions that caused the highest effect on bilinguals' language development. Other components, such as working memory and inhibitory control, didn't affect language development that much; other bilinguals with high level of development of these parameters demonstrated significantly worse results in language development, than monolinguals. Thus, well-developed cognitive flexibility can be considered an advantage that can contribute to the mitigation of potential under achievements in bilingual's language development if compared to monolinguals. This met our expectations completely.

Conclusions

Thus, the analysis of the influence of bilingualism on the development of narratives in 6—7-year-old preschool children in dependence to the level of development of their executive functions revealed the following:

1. Yakut-Russian bilinguals of senior preschool age demonstrated lower level of development of such EF component as working memory, than monolinguals, but better inhibitory control.

2. Monolinguals obtained better results in lexical and grammatical aspects of language development, while no significant difference was registered between bi- and monolingual children in respect to the ability to compose coherent narratives.

3. Among executive functions, it is the cognitive flexibility that plays the crucial role, because bilinguals with well-developed CF not only didn't demonstrate lower results, but in some measures, were more successful than monolingual children.

4. Other executive functions, such as working memory and inhibitory control, cause less effect on language development.

5. To counter-balance negative influence of bilingualism on language development, it is important to pay more attention to executive functions development and prioritize cognitive flexibility in this context.

References

1. Gooch, D., Thompson, P., Nash, H.M., Snowling, M.J. & Hulme, C. (2016). The Development of Executive Function and Language Skills in the Early School Years. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 57(2), 180—187. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12458>
2. Pazeto, T.C.B., Seabra, A.G. & Dias, N.M. (2014). Executive Functions, Oral Language and Writing in Preschool Children: De-velopment and Correlations1. *Paidéia* (Ribeirão Preto), 24, 213—222. <https://doi.org/10.1590/1982-43272458201409>
3. Adams, A.-M. & Gathercole, S.E. (2000). Limitations in Working Memory: Implications for Language Development. *International Journal of Language & Communication Disorders*, 35(1), 95—116. <https://doi.org/10.1080/136828200247278>
4. Duinmeijer, I., de Jong, J. & Scheper, A. (2012). Narrative Abilities, Memory and Attention in Children with a Specific Language Impairment. *International Journal of Language & Communication Disorders*, 47(5), 542—555. <https://doi.org/10.1111/j.1460-6984.2012.00164.x>
5. Pike, M., Swank, P., Taylor, H., Landry, S. & Barnes, M.A. (2013). Effect of Preschool Working Memory, Language, and Narrative Abilities on Inferential Comprehension at School-Age in Children with Spina Bifida Myelomeningocele and Typically Developing

- Children. *Journal of the International Neuropsychological Society*, 19(4), 390—399. <https://doi.org/10.1017/S1355617712001579>
6. Deak, G.O. (2004). The Development of Cognitive Flexibility and Language Abilities. *Advances in Child Development and Behavior*, 31, 271—327. URL: [https://doi.org/10.1016/S0065-2407\(03\)31007-9](https://doi.org/10.1016/S0065-2407(03)31007-9) (accessed: 10.02.2021). [https://doi.org/10.1016/S0065-2407\(03\)31007-9](https://doi.org/10.1016/S0065-2407(03)31007-9)
  7. Oshchepkova, E., Kartushina, N. & Bukhalenkova, D. (2021). The relationship between language and emotional development in preschoolers: theoretical review. *Moscow University Psychology Bulletin*, 3, 260—287. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.03.13>
  8. Bukhalenkova, D., Gavrilova, M., Airapetyan, Z., Semenov, Y. & Tarasova, K. (2020). Relation between play preferences at home and self-regulation in preschool children. *National Psychological Journal*, 13(2), 99—108. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0209>
  9. Gindi, S. & Pilpel, A. (2020). Pièce Touchée!: The Relationship Between Chess Playing Experience and Inhibition. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13(1), 133—146. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0111>
  10. Wu, C.-Y., O'Brien, B.A., Styles, S.J. & Chen, S.-H. A. (2020). *The Impact of Bilingualism on Skills Development and Education. In Transforming Teaching and Learning in Higher Education*. Springer. pp 47—69. https://doi.org/10.1007/978-981-15-4980-9_3
  11. Serratrice, L. (2012). The bilingual child. *The handbook of bilingualism and multilingualism*, 2, 87—108. <https://doi.org/10.1590/S0102-44502013000200009>
  12. Lund, E.M., Kohlmeier, T.L. & Durán, L.K. (2017). Comparative Language Development in Bilingual and Monolingual Children with Autism Spectrum Disorder: *A Systematic Review. Journal of Early Intervention*, 39(2), 106—124. <https://doi.org/10.1177/1053815117690871>
  13. Shvedova, N.Y. (1980). *The Russian Grammar: In 2 Vols.* Moscow: The USSR Academy of Sciences, Russian Language Institute, Nauka. (In Russ.).
  14. Ubrjatova, E.I. (1990). *Yakut language. Linguistic Encyclopedic Dictionary*, V.N. Yartceva (ed.). Moscow, Sovetskaya Encyclopedia Publ. p. 685. (In Russ.).
  15. Ministry of Education and Science of the Republic of Sakha (Yakutia). URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/doshkolnoe-obrazovanie> (accessed: 10.02.2021). (In Russ.).
  16. Benaissa, A. & Boudouh, M. (2020). Bilingualism and Executive Functions: Study of Working Memory, Selective Attention, Cognitive Flexibility, Planning in Monolingual and Bilingual Children. *Dirasat Nafsiyat Wa Tarbawiyat*, 13(4), 350—361.
  17. Haft, S.L., Kepinska, O., Caballero, J.N., Carreiras, M. & Hoefl, F. (2019). Attentional Fluctuations, Cognitive Flexibility, and Bilingualism in Kindergarteners. *Behavioral Sciences*, 9(5), 58. <https://doi.org/10.3390/bs9050058>
  18. Giovannoli, J., Martella, D., Federico, F., Pirchio, S. & Casagrande, M. (2020). The Impact of Bilingualism on Executive Functions in Children and Adolescents: A Systematic Review Based on the PRISMA Method. *Frontiers in Psychology*, 11, 2398. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.574789>
  19. Paradis, J., Genesee, F. & Crago, M.B. (2011). Dual Language Development and Disorders. *A handbook on bilingualism and second language learning*, 2.
  20. Gagarina, N., Klop, D., Kunnari, S., Tantele, K., Välimaa, T., Bohnacker, U. & Walters, J. (2019). MAIN: Multilingual Assessment Instrument for Narratives—Revised. *ZAS Papers in Linguistics*, 63, 20. <https://doi.org/10.21248/zaspil.63.2019.516>
  21. Altman, C., Armon-Lotem, S., Fichman, S. & Walters, J. (2016). Macrostructure, Microstructure, and Mental State Terms in the Narratives of English–Hebrew Bilingual Preschool Children with and without Specific Language Impairment. *Applied Psycholinguistics*, 37(1), 165—193. <https://doi.org/10.1017/S0142716415000466>
  22. Cleave, P.L., Girolametto, L.E., Chen, X. & Johnson, C.J. (2010). Narrative Abilities in Monolingual and Dual Language Learning Children with Specific Language Impairment. *Journal of communication disorders*, 43(6), 511—522. <https://doi.org/10.1016/j.jcomdis.2010.05.005>
  23. Boerma, T., Leseman, P., Timmermeister, M., Wijnen, F. & Blom, E. (2016). Narrative abilities of monolingual and bilingual children with and without language impairment: Implications for clinical practice. *International journal of language & communication disorders*, 51(6), 626—638. <https://doi.org/10.1111/1460-6984.12234>

24. Verhoeven, L. & Strömquist, S. (2001). *Narrative Development in a Multilingual Context*. John Benjamins Publishing. Vol. 23.
25. Snowling, M., Gooch, D.G., Nash, H.M., Hulme, C. & Thompson, P. (2016). The Development of Executive Function and Language Skills in the Early School Years. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 57(2), 180—187. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12458>
26. Fisher, E.L., Barton-Hulsey, A., Walters C., Sevcik, R.A. & Morris, R. (2019). Executive Functioning and Narrative Language in Children with Dyslexia. *American Journal of Speech-Language Pathology*, 28(3), 1127—1138. https://doi.org/10.1044/2019_AJSLP-18-0106
27. Slot, P.L. & von Suchodoletz, A. (2018). Bidirectionality in Preschool Children's Executive Functions and Language Skills: Is One Developing Skill the Better Predictor of the Other? *Early Childhood Research Quarterly*, 42, 205—214. <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2017.10.005>
28. White, L.J., Alexander, A. & Greenfield, D.B. (2017). The Relationship between Executive Functioning and Language: Examining Vocabulary, Syntax, and Language Learning in Preschoolers Attending Head Start. *Journal of Experimental Child Psychology*, 164, 16—31. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2017.06.010>
29. Fuhs, M.W. & Day, J.D. (2011). Verbal Ability and Executive Functioning Development in Preschoolers at Head Start. *Developmental Psychology*, 47(2), 404. <https://doi.org/10.1037/a0021065>
30. Veraksa, A.N., Oshchepkova, E.S., Bukhalenkova, D.A. & Kartushina, N.A. (2019). The Relationship of Executive Functions and Speech Production in Senior Preschool Children: Working Memory and Storytelling. *Clinical Psychology and Special Education*, 8(3), 56—84. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyclin.2019080304>
31. Veraksa, A., Bukhalenkova, D., Kartushina, N. & Oshchepkova, E. (2020). The Relationship between Executive Functions and Language Production in 5—6-Year-Old Children: Insights from Working Memory and Storytelling. *Behavioral Sciences*, 10(2), 52. <https://doi.org/10.3390/bs10020052>
32. Oshchepkova, E., Bukhalenkova, D. & Veraksa, A. (2021). The Relation Between Cognitive Flexibility and Language Production in Preschool Children. In: *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics*, Velichkovsky, B.M., Balaban, P.M., Ushakov, V.L. (Eds.). Cham: Springer International Publ. pp. 44—55. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71637-0_5
33. Korkman, M., Kirk, U. & Kemp, S.L. (2007). *NEPSY II. Administrative Manual*; Psychological Corporation. San Antonio. <https://doi.org/10.1177/0734282909346716>
34. Zelazo, P.D. (2006). The Dimensional Change Card Sort (DCCS): A Method of Assessing Executive Function in Children. *Nature Protocols*, 1(1), 297—301. <https://doi.org/10.1038/nprot.2006.46>
35. Akhutina, T.V. et al. (2018). *Methods of Neuropsychological examination of 6—8 years old children*. Moscow. (In Russ.).
36. Ovchinnikova, I. (2005). Variety of children's narratives as the reflection of individual differences in mental development. *Psychology of Language and Communication*, 9(1), 29—53.
37. Kornev, A.N. & Balčiūnienė, I. (2017). *Fictional Narrative as a Window to Discourse Development: A Psycholinguistic Approach. Events and narratives in language*, Janusz Badio (ed.). Frankfurt am Main: Peter Lang, Vytauto Didžiojo universitetas. https://doi.org/10.3726/b_10924
38. Bhatia, T.K. & Ritchie, W.C. (eds.). (2014). *The handbook of bilingualism and multilingualism*. John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1111/weng.12076>
39. Verbitskaya, L., Zinchenko, Y., Malykh, S., Gaidamashko, I., Kalmyk, O. & Tikhomirova, T. (2020). Cognitive Predictors of Success in Learning Russian Among Native Speakers of High School Age in Different Educational Systems. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13, 2—15. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0201>

Библиографический список

1. Gooch D., Thompson P., Nash H.M., Snowling M.J., Hulme C. The Development of Executive Function and Language Skills in the Early School Years // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2016. Vol. 57. № 2. P. 180—187. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12458>

2. *Pazeto T., Seabra A.G., Dias N.M.* Executive Functions, Oral Language and Writing in Preschool Children: Development and Correlations // *Paidéia* (Ribeirão Preto). 2014. № 24. P. 213—222. <https://doi.org/10.1590/1982-43272458201409>
3. *Adams A.-M., Gathercole S. E.* Limitations in Working Memory: Implications for Language Development // *International Journal of Language & Communication Disorders*. 2000. Vol. 35. № 1. P. 95—116. <https://doi.org/10.1080/136828200247278>
4. *Duinmeijer I., de Jong J., Scheper A.* Narrative Abilities, Memory and Attention in Children with a Specific Language Impairment // *International Journal of Language & Communication Disorders*. 2012. Vol. 47. № 5. P. 542—555. <https://doi.org/10.1111/j.1460-6984.2012.00164.x>
5. *Pike M., Swank P., Taylor H., Landry S., Barnes M.A.* Effect of Preschool Working Memory, Language, and Narrative Abilities on Inferential Comprehension at School-Age in Children with Spina Bifida Myelomeningocele and Typically Developing Children // *Journal of the International Neuropsychological Society*. 2013. Vol. 19. № 4. P. 390—399. <https://doi.org/10.1017/S1355617712001579>
6. *Deak G.O.* The Development of Cognitive Flexibility and Language Abilities // *Advances in child development and behavior*. 2003. Vol. 31. P. 271—327. [https://doi.org/10.1016/S0065-2407\(03\)31007-9](https://doi.org/10.1016/S0065-2407(03)31007-9)
7. *Ощепкова Е.С., Карпушина Н.А., Бухаленкова Д.А.* Связь развития речи и эмоций у детей дошкольного возраста: теоретический обзор // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2021. № 3. С. 260—287. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.03.13>
8. *Бухаленкова Д.А., Гаврилова М.Н., Айрапетян З.В., Семенов Ю.И., Тарасова К.С.* Связь между игровыми предпочтениями в домашних условиях и развитием саморегуляции у детей дошкольного возраста // *Национальный психологический журнал*. 2020. Т. 38. № 2. С. 99—108. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0209>
9. *Gindi S., Pilpel A.* Pièce Touchée!: The Relationship Between Chess Playing Experience and Inhibition // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2020. Vol. 13. № 1. P. 133—146. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0111>
10. *Wu C.-Y., O'Brien B.A., Styles S.J., Chen S.-H.A.* The Impact of Bilingualism on Skills Development and Education // *Transforming Teaching and Learning in Higher Education*. NYC: Springer, 2020. P. 47—69. https://doi.org/10.1007/978-981-15-4980-9_3
11. *Serratrice L.* The bilingual child // *The handbook of bilingualism and multilingualism*. 2012. № 2. P. 87—108. <https://doi.org/10.1590/S0102-44502013000200009>
12. *Lund E.M., Kohlmeier T.L., Durán L.K.* Comparative Language Development in Bilingual and Monolingual Children with Autism Spectrum Disorder: A Systematic Review // *Journal of Early Intervention*. 2017. Vol. 39. № 2. P. 106—124. <https://doi.org/10.1177/1053815117690871>
13. *Шведова Н.Ю.* Русская грамматика. В. 2-х тт. Т.2. М.: ИРЯ РАН, 1980.
14. *Убрятова Е.И.* Якутский язык // *Энциклопедический словарь Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой*. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 685.
15. Министерство Образования и науки Республики Саха (Якутия). Режим доступа: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/doshkolnoe-obrazovanie> (дата обращения: 10.02.2021).
16. *Benaissa A., Boudouh M.* Bilingualism and Executive Functions: Study of Working Memory, Selective Attention, Cognitive Flexibility, Planning in Monolingual and Bilingual Children // *Dirasat Nafsiyat Wa Tarbawiyat*. 2020. Vol. 13. № 4. P. 350—361.
17. *Haft S.L., Kepinska O., Caballero J.N., Carreiras M., Hoeft F.* Attentional Fluctuations, Cognitive Flexibility, and Bilingualism in Kindergarteners // *Behavioral Sciences*. 2019. Vol. 9. № 5. P. 58. <https://doi.org/10.3390/bs9050058>
18. *Giovannoli J., Martella D., Federico F., Pirchio S., Casagrande M.* The Impact of Bilingualism on Executive Functions in Children and Adolescents: A Systematic Review Based on the PRISMA Method // *Frontiers in Psychology*. 2020. № 11. P. 2398. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.574789>
19. *Paradis J., Genesee F., Crago M.B.* Dual Language Development and Disorders. A handbook on bilingualism and second language learning. Baltimore: Paul H. Brookes Publishing, 2011.
20. *Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Bohnacker U., Walters J.* MAIN: Multilingual Assessment Instrument for Narratives—Revised // *ZAS Papers in Linguistics*. 2019. № 63. P. 20. <https://doi.org/10.21248/zaspil.63.2019.516>

21. Altman C., Armon-Lotem S., Fichman S., Walters J. Macrostructure, Microstructure, and Mental State Terms in the Narratives of English–Hebrew Bilingual Preschool Children with and without Specific Language Impairment // *Applied Psycholinguistics*. 2016. Vol. 37. № 1. P. 165—193. <https://doi.org/10.1017/S0142716415000466>
22. Cleave P.L., Girolametto L.E., Chen X., Johnson C.J. Narrative Abilities in Monolingual and Dual Language Learning Children with Specific Language Impairment // *Journal of communication disorders*. 2010. Vol. 43. № 6. P. 511—522. <https://doi.org/10.1016/j.jcomdis.2010.05.005>
23. Boerma T., Leseman P., Timmermeister M., Wijnen F., Blom E. Narrative abilities of monolingual and bilingual children with and without language impairment: Implications for clinical practice // *International journal of language & communication disorders*. 2016. Vol. 51. № 6. P. 626—638. <https://doi.org/10.1111/1460-6984.12234>
24. Verhoeven L., Strömqvist S. *Narrative Development in a Multilingual Context*. NYC: John Benjamins Publishing, 2001.
25. Snowling M., Gooch D.G., Nash H.M., Hulme C., Thompson P. The Development of Executive Function and Language Skills in the Early School Years // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2016. Vol. 57. № 2. P. 180—187. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12458>
26. Fisher E.L., Barton-Hulsey A., Walters C., Sevcik R.A., Morris R. Executive Functioning and Narrative Language in Children with Dyslexia // *American Journal of Speech-Language Pathology*. 2019. Vol. 28. № 3. P. 1127—1138. https://doi.org/10.1044/2019_AJSLP-18-0106
27. Slot P.L., von Suchodoletz A. Bidirectionality in Preschool Children's Executive Functions and Language Skills: Is One Developing Skill the Better Predictor of the Other? // *Early Childhood Research Quarterly*. 2018. № 42. P. 205—214. <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2017.10.005>
28. White L.J., Alexander A., Greenfield D.B. The Relationship between Executive Functioning and Language: Examining Vocabulary, Syntax, and Language Learning in Preschoolers Attending Head Start // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2017. № 164. P. 16—31. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2017.06.010>
29. Fuhs M.W., Day J.D. Verbal Ability and Executive Functioning Development in Preschoolers at Head Start // *Developmental Psychology*. 2011. Vol. 47. № 2. P. 404. <https://doi.org/10.1037/a0021065>
30. Веракса А.Н., Ощепкова Е.С., Бухаленкова Д.А., Картушина Н.А. Связь регуляторных функций и производства речи у старших дошкольников: рабочая память и составление нарративов // *Клиническая и специальная психология*. 2019. Т. 8. № 3. С. 56—84. <https://doi.org/10.17759/psyclin.2019080304>
31. Veraksa A., Bukhalenkova D., Kartushina N., Oshchepkova, E. The Relationship between Executive Functions and Language Production in 5–6-Year-Old Children: Insights from Working Memory and Storytelling // *Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 10. № 2. P. 52—64. <https://doi.org/10.3390/bs10020052>
32. Oshchepkova E., Bukhalenkova D., Veraksa A. The Relation Between Cognitive Flexibility and Language Production in Preschool Children // *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics*. Velichkovsky B.M., Balaban P.M., Ushakov V.L. (eds.). Geneva: Springer International Publishing: Cham, 2021. P. 44—55. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71637-0_5
33. Korkman M., Kirk U., Kemp S.L. *NEPSY II. Administrative Manual*. Psychological Corporation: San Antonio, 2007. <https://doi.org/10.1177/0734282909346716>
34. Zelazo P.D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): A Method of Assessing Executive Function in Children // *Nature Protocols*. 2006. Vol. 1. № 1. P. 297—301. <https://doi.org/10.1038/nprot.2006.46>
35. Методы нейропсихологического обследования детей 6—8 лет / под ред. Т.В. Ахутиной. М.: Секачев, 2018. С. 280
36. Ovchinnikov I. Variety of children's narratives as the reflection of individual differences in mental development // *Psychology of Language and Communication*. 2005. Vol. 9. № 1. P. 29—53.
37. Kornev A.N., Balčiūnienė I. Fictional Narrative as a Window to Discourse Development: A Psycholinguistic Approach // *Events and narratives in language* / Janusz Badio (ed.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017. P. 171—188. <https://doi.org/10.3726/b10924>

38. *Bhatia T.K., Ritchie W.C. (Eds.). The handbook of bilingualism and multilingualism. NYC: John Wiley & Sons, 2014. <https://doi.org/10.1111/weng.12076>*
39. *Verbitskaya L., Zinchenko Y., Malykh S., Gaidamashko I., Kalmyk O., Tikhomirova T. Cognitive Predictors of Success in Learning Russian Among Native Speakers of High School Age in Different Educational Systems // Psychology in Russia: State of the Art. 2020. № 13. P. 2—15. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0201>*

Информация об авторах:

Ощепкова Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; *научные интересы*: психолингвистика, онтолингвистика, развитие связной монологической речи; *e-mail*: oshchepkova_es@iling-ran.ru e-Library SPIN-код: 7680-8527.

Шатская Арина Николаевна, лаборант лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Психологический институт Российской Академии образования; *научные интересы*: детская психология, регуляторные функции, психолингвистика; *e-mail*: arina.shatskaya@mail.ru

Дедюкина Марфа Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель заведующей кафедры дошкольного образования по учебной работе Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, *научные интересы*: развитие речи, дошкольное образование, образовательная среда; *e-mail*: arina.shatskaya@mail.ru e-Library SPIN-код: 9809-2174.

Якупова Вера Анатольевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры методологии психологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; *научные интересы*: психология развития, регуляторные функции, когнитивное и речевое развитие; *e-mail*: vera.a.romanova@gmail.com e-Library SPIN-код: 3608-2625.

Ковязина Мария Станиславовна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *научные интересы*: психология развития, регуляторные функции, когнитивное и речевое развитие; *e-mail*: KMS130766@mail.ru e-Library SPIN-код: 1570-8446.

Information about the authors:

Ekaterina S. Oshchepkova, PhD in Philology, Researcher, Department of Psychology of Education and Pedagogics, Faculty of Psychology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; *Research interests*: psycholinguistics, ontolinguistics, development of coherent monologue speech; *e-mail*: oshchepkova_es@iling-ran.ru e-Library SPIN code: 7680-8527.

Arina N. Shatskaya, Laboratory Assistant for Childhood Psychology and Digital Socialization, Psychological Institute of the Russian Academy of Education; *Research interests*: child psychology, regulatory functions, psycholinguistics; *e-mail*: arina.shatskaya@mail.ru

Marfa I. Dedyukina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Preschool Education for Academic Affairs of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, *Research interests*: speech development, preschool education, educational environment; *e-mail*: mi.dedyukina@s-vfu.ru e-Library SPIN code: 9809-2174

Vera A. Yakupova, Candidate of Psychological Sciences, Researcher, Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; *Research interests*: developmental psychology, regulatory functions, cognitive and speech development; *e-mail*: vera.a.romanova@gmail.com e-Library SPIN code: 3608-2625.

Maria S. Kovyazina, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Neuro- and Pathopsychology of the Faculty of Psychology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; *Research interests*: *e-mail*: KMS130766@mail.ru e-Library SPIN code: 1570-8446.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155

УДК [811.161.1:811.512.154]246.2(575.2)

Научная статья / Research article

Особенности билингвизма в Кыргызстане

З.К. Дербишева

Кыргызско-Турецкий университет Манас,
720082, Кыргызстан, г. Бишкек, мкр. Улан 1/1, кв. 59
✉ dezami2015@gmail.com

Аннотация. В Кыргызстане как в многонациональной стране проблема языковых контактов всегда являлась весьма актуальной. Она была связана с функциональными возможностями русского и киргизского языков и с языковой политикой государства. При этом билингвизм является неотъемлемым атрибутом кыргызского общества. Билингвизм этнических киргизов связан с разным уровнем знания русского языка, а также он демонстрирует разный характер самоконтроля говорящих над языками, в которых имеет место как осознанное регулирование языкового пользования, так и стихийное. Установлено, что указанные факторы оказывают существенное влияние на специфику кодовых переключений в речи билингвов.

Ключевые слова: билингвизм, языковые контакты, кодовые переключения, языковая ситуация, языковая политика, диглоссия

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

Для цитирования:

Дербишева З.К. Языковые контакты в сфере билингвизма в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 144—155. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155>

UDC [811.161.1:811.512.154]246.2(575.2)

Language Contacts in the Field of Bilingualism in Kyrgyzstan

Zamira K. Derbisheva

Kyrgyz-Turkish Manas University,
59, Ulan 1/1, Bishkek, Kyrgyz Republic, 720082
✉ dezami2015@gmail.com

Abstract. In Kyrgyzstan, as a multinational country, the problem of language contacts has always been topical. It was related to the functional possibilities of the Russian and Kyrgyz languages and the language policy of the country. In this regard, bilingualism is an integral feature of the Kyrgyz

© Дербишева З.К., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

society. The bilingualism of the ethnic Kyrgyz is associated with different levels of knowledge of the Russian language, and it also demonstrates the different nature of self-control of speakers over the languages, in which there are both conscious control of language use and spontaneous one. It has been established that the above factors have a significant influence on the nature of code-switching in the speech of bilinguals.

Key words: bilingualism, code-switching, language contacts, language situation, language policy, diglossia

Article history:

Received: 01.03.2021

Accepted: 15.11.2021

For citation:

Derbisheva, Z.K. (2022). Language Contacts in the Field of Bilingualism in Kyrgyzstan. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 144—155. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155>

Введение

Билингвизм в полиэтническом социуме — неперенный атрибут коммуникации. Под билингвизмом понимается способность в процессе коммуникативного акта переключаться между двумя языками в зависимости от собеседника, темы разговора, степени формальности, коммуникативной ситуации, прагматических и психологических факторов [1. С. 5].

Надо сказать, что билингвизм в Киргизии в его разновидностях (русско-киргизский и киргизско-русский) этнически не был привязан к русскому населению республики. Русско-киргизский билингвизм и киргизско-русский билингвизм были свойственны только этническим киргизам. Эти две разновидности билингвизма исторически меняли свои позиции: если в советское время у киргизов преобладал русско-киргизский билингвизм, то на данном этапе с кардинальным изменением геополитической ситуации на постсоветском пространстве активно развивается киргизско-русский билингвизм. Экскурс в историю социолингвистической ситуации в стране позволит разобраться во многих проблемах. Советский период в языковой ситуации в Киргизии можно назвать периодом диглоссии. Термин *диглоссия* был введен Ч. Фергюсоном при описании ситуации функционального разграничения языков в зависимости от коммуникативной ситуации и функциональной сферы употребления. Ч. Фергюсон подчеркивает важность использования варианта, соответствующего коммуникативной ситуации: к сферам использования «высокого» кода относятся религиозные службы, политические речи, формальная образовательная среда, включая университетские лекции, новостные программы и периодика, поэзия и литература. С другой стороны, «низкому» коду соответствует сфера обслуживания, общение с членами семьи, друзьями и коллегами, развлекательные радиoprogramмы и фольклор [2. С. 327—329]. Функциональное распределение русского и киргизского языка соответствовало диглоссной ситуации. Русский язык как язык «высокого» кода охватывал все

сферы общественной жизни республики: экономику, промышленность, сферу торговли, сферу дошкольного, школьного, среднего специального и высшего образования, сферу науки, судопроизводства, правоохранительных органов, СМИ и телевидения, сферу государственного управления и т.д. В результате тотального распространения русского языка киргизский язык был оттеснен на периферию социума и функционировал, главным образом, в сельских регионах как язык семейно-бытового общения, как язык школьного образования, а также в качестве языка художественной литературы. Естественно, что в таких условиях киргизский язык не выдерживал конкуренции с русским языком и фактически переживал период стагнации. В то время русский язык в киргизском обществе был востребован как язык социального продвижения. На тот момент этническое самосознание киргизов было толерантно к факту неравенства языков, поскольку русский язык рассматривался как инструмент для достижения социального статуса, стабильности, благополучия. В этих условиях среди киргизского населения начал формироваться русско-киргизский билингвизм, который имел свои особенности. Городские жители говорили преимущественно на русском языке в семье, на работе, со сверстниками; даже когда им приходилось общаться с родственниками, не владеющими русским языком, они редко переходили на родной язык, разговор шел на разных языках в буквальном смысле слова. Представители сельских регионов, мотивированные на получение образования, за время обучения вполне удовлетворительно усваивали русский язык, которым они успешно пользовались как языком профессиональной коммуникации; однако вне работы, в семейном кругу, они переходили на родной язык. «Переключение на другой код в результате сдвига в социальной обстановке, например, при смене собеседника, изменении контекста или темы, ученые называют ситуационным переключением. Такого рода переключение напрямую связано с диглосной языковой ситуацией» [3. С. 56]. Таким образом, можно говорить о двух типах билингвизма, сложившихся в советское время:

- 1) русско-киргизский билингвизм городских жителей;
- 2) русско-киргизский билингвизм сельских жителей.

Для представителей 1 типа русский язык был ведущим и активным, а родной язык был пассивным, часто только на уровне понимания. Вторую категорию можно назвать полноценными билингвами, они активно пользовались обоими языками, но в разных сферах жизнедеятельности. Примечательно то, что для обоих типов билингвизма были характерны: во-первых, пассивная роль киргизского языка, во-вторых, отсутствие смешения языков. Для первого типа это было связано с сознательным отказом от родного языка, а для второго типа связано с разными сферами использования двух языков, то есть кодовое переключение происходило с языка на язык по ситуативному признаку. В данных типах билингвизма языки были менее контактными, использовались изолированно друг от друга. К нашей ситуации отчасти

применима точка зрения Дж.А. Фишмана: «...билингвы, чье знание языков проистекает из ситуаций обыденного общения или необходимости ... vs. билингвы, чье знание языков проистекает из ситуаций элитарного общения (например, высококультурные люди, которые часть своего образования получили на иностранном языке)» [4. С. 329—336].

Языковая ситуация в современной Киргизии существенно отличается от ситуации советского периода. Она предопределяется этнонациональным раскладом, который в значительной степени изменился после распада СССР.

Так, в 1979 году национальный состав Киргизии определялся следующими показателями:

- киргизы 48 %;
- русские 26 %;
- узбеки 12 %;
- другие национальности 14 %.

В 2018 году национальный состав Киргизии определялся такими показателями:

- киргизы 73,3 %;
- русские 5,6 %;
- узбеки 14,7 %;
- другие национальности 16,4 %.

Наряду с изменением национально-этнической ситуации, причиной которой стали массовые миграционные процессы, стала меняться языковая ситуация в стране: отток русскоязычного населения привел киргизскому одноязычию регионов страны, сокращению сфер использования русского языка. На данный момент русский язык функционирует как язык межнационального общения, язык незначительной части СМИ, ТВ, Интернета и как язык преподавания в вузах. Кардинальному изменению языковой ситуации в стране способствует также языковая политика, которая направлена на развитие и пропаганду государственного киргизского языка. Все эти факторы привели к ситуации, когда роль и функции киргизского языка в обществе стали заметно расти; знание киргизского языка стало фактором достижения социального престижа. У киргизской молодежи произошла переоценка в отношении к родному языку, и с каждым годом увеличиваются ряды киргизской молодежи, активно осваивающей родной язык. При этом надо отметить, что качественное знание киргизского языка приобретает особую ценность в сочетании с другими языками, прежде всего с русским языком, который закреплен в нашей Конституции как официальный язык. В создавшейся ситуации можно говорить о формировании у киргизов другого типа билингвизма, а именно киргизско-русского билингвизма, при котором языки характеризуются большей контактностью, способствующей их активному взаимовлиянию, предопределяющему разные виды кодовых переключений.

Обсуждение

Период активного изучения двуязычия, коммуникативных привычек билингвов и ситуации диглоссии в зарубежной и российской социолингвистике заложил основу для формирования направления, изучающего проблему переключения кодов. О предпосылках зарождения этого аспекта двуязычия Л.Р. Зурабова говорит следующее: «Во-первых, ранние исследования двуязычия проводились в рамках структуралистской парадигмы; фокус внимания во многом приходился на язык (*langue*), нежели на речь (*parole*), т.е. двуязычие изучалось с точки зрения взаимодействия двух языковых систем, в то время как непосредственное употребление языка оставалось на периферии. Во-вторых, исходя из представлений структурализма о языке и его грамматике как самостоятельной сложноструктурированной системе взаимозависимых элементов, переключение кодов рассматривалось как последствие нарушения структурной целостности системы, т.е. как следствие интерферентных процессов» [3. С. 50]. Сегодня проблема кодовых переключений является одной из актуальных проблем билингвизма. По сущности этого явления, например, Рене Аппель пишет, что «переключение кодов — это неизолированное явление, а ключевая составляющая билингвального речевого общения» [5. С. 117]. Шана Поплак: отмечает, что «...переключение кодов является само по себе нормой в определенных речевых ситуациях, которые существуют в устойчивых двуязычных сообществах»; ею дается следующее определение: «Переключением кодов называется смешение двух или более языков в речи билингвов (или мультилингвов), при котором необязательно происходит смена собеседника или темы разговора» [6. С. 23].

Проблему переключения кодов мы будем рассматривать исходя из сложившихся сегодня в Кыргызстане моделей билингвизма.

1. Пропорциональный (сбалансированный) билингвизм, для которого характерно одинаково качественное владение двумя языками (Я-1 и Я-2).

2. Диспропорциональный билингвизм I типа, при котором родной язык — киргизский (Я-1) доминирует, а второй язык — русский (Я-2) недостаточно освоен.

3. Диспропорциональный билингвизм II типа, при котором второй язык — русский (Я-2) доминирует, а родной — киргизский язык (Я-1) недостаточно освоен.

4. Диспропорциональный билингвизм III типа, при котором один из языков активен, имеет продуктивный характер, а второй — пассивен, имеет перцептивный характер.

Пропорциональный билингвизм. Сюда относится значительное количество билингвов, которые одинаково владеют и русским и киргизским языком. Так, у представителей этой категории в официальной обстановке присутствует самоконтроль в использовании двух языков. В этих условиях у билингвов кодовое переключение происходит осознанно в соответствии с конкретной ситуацией. Попадая в однородную киргизскую языковую среду, билингв

переключается на киргизский язык и будет избегать излишних, неоправданных вкраплений. Оказавшись в русскоязычной среде, он настраивается на русский языковой код и не станет допускать смешения с киргизским языком. У. Вайнрайх характеризует идеального билингва как человека, который «переключается с одного языка на другой, согласно соответствующим изменениям в речевой ситуации (собеседник, тема и др., но не в измененной языковой ситуации и определенно не внутри одного предложения» (цит. по: Ш. Поплак [3. С. 22]).

Однако и представители пропорционального билингвизма в непринужденной обстановке могут допускать смешение кодов, включать вкрапления, использовать контаминацию фраз. Уровень владения языками может варьироваться и покрывает все степени владения, включая как совершенное знание одного и более языков, так и посредственное знание второго языка.

У некоторых исследователей возможность полного сбалансированного билингвизма вызывает сомнения в связи с тем, что, как правило, «...переключение кодов у билингвов ведет к интерференции в обоих языках, а в радикальных случаях высокочастотное переключение может привести к смешению языков» [8. С. 368—369].

Основными механизмами билингвального речепроизводства является заимствование, калькирование и кодовое переключение. Принимая во внимание вышесказанное, заметим, что к билингвам относится широкий спектр лиц, начиная с идеальных билингвов, одинаково хорошо говорящих на обоих языках, заканчивая лицами, делающими первые попытки изъясниться на новом языке [9. С. 72—77.]. Казахстанский ученый Д.Б. Аканова также считает, что смешение кодов возможно и при высоком уровне владения вторым языком [10. С. 35].

Диспропорциональный билингвизм I типа с преобладанием киргизского языка предполагает кодовое переключение с родного языка на неродной язык (с Я-1 на Я-2). Уровень владения вторым языком у данной категории билингвов достаточно низкий, говорящий обладает ограниченным лексическим запасом, поверхностно знает грамматические нормы Я-2. Такой тип кодового переключения предполагает приемлемое сохранение смыслового компонента высказывания при искажении его внешнего оформления, причиной которого является интерферирующее влияние родного языка. Ср.: *Если молодые разговаривают, то пусть женятся* (вм.: если молодые нашли общий язык, то пусть женятся); *Ястреб берет только лиса* (вм.: лису может взять только ястреб); *рассказать совет* (вм.: дать совет); *прямо стоит на языке* (вм.: вертится прямо на языке); *машину, который 6—7 литров бензина кушает* (вм.: машину, которая расходует 6—7 литров бензина); *Он чисто будет работать* (вм.: он будет честно работать); *он не будет воровать Кыргызстан* (вм.: он не будет обворовывать (грабить) Кыргызстан); *четыре партии соединил* (вм.: он объединил четыре партии); *Через неделю должен был на Иссык-Куль идти* (вм.: через неделю должен был ехать на Иссык-Куль); *вы уже*

придумали, где остаетесь (вм.: вы уже подумали, где остановитесь); *задержали водителя, взбившего* (вм. сбившего) *ребенка; обделка* (вм. отделка) *квартир; наш головной набор* (вм. убор) и др.

Речевые ошибки в приведенных примерах свидетельствуют о высокой степени интерференции, при которой нарушаются и семантические, и лексические, и грамматические нормы русского языка (Я-2). Калькирование при таком типе билингвизма является наиболее распространенным видом кодового переключения. Необходимость такого переключения чаще всего имеет место в ситуациях общения с адресатом, не владеющим киргизским языком, когда он вынужденно переходит на русский язык в стремлении быть понятым собеседником.

К следующему виду кодовых переключений многие лингвисты относят заимствования. Заимствованием принято считать переход элементов одного языка в другой как результат их длительного взаимодействия с исторической точки зрения. Приток иностранной лексики обусловлен культурно-историческими предпосылками.

В вопросе о заимствованиях часто затрагивается проблема разграничения заимствований от случаев кодовых переключений. Одним из признаков заимствований исследователи считают регулярность их использования в коммуникации, понятность и доступность для языкового коллектива. Те заимствования, которые не соответствуют требованиям регулярности и распространенности в сообществе, принято называть окказиональными/случайными заимствованиями или иноязычными вкраплениями (*nonce borrowings*) [11. С. 25].

В рамках дискуссии по дифференциации переключения кодов и единичных включений в речи билингвов Ш. Поплак предлагает следующий критерий: «если в принимающем языке у спорных единиц наблюдается тенденция функционировать (например, в образовании падежей) как функционируют родные единицы, *а не в соответствии с моделями исходного языка, то их следует считать заимствованиями* (выделено мной — З.Д), поскольку в данном случае имеет место грамматическая ассимиляция. Обратно, если спорные единицы следуют моделям исходного языка, игнорируя правила принимающего, то их следует считать результатом ПК [6. С. 2062—2065]. Если исходить из критерия, предлагаемого Ш. Поплак, то в нашем случае узуальные заимствования вполне соответствуют признакам переключения кодов, так как они подчиняются требованиям киргизской грамматики. В следующих примерах можно наблюдать, как существительные подвергаются грамматической адаптации: к названиям дней недели свободно присоединяются падежные аффиксы киргизского языка. Ср.: *четвергте бошмун* (в четверг я свободен); *понеделниктен кийин сүйлөшөлү* (поговорим после понедельника); *чогулушту субботага которолу* (перенесем собрание на субботу). Наряду с наименованиями дней недели часто включаются и названия месяцев на русском языке. В школьном дискурсе с неизменной частотностью

используются слова, обозначающие предметы повседневного обихода учащихся, которые оформляются обязательными показателями падежа и посессивности. Ср.: *Ашыкча ручкаң барбы?* (у тебя есть ручка?). *Резинкаңды алып турайынчы* (Можно я возьму твою резинку?). *Тетратымды алган эмес белең, таппай жатам* (ты не брал мою тетрадь, не могу найти?). В разговорный узус прочно вошли заимствования, обозначающие предметы бытовой техники: *Холодильнигибиз бузулуп калды* (У нас холодильник сломался); *Телевизордон атамды көрсөтүп жатат* (По телевизору папу показывают); *Радиону угуп жатам* (Я слушаю радио); *Стиральный машинабыз азырынча жок* (У нас пока нет стиральной машины). Заимствования из сферы официально-деловой лексики также оформляются по правилам аффиксальной агглютинации: *образецти алып барам* — я принесу образец; *ал биографиясын жазсын* — пусть напишет свою биографию; *договорубузга кол коюш керек* — надо подписать наш договор. Следующие примеры единичных включений **не** относятся к разряду узуальных заимствований. Однако, как видно из предыдущих примеров, в билингвальной речи киргизов заимствованные существительные из русского языка проявляют **большую** гибкость и адаптируемость к грамматическим правилам киргизского языка, тогда как глаголы сохраняют исходную форму и не вступают в грамматические отношения с принимающим языком. Ср.: *свет силерге мешатъ эткен жокпу?* (вам свет не мешает?); *сабакка чейин успетъ этесиңби?* (а ты успеешь до урока?); *биз деле волноватъся эткенбиз жаш кезде* (мы тоже в молодости волновались); *кел споритъ этебиз* (давай поспорим); *анан звонитъ этип коем* (потом позвоню); *переживатъ кылба, балаңды үйгө жөнөтүп койдум* (не переживай, я отправил ребенка домой); *давлениеси көтөрүлүп кетсе лечитъ этиш керек* (если поднялось давление, надо лечить); *ал багажды примитъ этет* (он принимает багаж); *мен дагы обещатъ этип койгом* (я тоже пообещал); *квартираны он эки миңге сниматъ этебиз* (мы снимаем квартиру за 12 000); *голосоватъ эттиңби?* (ты проголосовал). Здесь наблюдается обратный процесс: принимающий язык приспособливает русские глаголы, вводя их с помощью глагольного показателя киргизского языка *-ет-* (делать). Разговорная речь чаще, чем письменная, облекается в модальные рамки; говорящий нуждается субъективной поддержке собеседника, и употребление вводных слов достоверности, гипотетичности часто происходит с помощью русских вкраплений. Ср.: *может быть, жардам берет* (может быть, он поможет); *айырмасы менен токсон эки, видишь, а менде аз;* (видишь, разница в 92, а у меня меньше); *башкы карманы Сивилла да, помнишь?* (главная героиня ведь Сивилла, помнишь?); *болжол менен где-то 10—15 жаш* (примерно, где-то 10—15 лет); *конечно, үнү өзгөрдү* (конечно, голос изменился); *реально, алар бизден чоң көрүнөт* (реально, они кажутся больше нас). Джон Гамперц рассматривает кодовые переключения как прагматическое или стилистическое явление, в котором устная речь расчленяется на противопоставляемые друг другу единицы. «Любое свойство контекста, как присутствие союза, или наречия, или

перформативного оборота, которое выделяет одно предложение из ряда последующих или предыдущих, благоприятствует процессу переключения и делает его более уместным» [12. С. 92]. Ср.: *Пока биз жыйнап кеткенче саат 1—2 болот уже* (Будет уже час или два ночи, пока мы уберемся). *Көбү эле айылга жашабайм, тем более ата-энең менен турсаң дешет* (Многие не хотят жить в селе, тем более если живешь с родителями); *А если айылда анаң болсо, анда ошол жакта калыш керек* (А если дома в селе мать, тогда надо оставаться там); *Потому что Шайыр жеңе билгизип койду* (потому что тетя Шайыр выдала); *Ключ үйдө эле болушу керек, потому что кечээ ачып киргенсиз* (Ключ должен быть дома, потому что вчера вы сами открывали) и др. Подобные случаи свидетельствуют о ситуации, когда «...люди владеют вторым языком в степени, достаточной для согласования своих действий с носителями второго языка, для обмена мыслями» [13. С. 123]. В основе кодового переключения лежит смешение и слияние двух языков, которое образует в итоге гибридную грамматическую структуру, что делает подход и сам процесс рассмотрения этого явления особенным. Кодовое переключение напрямую свидетельствует об особенностях билингвальной речи. Однако в трактовке природы кодовых переключений у исследователей есть определенные расхождения. По мнению одних авторов, переключение кодов происходит в тех случаях, когда говорящий ощущает нехватку языковых средств в одном языке либо испытывает определенные затруднения в выражении мыслей, он переключается на другой язык. Неспособность билингва поддержать разговор с использованием только одного языка называется «полулингвизмом» (semi-lingualism) [14. С. 13]. Противоположное мнение о переключении кодов как показателе идеального владения языками высказывается Шана Поплак: «ПК — это речевой навык, требующий высокой степени владения более чем одним языком, а не изъян, возникающий по причине недостаточного владения одним или другим языком» [6. С. 53]. Ю.В. Балакина и А.В. Соснин называют эту особенность билингвизма металингвистической, при которой имеет место переменное использование двух языков в разговоре с целью впечатлить собеседника своей лингвистической компетенцией [1. С. 7]. Ср.: *Кээ бири ата-энесинин обеспечениесинде болсо дагы өздөрү акча табышат* (Некоторые, даже если они на обеспечении родителей, сами зарабатывают деньги); *Ал баланын өзүнүн сознаниесинен болот* (Это зависит от сознания ребенка); *менин исследованиемде ал бар* (в моем исследовании это есть); *Заключениени негизинде решение принимать этебиз* (На основании заключения мы примем решение). Дж. Гамперц усматривает в подобных переключениях особые семантические функции, которые реализуют значимые оппозиции: «предупреждение/личная просьба, незначащая ремарка/личное переживание, решение, принятое по благоприятному случаю/ решение, принятое с досады, личное мнение/ общеизвестный факт [12. С. 95]. Некоторые семантические функции из перечисленного Дж. Гамперцем можно обнаружить в следующих примерах с внутрисентенциональными включениями. Ср.: *биз баарын*

талкалап древний мирге түшүп калбашыбыз керек (мы не должны все разрушить и оказаться в древнем мире); *низкий уровнеге түшкөн жок* (он не опустился до низкого уровня); *анан легкий способторун көргөзөм* (потом покажу легкие способы); *серьезный отношенияга өтүп баратат* (они переходят в серьезные отношения). Вопреки экономии часто в целях более точной передачи мысли билингвы используют усложненные гибридные конструкции. Ср.: *Мурда же жили в мире и согласии* (Мы же жили раньше в мире и согласии); *Коомдун духовный, нравственный деңгээлин көтөрүш керек* (Надо поднимать духовный и нравственный уровень общества); *Паника баиталса пассажирлерди успокаивать этиш керек местный жительдерге* (Если начнется паника, то местным жителям надо успокаивать пассажиров).

Таким образом, анализ разных типов киргизско-русского билингвизма приводит к следующим выводам.

1. Для диспропорциональных видов билингвизма свойственны, главным образом, узуальные заимствования и случаи калькирования.
2. Для пропорционального билингвизма характерны кодовые переключения в виде внутрисентенциальных включений.

Заключение

Билингвизм в Кыргызстане — это одна из конститутивных особенностей языкового функционирования в стране. На протяжении всей истории языковой эволюции русский и киргизский языки развивались в соответствии с такими социолингвистическими факторами, как баланс языков в разных сферах общественной жизни, векторы языковой политики, уровень функциональной мощности языков и др. Характер билингвизма в республике напрямую был детерминирован указанными факторами. Для советского периода билингвизм этнических киргизов имел ситуативно изолированный характер с преобладанием русского языка и понижением роли киргизского языка; в постсоветское время баланс языков кардинально изменился в пользу киргизского языка, что привело к формированию у киргизов контактного билингвизма. Изучение нового типа билингвизма подтверждает многие закономерности кодовых переключений, выявленные учеными на материале других языков. Вместе с тем следует отметить и специфические особенности, характерные для переключения кодов при киргизско-русском двуязычии, одной из которых является факт разной степени адаптации русских включений в зависимости от типов киргизско-русского билингвизма.

Библиографический список

1. Балакина Ю.В., Соснин А.В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестник Воронежского гос. университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 5—12.
2. Ferguson C.A. Diglossia // Word: journal of the International linguistic association. 1959. № 10 (2). P. 325—340.

3. Зурабова Л.Р. Переключение кодов в условиях двуязычия: становление области лингвистических исследований // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (1). С. 48—61. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_48_61
4. Fishman J.A. English in the context of international societal bilingualism // *The Spread of English*, Fishman, J.A., Cooper, R. & Conrad, A. (eds.). Rowley, 1997. pp. 329—336.
5. Appel R., Muysken P. *Language Contact and Bilingualism*. Amsterdam: University Press, 2005. P. 117.
6. Poplack S. Code-Switching (linguistic) / N. Smelser, P. Baltes (eds.) // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Amsterdam, 2001. P. 2062—2065.
7. Поплак Ш. «Иногда я начинаю предложение in Spanish, а заканчиваю его en español»: к типологии переключения кодов // *Социолингвистика и социология языка*. Хрестоматия. Том 2 / отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб: Издательство Европейского университета, 2015. С. 11—57.
8. Vogt H. Language contacts // *Word: journal of the International linguistic association*. 1954. № 10. P. 365—374.
9. Шамне Н.Л. Межкультурная коммуникация и сопоставительное изучение языков: теоретические основы изучения языковых контактов // *Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия: Языкознание*. 2008. № 1. С. 72—77.
10. Акынова Д.Б. Казахско-английские языковые контакты: кодовое переключение в речи казахов-билингвов: дисс. ... д-ра философии (PhD). Астана, 2014.
11. Weinreich U. *Languages in contact, findings and problems*. New York: Linguistic Circle of New York, 1953.
12. Гамперц Д. Переключение кодов в разговоре // *Социолингвистика и социология языка*. Хрестоматия. Том 2 / отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб: Издательство Европейского университета, 2015. С. 57—103.
13. Ханазаров К.Х. Критерии двуязычия и его причины // *Проблемы двуязычия и многоязычия*. М.: Наука, 1972. С. 119—124.
14. Heredia R.R. *Foundations of Bilingual Memory*. New York: Springer, 2013.

References

1. Balakina, Yu.V. & Sosnin, A.V. (2015). Conceptual framework for code-switching and lexical borrowings from the perspective of contact linguistics. *Proceedings of Voronezh State University Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 5—12. (In Russ.).
2. Ferguson, Ch. (1959). Diglossia. *Word: journal of the International linguistic association*, 10(2), 325—340.
3. Zurabova, L.R. (2020). Code switching and bilingualism: origin of the field of linguistic research. *Teoreticheskaia i prikladnaia lingvistika*, 6(1), 48—61. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_48_61
4. Fishman, J.A. (1997). English in the context of international societal bilingualism. In: *The Spread of English*, Fishman, J.A., Cooper, R. & Conrad, A. (Eds.) Rowley. pp. 329—336.
5. Appel, R. (2005). *Language Contact and Bilingualism*. Amsterdam: University Press. p. 117.
6. Poplack, S. (2001). Code-Switching (linguistic), N. Smelser, P. Baltes (eds.). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. In: Amsterdam. pp. 2062—2065.
7. Poplak, Sh. (2015). “Sometimes I start a sentence in Spanish and end it en español”: towards a typology of code switching. In: *Sociolinguistics and Sociology of Language*. Vol. 2, N.B. Vakhtin (ed.). Saint Petersburg: European University Press. pp. 11—57. (In Russ.).
8. Vogt, H. (1954). Language contacts. *Word: journal of the International linguistic association*, 10, 365—374.
9. Shamne, N.L. (2008). Intercultural communication and comparative study of languages: theoretical foundations of the study of language contacts. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 1, 72—77. (In Russ.).

10. Akynova, D.B. (2014). *Kazakh-English language contacts: code switching in the speech of Kazakh bilinguals* [dissertation]. Astana. (In Russ.).
11. Weinreich, U. (1953). *Languages in contact, findings and problems*. New York: Linguistic Circle of New York.
12. Gamperts, D. (2015). Code switching in conversation. *Sociolinguistics and sociology of language*. Vol. 2, N.B. Vakhtin (ed.). Saint Petersburg: European University Press. p. 726. (In Russ.).
13. Khanazarov, K.Kh. (1972). Criteria for bilingualism and its causes. *Problems of bilingualism and multilingualism*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Heredia, R.R. (2013). *Foundations of Bilingual Memory*. New York: Springer.

Сведения об авторе:

Дербишева Замира Касымбековна, доктор филологических наук, профессор Отделения русского языка и литературы Гуманитарного факультета Кыргызско-Турецкого университета Манас; *e-mail*: zamira.derbisheva@manas.edu.kg eLIBRARY ID: 45568029

Information about the author:

Zamira K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language and literature, Faculty of Humanities, Kyrgyz-Turkish Manas University; *e-mail*: zamira.derbisheva@manas.edu.kg eLIBRARY ID: 45568029

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-156-173

УДК 811.133.1'373:398.91:172.4

Научная статья / Research article

Роль ценностной диады МИР—ВОЙНА в языковой картине мира представителей французского общества: традиции и современность

Г.М. Гасымова , Н.Ю. Нелюбова , Т.Е. Финская Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 taya_finskaya5554@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда ценностей носителей французского языка, проживающих на территории Франции. Актуальность данной работы объясняется тем, что на современном этапе состав населения Франции изменяется в результате процесса миграции, что влечет трансформацию системы ценностей и их иерархию в обществе по сравнению с традиционным восприятием. Репрезентацию данного факта интересно проследить на пословичном материале и на языковом материале, полученном в результате анкетирования. Целью данной статьи является анализ репрезентации и роли ценностной диады *мир — война* в языковой картине мира представителей современного французского общества с точки зрения традиций и современности. В качестве материала исследования традиционных ценностей в рамках анализа изучаемой аксиологической диады была использована картотека из 49 франкоязычных пословиц об оружии, полученная путем сплошной выборки из рубрики «La guerre et les armes» словаря французских пословиц и поговорок. Изучение образцов, связанных с оружием, позволило охарактеризовать метафорическую базу для описания различных жизненных ценностнопорождающих ситуаций, а семантический анализ пословиц дал возможность выявить сопредельные ценности: *жизнь, здоровье, храбрость* и тем самым проследить особенности репрезентации диады МИР—ВОЙНА в системе ценностей французов с точки зрения накопленного опыта. С целью верификации результатов, полученных в результате анализа паремнографического материала, и извлечения представления о функционировании данной ценностной диады в языковой картине мира представителей современного французского общества, было проведено анкетирование с участием 97 информантов — коренных французов и турецких мигрантов. Анализ всего массива материала позволил выявить общую сопредельную ценность *жизнь*. Данный факт, как и второе место понятия *мир*, по оценкам информантов, на ценностно-понятийной шкале располагается после *семьи*, позволяет рассматривать *мир* как одну из основных витальных ценностей представителей современного французского общества.

Ключевые слова: языковая картина мира, аксиологическая диада, ценности, пословицы, ценности французов, ценности турецких мигрантов

© Гасымова Г.М., Нелюбова Н.Ю., Финская Т.Е., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Финансирование. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН. Вклад авторов в работу равнозначен на всех этапах.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

Для цитирования:

Гасымова Г.М., Нелюбова Н.Ю., Финская Т.Е. Роль ценностной диады МИР—ВОЙНА в языковой картине мира представителей французского общества: традиции и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 156—173. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-156-173>

UDC 811.133.1'373:398.91:172.4

The Role of the Diad PEACE—WAR Value in the Linguistic Worldview of the French Society Representatives

Gulnara M. Gasymova , Natalia Yu. Nelyubova , Taisiya E. Finskaya

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, st. Mikluho-Maklaya, Moscow, Russian Federation, 117198

 taya_finskaya5554@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of a number of values of native French speakers living in France. The relevance of this work is explained by the fact that at the present stage the composition of the population of France is changing as a result of the migration process, which entails the transformation of the value system and their hierarchy in society compared to traditional perception. It is interesting to trace the representation of this fact on the proverbial material and on the material obtained as a result of the questionnaire. The purpose of this article is to analyze the representation and role of the peace — war value dyad in the linguistic picture of the world of representatives of modern French society from the point of view of traditions and modernity. As a material for the study of traditional values in the framework of the axiological dyad's analysis under study, 49 French-language proverbs about weapons were used, taught by a continuous sample from the heading “La guerre et les armes” of the dictionary of French proverbs and sayings. The study of images associated with weapons allowed us to characterize the metaphorical basis for describing various life value-generating situations, and the semantic analysis of proverbs made it possible to identify adjacent values: life, health, courage and thereby trace the features of the representation of the peace — war dyad in the French value system from the point of view of accumulated experience. In order to verify the results obtained from the analysis of paremiographic material and extract an idea of the functioning of this value dyad in the language picture of the world of representatives of modern French society, a questionnaire was conducted with the participation of 97 informants — native French and Turkish migrants. The analysis of the entire array of material allowed us to identify the common contiguous value of life. This fact, as well as the second place of the concept of peace, according to the informants, is located after the family on the value-conceptual scale, allows us to consider peace as one of the main vital values of representatives of modern French society.

Keywords: linguistic worldview, axiological diad, values, proverbs, French values, Turkish migrants values

Financing. Acknowledgement

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program. All authors have contributed equally.

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.11.2021

For citation:

Gasyimova, G.M., Nelyubova, N.Yu. & Finskaya, T.E. (2022). The Role of the Diad PEACE—WAR Value in the Linguistic Worldview of the French Society Representatives. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 156—173. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-156-173>

Введение

Современная антропоцентрическая парадигма предполагает изучение связи между мышлением и сознанием человека, действительностью и языком. С одной стороны, язык отражает окружающую реальность. В то же время результаты познания мира человеком отражаются в слове. Язык является способом формирования знаний человека об окружающем мире, промежуточным звеном между действительностью и сознанием. Представители различных этносов видят мир по-разному в зависимости от своего родного языка, что позволяет говорить о лингво- или этноспецифичности языковой картины мира, которая «отражает особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков. Фактически особый способ мировидения проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей — своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается различными языковыми средствами: морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими» [1. С. 35]. В связи с изучением языковой картины мира исследование человеческого фактора в языке приобретает новый ракурс. «Понятие картины мира относится к числу фундаментальных, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [2. С. 11].

Как отмечает О.В. Ломакина, языковая картина мира является инструментом современной лингвистики, требующим систематического описания [3. С. 127]. В лингвистических исследованиях отмечаются различные аспекты описания языковой картины мира: когнитивный, лингвистический, культурологический и семиотический, среди которых важная роль принадлежит культурному компоненту [4. С. 50]. Культура же неразрывно связана с ценностными ориентациями представителей того или иного этноса, она «прививает человеку определенный набор ценностей, в оригинальности которого и заключается оригинальность культуры» [5. С. 25]. Поскольку в аксиологии не существует единого определения понятия «ценность», отметим, что в рамках данной статьи вслед за В.И. Карасиком мы понимаем ценность как «наиболее

фундаментальную характеристику культуры, высший ориентир поведения» [6. С. 1]. Исследователи предлагают различные классификации ценностей. В частности, Б.С. Ерасов выделяет следующие группы: витальные (жизнь, здоровье, благополучие); социальные (семья, дисциплина, богатство, патриотизм); политические (законность, конституция, мир); моральные (добро, любовь, честь, уважение); религиозные (бог, вера); эстетические (красота, стиль, гармония) ценности [7. С. 202].

Цель данной статьи — провести анализ функционирования и определить роль ценностной диады МИР—ВОЙНА в языковой картине мира представителей современного французского общества с точки зрения традиций и современности.

Комплексная методология, примененная в ходе исследования, включала сравнительно-сопоставительный метод, метод лексикографического описания и семного анализа, прием сплошной выборки, количественный подсчет, метод анкетирования. Использованный материал включал 47 французских пословиц о войне, а также результаты проведенного нами анкетирования 97 информантов — французов, из которых 42 — из семей турецких мигрантов, проживающих во Франции.

Комплексная методология выявления аксиологических доминант в массовом сознании современного французского социума

В то время как мнения имеют свойство меняться, ценность отличает постоянство [8. С. 34]. Ценностные понятия являются базовыми для конкретного народа и даже конкретного человека. Каждый индивид упорядочивает ценностные представления по-своему. Однако «социологические исследования показывают, что у людей, живущих в аналогичных условиях, образуется типичная для данной группы система ценностных ориентаций» [7. С. 203], соответственно, деятельность представителей определенного этноса регулируется и «осуществляется с помощью системы ценностных доминант, которая выполняет консолидирующую функцию и определяет пути развития этнического сообщества. Ценностная система этноса складывается в течение больших исторических периодов, на протяжении которых отбираются те ценности, которые способствовали выживанию этноса как единого целого» [9. С. 146].

Отмечая, что системам ценностей свойственна градуированность, подчеркнем, что «каждая культура может быть представлена как набор конкретных разделяемых большинством ее представителей ценностей, находившихся в определенной иерархии» [10. С. 137]. Для каждого народа характерна своя иерархически обусловленная система ценностей, некоторые из которых могут иметь место и в других культурах, но при этом по-другому интерпретироваться или занимать другое место в иерархии. Кроме того, «стереотипы, эталоны, установки со временем в культуре могут меняться, а ценности передвигаться и менять свое положение на шкале приоритетов» [11. С. 96].

Кроме того, ценностям, как и человеческому сознанию, присуща амбивалентность, в результате чего в аксиологических исследованиях речь идет о ценностных диадах, среди которых выделяют, в частности, следующие: *жизнь — смерть, здоровье — болезнь, счастье — несчастье, родина — чужбина, труд — отдых, безделье; богатство — бедность; ум — глупость; правда — ложь, смех — плач; рай — ад* [12. С. 10], где ценности противопоставлены антиценностям. По такому же принципу можно выделить диаду *мир — война*. Поскольку ценности «как ориентиры поведения могут быть охарактеризованы с различных позиций» [6. С. 3], интерес представляет изучение поведения указанных диад в системе ценностей, которое позволяет проследить их диалектическое взаимодействие, сопровождающееся порой переходом ценности в антиценность и наоборот.

Учитывая все вышесказанное, добавим, что ценность представляет собой один из «системообразующих факторов культуры, выражением ее основной (оценочной) функции» [13. С. 126]. Таким образом оценочность и ценностные характеристики осознаются как «фундаментальные характеристики универсума бытия человека и общества, но в то же время остаются среди еще непознанных в своем единстве и одновременно в их вариативной представленности в языке человека» [14. С. 3—4], вследствие чего актуальным представляется изучение ценностей и их отражения в полинациональных языках, претерпевающих изменения в том числе в результате влияния миграционных процессов. В данном случае речь пойдет о современном французском обществе.

Важно подчеркнуть, что французская культура базируется не только на аутентичных ценностях: на нее повлияли традиции народов Северной Африки и практически всего европейского континента. Это смешение и интеграция традиций нашли отражение в системе ценностей современных французов. Характеристика последних подробно представлена в социологических исследованиях [15. С. 31]. В первую очередь отмечается индивидуалистская направленность французской культуры, с которой связана высокая степень стремления человека к свободе, автономности, являющейся приоритетным элементом. Подчеркивается важность самостоятельности в личном выборе, несмотря на моральные устои, религиозные, государственные или даже семейные нормы. Речь идет об индивидуализации ценностей в целом, которая, тем не менее, не подразумевает замкнутости в себе, эгоизма и аномии [15. С. 370].

Результаты социологического опроса французов показали, что наибольшую ценность для них представляют семья и работа, далее они перечисляют такие ценности, как друзья и досуг, религия и политика называются наименее важными ценностями. Хотя в последние сорок лет в Европе произошли серьезные общественные преобразования, отмечается стабильность основных ценностей. Небольшие изменения касаются лишь незначительного снижения важности работы по сравнению с друзьями, знакомыми и досугом [Там же: 15].

Несмотря на первостепенную важность семьи, и в ней наблюдается тенденция к индивидуализации [см. подробнее: 8].

В других исследованиях упоминается 29 ценностей и 8 антиценностей французов [13. С. 129]. Среди ценностей были выявлены: *bonsens* (здравомыслие), *connaissance* (познание), *instruction* (образование, просвещение), *esprit* (рассудок, сознание), *mémoire* (память), *clarté* (ясность ума); *avenir* (будущее), *enfance* (детство); *changement* (перемены), *progrès* (движение вперед), *activité* (деятельность, активные действия); *don* (дар), *genie* (гений), *caractère* (характер), *vertu* (добродетель), *goût* (хороший вкус, чувство стиля); *art* (искусство), *travail* (работа), *charité* (благотворительность); *femme* (женщина), *homme* (мужчина), *mariage* (свадьба), *civilisation* (цивилизация, культура), *vie* (жизнь), *Dieu* (Бог), *miracle* (чудо), *paradis* (рай), *richesse* (богатство), *rêve* (мечта).

Упоминание многих из вышеуказанных позиций подразумевает важность роли такой универсальной сопредельной ценности, как *мир*, которая упоминалась нами выше в контексте классификации ценностей. В данном исследовании считаем целесообразным рассматривать аксиологическую диаду МИР—ВОЙНА, что объясняется спецификой современной политической и социальной ситуации, а также тем фактом, что война изменила и продолжает менять свои формы: современное значение данного понятия вышло далеко за рамки традиционного осмысления, выступая как антиценность современного общества [16. С. 275]. Кроме того, подобный ракурс позволяет расширить проблематику и получить более репрезентативные результаты о месте *мира* в системе ценностей.

Исследование традиционного восприятия мира и войны было проведено на базе французского паремиологического материала, поскольку «языковыми единицами, в которых ценности любого народа находят наиболее яркое отражение, являются паремии в целом и пословицы как вид паремии в частности» [17. С. 67]. Пословицы представляют собой «застывшее осмысление того или иного концепта, сложившееся на протяжении длительного времени и менявшееся в зависимости от места, времени и условий проявлений концептуальных сущностей в жизни народа, отдельной группы людей, отдельного человека» [18. С. 41] и «являются непосредственным отражением ценности» [17. С. 76], следовательно, «тематика пословиц довольна разнообразна, однако репертуар ориентирован на человека как центр мироздания, связанные с миром человека ценности» [19. С. 268]. Наиболее существенными признаками пословиц как народно-поэтических афоризмов являются «обобщенное выражение действительности (сведение множества конкретных ситуаций к одной типичной, или типовой, ситуации), краткость и выразительность языковой формы (позволяющей быстро запоминать и легко воспроизводить его в речи), законченность содержания (обеспечивающая его полисемантичность и полифункциональность в речи), эпистемологическая актуальность (обуславливающая их непреходящий авторитет как отражение коллективного опыта)» [20. С. 391].

Кроме того, для нашего исследования, важно отметить и другой аспект: «исходным моментом для построения модели того или иного фрагмента языковой картины мира является специфический референт, допускающий ценностно маркированное осмысление. Примеры различны: человек, совершающий выдающийся поступок, либо стихийное бедствие, несущее гибель многим, либо нелепое событие, о котором все вспоминают с улыбкой, и т. д. Такие референтные ситуации предлагается обозначить как аксиогенные (ценностнопорождающие) <...> Эти ситуации могут быть представлены динамически, в виде событий, и статически, как стабильные ценностно маркированные положения дел <...> Аксиогенные события вербализуются в специально созданных для этого жанрах речи легендах, притчах, пословицах, анекдотах и описаниях случаев из жизни (фактических и фикциональных) [6. С. 65], а также на уровне речевых высказываний — в рекуррентных фразах, «которые выражают, как правило, те или иные стереотипы поведения, мышления, оценки и т.д. (иногда весьма древнего происхождения)» [21. С. 162], и в афоризмах, план содержания которых (как и пословиц) предназначен для хранения и передачи ценностных мировоззренческих установок, поскольку «имеет не функциональный, а субстанциональный характер (не проявляется в контексте его употребления, а существует независимо от него» [22. С. 673].

С целью верификации результатов, полученных на материале пословиц, представляющих традиционное понимание изучаемой аксиологической диады, и для определения особенностей ее видения представителями современного французского общества было проведено анкетирование среди французов, а также представителей турецких мигрантов как части современного французского общества.

Анализ материала французских пословиц о мире и войне

Методика исследования пословичного материала о мире и войне включала следующие этапы:

- путем сплошной выборки была составлена картотека пословиц исследуемой тематики из аутентичного паремнографического источника [23];
- на основе полученной картотеки были выявлены и проанализированы основные образы, связанные с изучаемой диадой;
- осуществлен семантический анализ пословиц с точки зрения репрезентации аксиологической диады МИР—ВОЙНА, позволяющий выявить в том числе сопредельные ценности и тем самым охарактеризовать место данной диады в системе ценностей.

Проведенный нами ранее анализ тематических рубрик словаря французских пословиц и поговорок [23], предусматривавший количественный подсчет состава каждой тематической группы, позволил определить место данной тематики в ценностной иерархии. Релевантность использования предметно-тематической рубрикации пословиц для анализа их аксиологического потенциала объясняется наличием в сознании носителей языка способности

и потребности дифференцировать содержание афористических единиц (к которым в устной живой речи относятся пословицы) «по их отношению к действительности», что лежит в основе традиционной лексикографической систематизации фразовых текстов [24. С. 89]. Не обладая серьезным количественным перевесом единиц [о подробной иерархии см. 25. С. 7—238], рубрика «La guerre et les armes» / война и оружие, включающая 49 пословиц, является, однако, важным фактором репрезентации исследуемой аксиологической диады во французском провербиальном пространстве.

Рассматриваемая рубрика состоит из двух разделов: «La guerre» / война (29 единиц) (анализ данной подрубрики был представлен нами ранее [26]) и «Les armes» / оружие (20 единиц). В данном исследовании мы подробно остановимся на втором разделе, так как названия различного видов оружия представляют собой образы, неразрывно связанные с войной. Важность рассмотрения пословичных образов обусловлена тем, что «в разных языках мира одно и то же аксиогенное событие обозначается с помощью разных образов» [27. С. 68]. В целом, «образные представления <...>, выраженные в лексических компонентах пословиц, можно дифференцировать <...> по их специфичности в языковой картине мира на этно-национально-культурно маркированные и общие для разных лингвокультур (интернациональные или универсальные) [28. С. 241]. И те, и другие представляют определенный интерес для аксиологического анализа пословиц.

Названия подрубрик данного раздела, их количественный состав, примеры и перевод пословиц представлены в Таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

**Анализ подрубрики «Les armes» /
Analysis of the subheading «Les armes»**

Название подрубрики / Subheading name	Количество единиц / Number of units	Примеры / Examples	Перевод / Translation
Arc (лук)	4	1) <i>Débander l'arc ne guérit pas la plaie</i>	1) Снять лук — не значит залечить рану
Couteau (нож)	4	2) <i>Le couteau n'apaise pas l'hérésie</i>	2) Нож не остановит ересь
Armure (доспехи)	3	3) <i>Maille à maille se fait le haubergeon</i>	3) Петля за петлей — так создается кольчуга
Étendard (знамя)	3	4) <i>A l'étendard tard va le couard</i>	4) Трус поздно идет к знамени
Lance (копье)	2	5) <i>Qui a la lance au poing tout lui vient à point</i>	5) У кого копье в руке — к тому все приходит вовремя
Épée (шпага)	2	6) <i>A vaillant homme courte épée</i> 7) <i>L'épée use le fourreau</i>	6) Доблестному человеку — короткая шпага рус. Храброму длинная шпага не нужна 7) Шпага изнашивает ножны

Проведенный анализ показал, что в названиях подрубрик и в самих пословицах присутствуют наименования различных орудий (*лук, нож, копье, шпага*) и прочие образы (*доспехи, знамя*), связанные или ассоциирующиеся с войной в ее традиционном понимании при возникновении данных единиц. Они служат метафорической базой для описания в период различных жизненных аксиогенных ситуаций, остановимся на анализе некоторых из них. Смысл примера 1 состоит в том, что отказ от оружия или даже сожаление о содеянном не могут исправить причиненное зло и боль. В указанной единице комментария требует глагол *débander*, который означает не только *снять лук, ослабить тетиву*, но и *enlever une bande ou un bandage d'une partie du corps, d'une plaie* / снять повязку или бинт с какой-либо части тела, раны [29]. Таким образом, он семантически соотносится и со второй частью пословицы, подразумевая, что с незалеченной раны нельзя снимать повязку. Данная пословица посредством военных образов подчеркивает ценность и важность *мира* и позволяет выделить в качестве сопредельных ценностей *жизнь* и *здоровье*.

Призыв к миру содержится и в примере 2, в пословице *Le couteau n'apaise pas l'hérésie* / **Нож** не остановит ересь. Нож в данном случае выступает символом войны и агрессии, которая не искоренит ереси, в том числе как противоположных воззрений.

Многочисленные примеры репрезентации ценности в пословицах сопровождаются наличием сопредельных ценностей. В примере 7 в пословице *L'épée use le fourreau* / **Шпага** изнашивает ножны также присутствует сопредельная ценность — *здоровье*: излишняя активность его изнашивает.

Некоторые пословицы порицают трусость (примеры 4, 6): *à vaillant homme courte épée* / доблестному человеку — короткая шпага. Долгие годы люди воевали друг с другом, для защиты нужны были отважные бойцы, готовые на отчаянные поступки, желая почтить память о таких храбрецах запечатлена в подобных пословицах. Таким образом, данные единицы выявляют сопредельную аксиологическую диаду *храбрость* — *трусость*.

В то же самое время в других пословицах репрезентируется важность наличия оружия (образ *копья* в примере 5) или других атрибутов (*кольчуги* — в примере 3) для защиты от опасности. Таким образом, в пословицах данной тематической группы, как и многих других, присутствует указанная нами выше амбивалентность, причиной чего является следующий факт: «паремии в силу своей нравоучительной функции усиливают выражение ценностно значимых смыслов, заостряют их в форме прескрипций, при этом в противоречивости этих прескрипций явлен весь сложившийся спектр точек зрения на то или иное явление, показана вся сложность жизненных ситуаций и их многомерность» [11].

Анализ материала опроса информантов

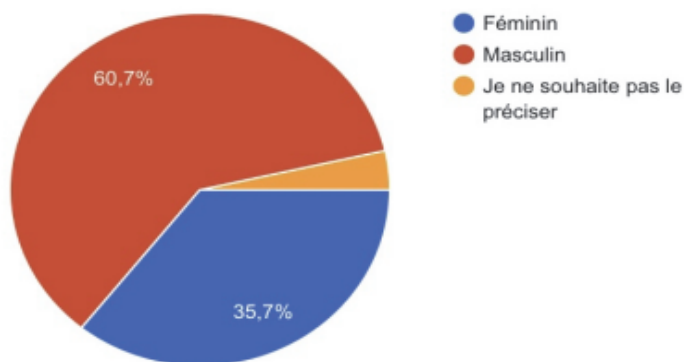
В опросе приняли участие 97 респондентов мужского и женского пола в возрасте от 20 до 59 лет, среди которых были французы и турки, проживающие на территории Франции и являющиеся французскими гражданами.

Анкетирование проводилось методом не включенного опроса (с помощью интернет-технологии Google Forms). Каждому из респондентов обеспечивалась анонимность ответов. В анкете было предложено 20 вопросов, среди которых: вопросы с выбором ответа из приведенного списка и вопросы на самостоятельное заполнение графы ответа, с помощью которых определялся возраст, пол и род деятельности; оценочные вопросы, где необходимо было оценить ряд понятий (*работа, семья, религия, мир, любовь, дружба, деньги, родина*), по пятибалльной шкале. Цель данных вопросов — определить место понятия *мир* в понятийно-ценностной иерархии. Далее респондентам было предложено дать определение вышеуказанным понятиям.

Опрос осуществлялся на французском языке, территориально исследовательские мероприятия проводились в дистанционном формате в анонимном порядке: респонденты не указывали своих имен или контактных данных. Оригинал анкеты находится в открытом доступе [<https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSfoFqbYAn7H8meSqJG0z1j7X6ek-V9gMBnNESSYYTVGbYTLZQ/viewform>]. Формат опросника, организованного в виде отдельных вопросов по каждому направлению, был выбран в связи с дистанционной формой анкетирования респондентов: каждый вопрос давался отдельно во избежание ситуаций неверного или частичного толкования вопросов и получения максимально статистически верной и однородной информации.

Среди **французских респондентов** было 55 человек: 33 мужчины, 20 женщин, двое не захотели указывать свой пол (рис. 1). Возраст респондентов составил от 20 до 39 лет. Род деятельности информантов был различным, но, в основном, это были служащие и студенты из следующих городов: Париж, Страсбург, Авиньон, Гренобль, Лион.

Votre sexe:

Рис. 1. Распределение французских респондентов по половому признаку
Fig. 1. Distribution of French respondents by gender

Результаты обработки ответов на оценочные вопросы представлены на графике (рис. 2) в процентном соотношении.

Понятие/оценка	1	2	3	4	5
la famille (семья)	0,0%	0,0%	3,6%	21,4%	75%
la paix (мир)	3,6%	0,0%	10,7%	17,9%	67,9%
l'amour (любовь)	0,0%	9,1 %	10,7%	21,4%	67,9%
l'amitié (дружба)	0,0%	3,6%	17,9%	21,4%	57,1%
le travail (работа)	0,0%	0,0%	17,9%	60,7%	21,4%
la patrie (родина)	0,0%	25%	32,1%	25%	17,9%
l'argent (деньги)	0,0%	3,6%	42,9%	39,3%	14,3%
La religion (религия)	53,6%	17,9%	17,9%	3,6%	7,1%

Рис. 2. Оценка важности основных понятий у французов
Fig. 2. Assessing the importance of basic concepts among the French

Результаты опроса позволили сделать вывод о том, что для французов приоритетными понятиями (ценностями) являются *famille* / семья и *paix* / мир. Важные позиции имеют человеческие отношения (любовь и дружба). Последнюю позицию на шкале занимает религия.

Обращаясь далее к формулировкам, характеризующим указанные понятия, остановимся подробнее на ответах, касающихся понятия *мир* (*la paix pour vous c'est.../мир для вас — это...*). Практически во всех ответах он оценивается как *important* / важный (19 раз), *fondamental* / основной: *fondamental pour vivre en harmonie* / основной фактор для того, чтобы жить в гармонии, *primordial* / первостепенный (3 раза), *nécessité* / необходимость, что демонстрирует безусловную важность и ценность понятия «мир» для французов.

В ряде ответов прослеживается страх упустить, потерять или не достигнуть состояния мира. Приведем несколько примеров подобных комментариев: *une chance de vivre dans des conditions plus correctes qu'il faut conserver* / возможность жить в наиболее правильных условиях, которые нужно сохранять, *nécessaire mais difficile à atteindre. Il ne faut pas une simple paix, mais une paix durable et bien construite* / необходимо, но трудно достижимо. Нужен не просто мир, а лишь мир длительный и правильно выстроенный; *compliqué à définir. Un but à atteindre, pour soi pour les autres* / сложно объяснить, *inatteignable mais nécessaire* / недостижимо, но необходимо. Цель, которую надо достичь для себя и других, *éphémère* / эфемерно. Они воспринимают мир как явление недолговечное, временное.

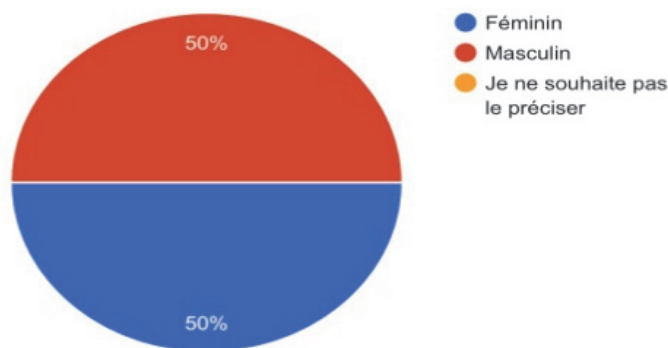
В ряде ответов упоминается лексема *guerre* / война, которая характеризуется как явная антиценность, противопоставляемая миру. Респонденты противопоставляют состояние мира и войны: *Le résultat de la guerre* / результат

войны; *commençons par la guerre, c'est très très moche, tu peux mourir à chaque moment, ne pas revoir les gens que tu aimes et qui t'aiment* / начнем с войны, это очень, очень ужасно, ты можешь умереть в любой момент, не увидев людей, которых ты любишь и которые любят тебя; *tuer des inconnus qui sont comme c'est dégueulasse et dur mentalement* / убивать незнакомых людей, которые такие же, как и мы, это отвратительно и тяжело морально; *la paix permet une grande sérénité d'esprit* / мир предоставляет нам спокойствие духа; *la paix permet aux sociétés d'évoluer et de progresser, la guerre de régresser* / мир позволяет обществам развиваться и достигать прогресса, тогда как война — регрессировать. Данные ответы позволяют также выделить сопредельные ценности *жизнь, любовь, развитие*, и, через антонимические отношения — соответствующие им антиценности, либо подразумевающиеся, либо упоминаемые респондентами, и представленные соответствующими лексемами (*tuer* / убивать, *aimer* / любить, *évoluer* / эволюционировать, *progresser* / развиваться (достигать прогресса), *régresser* / регрессировать. Отрицательная оценка войны выражена с помощью оценочных лексем (*moche* / плохой, ужасный, *dégueulasse* / отвратительный, *dur* / тяжелый), как и положительная оценка мира (*sérénité d'esprit* спокойствие духа, значение в данном случае усиливается прилагательным *grand* / большой), которая прослеживается и в других синонимичных ответах: *tranquillité d'esprit* / спокойствие духа.

Для некоторых французов мир рассматривается сквозь призму индивидуальности — как гармония с самим собой: *être en paix avec soi-même* / быть в мире с самим собой, *la paix avec soi-même et envers les autres c'est essentiel* / мир с самим собой и по отношению к другим — это главное.

Среди **турецких респондентов** было 42 человека: 21 мужчина и 21 женщина (рис. 3).

Votre sexe:

Рис. 3. Распределение турецких респондентов по половому признаку
Fig. 3. Distribution of Turkish respondents by gender

Основные возрастные категории: 20—39 лет (83,3%) и 40—59 лет (16,7%).

Данные, полученные в результате опроса, показали, что 66,7% турок родились на территории Французской Республики, а 33,3% родились в Турции (турки в возрасте от 40 до 59 лет), так как старшее поколение турок является в своем большинстве первым поколением, переселившимся в период рабочей миграции.

Основными областями профессиональной деятельности турок являются медицина, экономика, финансы, домашнее хозяйство, менеджмент. Кроме того, в опросе участвовали студенты (большинство участников) и вспомогательный персонал.

Результаты, представленные на графике (рис. 4), показывают, что практически все респонденты в своих ответах использовали оценку от 3 до 5. Самыми важными ценностями являются семья (90,9%) и мир (83,3%), что совпадает с результатами, полученными после анкетирования французов. Также достаточно большой процент турок отмечает важность религии и работы. Деньги занимают последнюю позицию на шкале.

Понятие/шкала	1	2	3	4	5
la famille (семья)	0,0%	0,0%	0,0%	9,1%	90,9%
la paix (мир)	0,0%	0,0%	5,3%	11,3%	83,3%
La religion (религия)	0,0%	9,1%	27,3%	0%	63,6%
Le travail (работа)	0,0%	0,0%	0,0%	36,4%	63,3%
l'amour (любовь)	0,0%	0,0%	25%	16,3%	58,7%
l'amitié (дружба)	0,0%	0,0%	33,4%	16,6%	50%
la patrie (родина)	0,0%	0,0%	16,6%	33,4%	50%
l'argent (деньги)	0,0%	0,0%	25%	33,3%	41,7%

Рис. 4. Оценка важности основных понятий у турецких мигрантов
Fig. 4. Assessing the importance of basic concepts among Turkish migrants

В результате анализа вопросов, где респонденты давали краткие определения вышеуказанным жизненным ценностям, было получено всего несколько комментариев, касающихся понятия *paix* / мир. Несколько респондентов ответили, что мир для них — это *tranquillité* / спокойствие, *primordial* / первостепенный (3 раза).

Анализ показал, что все жизненные ценности играют важную роль в жизни турецких респондентов. Однако стоит отметить, что семья и работа являются наиболее значимыми для турецких информантов ввиду особенностей коренной культуры, экономических, политических и исторических особенностей.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить важную роль аксиологической диады МИР—ВОЙНА в языковой картине мира и в системе ценностных ориентаций представителей современного французского общества, включая турецких мигрантов. Пословичный материал содержит значительное количество образов, связанных с войной, используемых для представления различных ценностнопорождающих ситуаций. Среди сопредельных ценностей были выделены *жизнь, здоровье, храбрость*.

Результаты опроса информантов — представителей обоих полов, занимающихся различными видами деятельности, возрастной категории от 29 до 59 лет, показали, что *мир* занимает важный, приоритетный фактор, он располагается на втором месте в системе ценностей после *семьи*, и связан у всех представителей французского общества с понятиями спокойствия, прогресса, развития. Комментарии респондентов позволили выявить четкое противопоставление *мира*, получившего однозначно положительную оценку, *войне* как столь же бесспорной антиценности. Данная оппозиция присутствует у некоторых информантов в пределах одного ответа. Оценка выражена ярко и эмоционально с помощью ряда лингвистических средств (глаголов, существительных и прилагательных оценочной семантики, в том числе относящихся к разговорной речи. Среди сопредельных ценностей (*жизнь, любовь, прогресс*) общей с традиционным пословичным материалом является *жизнь*, что позволяет относить *мир* к одной из основных витальных ценностей представителей французского общества.

Библиографический список

1. Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Саников, Е.В. Урысон; Отв. ред Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006.
2. *Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И.* и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.
3. *Lomakina O.V.* Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // *European Journal of Science and Theology*. 2021. Vol. 17. № 2. P. 125—135.
4. *Чеснокова О.С., Фернандес Санчес Ю.В.* Гастрономический тезаурус испанцев и басков через призму юмористического дискурса // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 425. С. 50—58.
5. *Маслова В.А.* СТРАННИК в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика*. 2015. № 3. С. 23—31.
6. *Карасик В.И.* Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции: гуманитарные технологии в современном мире. Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2019. С. 22—25.
7. *Мамонтов А.С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская В.В.* Система ценностей в аспекте национально ориентированной лексикографии (на примере русско-монгольских

- сопоставлений) // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 1. С. 200—222. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-200-222>
8. *Bréchon P.* Quelles sont les valeurs des Français? // *Les Grands Dossiers des Sciences Humaines*. 2016. № 44 (9). P. 34—34.
  9. *Джимбеева Л.В.* Аксиологическая составляющая языковой картины мира // *International Journal of Professional Science*. 2016. № 1. С. 141—147.
  10. *Гуревич П.С.* Культурология. М.: Проект, 2003. С. 331.
  11. *Ковишова М.Л.* Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // *Вопросы психолингвистики*. 2016. № 30. С. 90—102.
  12. *Байрамова Л.К., Иванова М.В.* Русская культура в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка» // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 3. С. 10—12.
  13. *Георгиева О.Н.* Ценности и «антиценности» французской и русской лингвокультур как базовые единицы аксиологической картины мира // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2008. № 2 (8). С. 126—130.
  14. *Серебрянникова Е.Ф.* Аспекты аксиологического лингвистического анализа // *Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография*. М.: Тезаурус, 2011. С. 3—4.
  15. *Bréchon, P., Gonthier F., Astor S.* La France des valeurs. Quarante ans d'évolutions. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2019.
  16. *Финская Т.Е.* Роль событий-аттракторов в создании концептосферы французского медиадискурса // *Когнитивные исследования языка*. 2021. № 3. С. 274—277.
  17. *Паремиология без границ / Е.Н. Антонова, М.А. Бредис, Т.Е. Владимирова, Л.Н. Гишкаева, Е.Е. Иванов, Е.И. Зиновьева, Д.Д. Комова, О.В. Ломакина, А.С. Макарова, В.М. Мокиенко, Н.Ю. Нелюбова, Е.К. Николаева, Е.И. Селиверстова, Н.Н. Семененко, Ф.Г. Фаткуллина, Р.Х. Хайруллина, Ц. Цао; под ред. М.А. Бредиса.* М.: Российский университет дружбы народов, 2020. С. 244.
  18. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Акад. проект, 1997. С. 40—43.
  19. *Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В.* Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. Т. 11. № 2. С. 265—284. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
  20. *Иванов Е.Е.* Аспекты эмпирического понимания афоризма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019. Т. 10. № 2. С. 381—401. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
  21. *Иванов Е.Е.* О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // *Русистика*. 2019. Т. 17. № 2. С. 157—170. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>
  22. *Иванов Е.Е.* Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. Т. 11. № 4. С. 659—706. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
  23. *Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F.* Le Robert Dictionnaire de proverbes et dictons. Paris: Dictionnaires le Robert, 2006.
  24. *Иванов Е.Е.* Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания // *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2009. № 2 (24). С. 88—91.
  25. *Нелюбова Н.Ю., Хильтбруннер В.И., Еришов В.И.* Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 1. С. 223—243. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

26. Нелюбова Н.Ю., Финская Т.Е. Война как часть аксиологической диады мир/война и ее представление во французских пословицах // Сборник материалов международной научно-практической конференции «V Фирсовские чтения: Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации». М.: РУДН, 2021.
27. Карасик В.И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 65—75.
28. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремииологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232—248. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
29. Словарь французского языка Larousse = Dictionnaire de français Larousse. Режим доступа: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/débander/21747> (дата обращения: 04.07.2021).

References

1. Language picture of the world and system lexicography (2006). V.Yu. Apresyan, Yu.D. Apresyan, E.E. Babaeva, O.Yu. Boguslavskaya, B.L. Iomdin, T.V. Krylova, I.B. Levontina, A.V. Sannikov, E.V. Uryson; Yu.D. Apresyan (ed.). Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
2. Serebrennikov, B.A., Kubryakova, E.S. & Postovalova, V.I. et al. (1988). The role of the human factor in language: Language and the picture of the world. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Lomakina, O.V. (2021). Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, 17(2), 125—135.
4. Chesnokova, O.S. & Fernandes Sanches, Ju.V. (2017). Gastronomic Thesaurus of Spanish and Basque in the light of humorous discourse. *Vestnik of Tomsk State University*, 425, 50—58. (In Russ.).
5. Maslova, V.A. (2015). THE WANDERER in Russian linguoculture: value, concept, image? *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics = Russian Journal of Linguistics*, 3, 23—31. (In Russ.).
6. Karasik, V.I. (2019). Values as culturally significant landmarks of behavior. *Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference: humanitarian technologies in the modern world. Western branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation*. pp. 22—25. (In Russ.).
7. Mamontov, A.S., Tsendendorzhiyn, E. & Boguslavskaya, V.V. (2019). The value system in the aspect of nationally oriented lexicography (on the example of Russian-Mongolian comparisons). *Russian Journal of Linguistics*, 23(1), 200—222. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-200-222> (In Russ.).
8. Bréchon, P. (2016) Quelles sont les valeurs des Français? *Sciences Humaines, Grands Dossiers*, 44(9), 34—34.
9. Dzhimbeeva, L.V. (2016). Axiological component of the language picture of the world. *International Journal of Professional Science*, 1, 141—147. (In Russ.).
10. Gurevich, P.S. (2003). Culturology. Textbook for universities. Moscow: Project. p. 331. (In Russ.).
11. Kovshova, M.L. (2016). Cultural and national specificity of phraseological units and questions of explication of their cultural meanings. *Questions of psycholinguistics*, 30, 90—102. (In Russ.).
12. Bajramova, L.K. & Ivanova, M.V. (2014). Russian culture in the “Axiological phraseological dictionary of the Russian language”. *Problems of history, philology, culture*, 3, 10—12. (In Russ.).

13. Georgieva, O.N. (2008). Values and “anti-values” of the French and Russian linguocultures as basic units of the axiological picture of the world. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: linguistics*, 2(8), 126—130. (In Russ.).
14. Serebrennikova, E.F. (2011). Aspects of axiological linguistic analysis. *Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings: a collective monograph*. Moscow: Thesaurus. pp. 3—4. (In Russ.).
15. Bréchon, P., Gonthier, F. & Astor, S. (2019). *La France des valeurs. Quarante ans d'évolutions*. Presses universitaires de Grenoble.
16. Finskaya, T.E. (2021). The role of attractor events in the creation of the conceptual sphere of the French media discourse. *Cognitive studies of language*, 3, 74—277. (In Russ.).
17. Antonova, E.N., Bredis, M.A., Vladimirova, T.E., Gishkaeva, L.N., Ivanov, E.E., Zinovieva, E.I., Komova, D.D., Lomakina, O.V., Makarova, A.S., Mokienco, V.M., Nelyubova, N.Yu., Nikolaeva, E.K., Seliverstova, E.I., Semenenko, N.N., Fatkullina, F.G., Khairullina, R.Kh. & Cao, Ts. (2020). *Paremiology Without Borders*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (In Russ.).
18. Stepanov, Yu.S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience*. Moscow: Academ.pro. pp. 40—43. (In Russ.).
19. Bredis, M., Dimoglo, M. & Lomakina, O. (2020). Paremiology in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguocultural potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 265—284. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
20. Ivanov, E.E. (2019). Aspects of the empirical understanding of the aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 381—401. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401> (In Russ.).
21. Ivanov, E.E. (2020). On the recurrence of aphoristic units in the modern Russian language. *Rusistika*, 17(2), 157—170. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170> (In Russ.).
22. Ivanov, E.E. (2020). Aphorism as an object of linguistics: the main features. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 659—706. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> (In Russ.).
23. Montreynaud, F., Pierron, A. & Suzzoni, F. (2006). *Le Robert Dictionnaire de proverbes et dictons*. Paris, Dictionnaires le Robert.
24. Ivanov, E.E. (2009). Criteria for systematization of aphoristic material as an object of lexicographic description. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2(24), 88—91. (In Russ.).
25. Nelyubova, N.Yu., Hiltbrunner, V.I. & Yershov, V.I. (2019). Reflection of the hierarchy of values in the proverbial fund of Russian and French languages. *Russian Journal of Linguistics*, 23(1), 223—243. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243> (In Russ.).
26. Nelyubova, N.Yu. & Finskaya, T.E. (2021). War as part of the axiological dyad peace/war and its representation in French proverbs. *Collection of materials of the international scientific and practical conference “V Firs readings Modern languages, communication and migration in the context of globalization”*. (In Russ.).
27. Karasik, V.I. (2014). Axiogenic situation as a unit of the value picture of the world. *Political linguistics*, 1, 65—75. (In Russ.).
28. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2021). Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, images, concepts (on a European paremiological background). *New studies of Tuva*, 3, 232—248. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17> (In Russ.).
29. Dictionary of French Larousse. Dictionnaire de français Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/débander/21747> (accessed: 04.07.2021).

Сведения об авторах:

Гасьмова Гульнара Мансуровна, аспирант кафедры иностранных языков по специальности 10.02.05 «Романские языки», Российский университет дружбы народов. *Научные интересы:* билингвизм, мигранты, диглоссия, турецкий и французский языки; e-mail: gulnara.gasymova@yandex.ru

Нелубова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов. *Научные интересы*: паремиология, фразеология, концепты, аксиология; e-mail: nat.nelubova@mail.ru Scopus Author ID: 57208208446; ResearcherId: A-6030-2017

Финская Таусия Евгеньевна, аспирант кафедры иностранных языков по специальности 10.02.05 «Романские языки», Российский университет дружбы народов. *Научные интересы*: аксиология, фразеология, паремиология; e-mail: taya_finskaya5554@mail.ru

Information about the authors:

Gasymova Gulnara Mansurovna, postgraduate student of the Department of Foreign Languages, specialty 10.02.05 Romance Languages, Peoples' Friendship University of Russia. Research interests: bilingualism, migrants, diglossia, Turkish and French languages; e-mail: gulnara.gasymova@yandex.ru

Neliubova Natalia Yurievna, PhD in Philology, Associate Professor Foreign Languages Department of the Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia. Scientific interests: paremiology, phraseology, concepts, axiology; e-mail: nat.nelubova@mail.ru Scopus Author ID: 57208208446; ResearcherId: A-6030-2017

Finskaya Taisiya Evgenievna, postgraduate student of the Department of Foreign Languages, specialty 10.02.05 Romance Languages, Peoples' Friendship University of Russia. Scientific interests: axiology, phraseology, paremiology; e-mail: taya_finskaya5554@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-174-183

UDC 811.111'373.612.2'276.5:578.834.1:61

Research article / Научная статья

Metaphorical Representation of Coronavirus in Medical Myths

Elena S. Stepanova

Samara State Medical University,

89, Чапаевская str., Samara, Russian Federation, 443099

✉ pretty.step@bk.ru

Abstract. This paper focuses on metaphorical representation of coronavirus in medical myths on the example of the British media. To attain this goal, the descriptive metaphor theory is used for the analysis of metaphorical models for the conceptualization of coronavirus. The information about the virus transmitted by the media correlates with background knowledge of the recipient, acquires new conceptual characteristics. Our hypothesis is that metaphorical actualization of coronavirus in medical myths is represented by the descriptive metaphor, the content of which changes depending on the specifics of the spread of the virus over the country as well as the political situation in the country. The research is based on the assumption that metaphorical implications in medical myths influence the representation of the disease, which reflects not only general beliefs about this disease, but also molds the public opinion on political situation in the linguocultural society. The objective of this research is to analyze the titles and leads of the British press about coronavirus and interpret the metaphorical models for the conceptualization of coronavirus, used in medical myths. The objective of the research determined the choice of research methods: content analysis of titles and leads that contain metaphorical models for the conceptualization of coronavirus in medical myths; sampling analysis aimed at identifying and describing the functions of metaphorical models in the representation of the disease in medical myths. The notions of metalanguage such as the signification descriptor and the denotation descriptor are used to describe the functioning of metaphors. The research findings reveal that for the conceptualization of coronavirus in medical myths the following metaphorical models are used: ‘Coronavirus-military rival’, ‘Coronavirus-natural disaster’ and ‘Coronavirus-silver lining’.

Keywords: coronavirus, metaphorical representation, conceptualization, medical myth, metaphorical model, disease

Article history:

Received: 01.07.2021

Accepted: 15.11.2021

For citation:

Stepanova, E.S. (2022). Metaphorical Representation of Coronavirus in Medical Myths. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 174–183. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-174-183>

© Stepanova E.S., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК 811.111'373.612.2'276.5:578.834.1:61

Метафорическая репрезентация коронавируса в медицинских мифах

Е.С. Степанова

Самарский государственный медицинский университет,
443099, Российская Федерация, Самара, ул. Чапаевская, д. 89

✉pretty.step@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена метафорической репрезентации коронавируса в медицинских мифах на примере британских СМИ. Для достижения этой цели используется дескриптивная теория метафоры для анализа метафорических моделей концептуализации коронавируса. Информация о вирусе, передаваемая СМИ, коррелирует с фоновыми знаниями реципиента, приобретает новые концептуальные характеристики, которые отражаются в медицинских мифах. Гипотеза исследования заключается в том, что метафорическая репрезентация коронавируса в медицинских мифах представлена дескриптивной метафорой, содержание которой меняется в зависимости от специфики распространения вируса, а также политической ситуации в стране. Исходной предпосылкой для исследования является предположение о том, что метафорические значения в медицинских мифах влияют на представление о болезни, которое отражает не только общие представления об этом заболевании, но и формирует общественное мнение о политической ситуации в лингвокультурном обществе. Цель этого исследования — проанализировать заголовки и лиды британской прессы о коронавирусе и интерпретировать метафорические модели концептуализации коронавируса, используемые в медицинских мифах. Цель исследования обусловила выбор методов исследования: контент-анализ заголовков и лидов, содержащих метафорические модели для концептуализации коронавируса в медицинских мифах; выборочный анализ, направленный на выявление и описание функций метафорических моделей для репрезентации болезни в медицинских мифах. Нами были использованы понятия метаязыка, такие, как «сигнификативный дескриптор» и «денотативный дескриптор», которые позволяют описывать функционирование метафор. Результаты исследования показывают, что для концептуализации коронавируса в медицинских мифах используются следующие метафорические модели: «Коронавирус — военный соперник», «Коронавирус — стихийное бедствие» и «Коронавирус — луч надежды».

Ключевые слова: коронавирус, метафорическое представление, концептуализация, медицинский миф, метафорическая модель, болезнь

История статьи:

Дата поступления: 01.07.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

Для цитирования:

Stepanova E.S. *Metaphorical Representation of Coronavirus in Medical Myths* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 174—183. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-174-183>

Introduction

The pandemic outbreak of coronavirus in the beginning of 2020 has become a significant event in the world politics and economics. The virus, which appeared in the Chinese city Wuhan, has not only spread over all the countries of the world and

become the reason of a great number of human deaths, but has also affected the world economy, bringing down the stock markets and world politics, causing mutual accusations and generating conspiracy theories. At the same time the main channel of circulation of information about coronavirus and its consequences is the media. Mass media discourse creates this or that image of the disease in the mind of the recipient adopting an attitude to it. The information about the virus transmitted by the media correlates with background knowledge of the recipient, acquires new conceptual characteristics. As a result they can be categorized in medical myths.

The correlation of any phenomenon with this or that category in mind affects the creation of myths. Besides, it is the media that generate coronavirus myths which reflect the state's policy in the struggle with the virus. Facing the disease, Great Britain demonstrated its special way in the struggle with the virus. The representation of coronavirus in medical myths matches the British national character and contributes to the nation's mobilization in the required moment. The process of metaphorization plays a significant role in the representation of the virus in medical myths. When journalists transmit the characteristics of the virus to other fields of human knowledge, they touch profound cognitive structures of the recipients, affecting extensively the creation of the disease representation in medical myths. They make us believe in things for which logic or evidence is lacking. When medical myths convince us to act in ways that are contrary to our own interests, or (for doctors) to the interests of patients, we must critically challenge their assumptions, and finally, have the courage to abandon them [1. P. 208].

The objective of the research is the analysis of metaphorical representation of coronavirus in medical myths and determination of interrelation of this representation with extralinguistic factors. The analysis is based on the following hypothesis: "Metaphorical representation of coronavirus is associated with the epidemiological situation in the country. Metaphorical actualization of coronavirus in medical myths is represented by the descriptive metaphor, the content of which changes depending on the specifics of the spread of the virus over the country as well as the political situation in the country".

To prove this hypothesis we analyzed 150 titles and leads of the British newspapers and medical scientific popularization journals from the period of 20th April 2020 to 20th January 2021, when the spread of coronavirus was the most rapid.

The objective of this research is to analyze the titles and leads of the British press about coronavirus and interpret the metaphorical models for the conceptualization of coronavirus, used in medical myths.

The objective of the research determined the choice of research methods: content analysis of titles and leads that contain metaphorical models for the conceptualization of coronavirus in medical myths; sampling analysis aimed at identifying and describing the functions of metaphorical models in the representation of the disease in medical myths.

Methodology

Our research is based on the works on the conceptual metaphor theory [2; 3], the semantic metaphor theory [4; 5], discourse metaphor theory [6], critical discourse analysis [7] and critical metaphor analysis [3; 16].

The notion “conceptual metaphor” determines the mapping of knowledge about one conceptual domain in another one [2]. According to Lakoff and Johnson’s conceptual metaphor theory (CMT), this type of metaphor should be understood as the nominative type of linguistic metaphor, leading to the formation of abstract meaning. Such a metaphor, being a conceptual phenomenon, cannot be limited to the sphere of language [2; 10; 11]. At the same time, in the process of projecting a metaphor, a number of important functions are actualized, among which the most significant are the addition of meaning and emotional colouring, the transfer of elements of a changed cultural paradigm, the transfer of conceptual changes. These functions provide an integrated conceptual structure instead of disparate fragments.

Ricoeur’s view on metaphor reflects the process of functioning of the metaphor in the language and combines both semantic and psychological aspects. Metaphor, according to Ricoeur, is a “semantic conflict” caused by the emergence of a new predicative meaning based on the everyday lexical meanings of words. The author also emphasizes that when constructing the theory of metaphor, it is important to take into account the psychology of imagination because the metaphorical meaning is generated by imagination. In addition, Ricoeur pays great attention to the syntactic aspect of metaphor and believes that the sentence contains the metaphorical meaning, and the process of metaphorization is not a transfer of the word meaning, but the interaction between a logical subject and a predicate in a sentence. Hence, the metaphorical meaning is the result of the semantic shift at the level of meaning and a deviating predication, not a deviating nomination. Moreover, from the point of view of the researcher, metaphorical statements are devoid of informative content [12. P. 162—195].

Davidson and Searle developed Lakoff and Johnson’s conceptual metaphor theory by stating that the metaphor is interpreted in terms of the mechanism of its action. According to this approach, the mechanism of metaphor is not actualized at the level of semantics, but in the sphere of its use. When interpreting the concept of metaphor, one should not discard the direct meaning of the word, since it participates equally with the figurative meaning in the process of metaphorization. According to Davidson, imagery is already embedded in the direct meaning of the words of the language. When perceiving a metaphor, we immediately understand its metaphorical meaning, and do not attribute it as something additional to a given metaphorical statement [4. P. 238—254].

The basis of Lakoff and Johnson’s conceptual metaphor theory were advanced by other linguists, such as Baranov and Kövecses. They developed descriptive metaphor theory to study metaphorical specifics of discourse as a whole but not its individual examples. According to Baranov, metaphorical projection is the function of mapping the elements of the source domain to the elements of the target domain [13. P. 73—79].

Kövecses states that the source domain often projects on the target domain extra meanings in addition to the basic meaning. These additional meanings are called metaphoric implications of a conceptual metaphor [3. P. 17]. To describe the function of mapping the author uses the language of semantic descriptors [13. P. 73—79].

A metaphor is also defined as a discourse phenomenon. The notion “discourse metaphor” is defined as a stable metaphorical projection which functions as a key frame inside a definite discourse during a period of time [14]. Thus, to define a metaphor as a discourse one, it should have the following criteria: length, stability, frame character, and belong to a definite discourse.

The research in the field of discursive approach to metaphor was undertaken by German linguists Walter and Helmig. They postulate that metaphor is not only a cognitive phenomenon, but also a social one. Implicit categorized structures are reflected in metaphor, which influence the construction of reality in the society [6].

Critical discourse analysis is aimed at the identification and interpretation of discursive metaphorical models in their interrelation with extralinguistic factors. According to this approach, the focus of the researcher is shifted from the process of development of metaphorical models towards their influence on the collective consciousness. The theory of critical metaphor analysis focuses on the identification of the implicit information by the analysis of discursive metaphorical models. This is the main mental operation that unites two conceptual spheres and creates the opportunity to use the structuring potentials of the source domain when conceptualizing a new domain [9; 15].

Since the aim of our research is to analyze metaphorical models for the conceptualization of coronavirus in medical myths, it is necessary to give the definition to the notion “disease myth”. This term is defined as commonly-held beliefs based on well-known concepts about a particular disease typical of a linguocultural society and which are based on the fear of the unknown and unavoidable [16].

Disease myths acquire semantic meaning, become symbols, have linguocultural meaning, and they are passed down from one generation to the next. It is typical human nature to give additional connotations to frightening linguocultural phenomena (coronavirus is among them). Obviously, it is necessary to study the influence of myths on the system of representations of the disease. One cannot study disease myths without language or culture [16].

Our research is based on the understanding of the dual nature of metaphor. It functions as a cognitive and discourse phenomenon. Metaphorical implications in medical myths influence the representation of the disease, which reflects not only general beliefs about this disease, but also molds the public opinion on political situation in the linguocultural society.

Descriptive metaphor theory was used to pursue the objective of analyzing metaphorical models for the conceptualization of coronavirus, used in medical myths. With this approach, this paper not only looks at the frequencies of metaphorical models that represent medical myths in the British media but also provides their functional interpretations.

The difference between the descriptive metaphor theory and the conceptual one is that it reflects the linguistic aspect of metaphor functions. In this theory a metaphor is described as a set of signification and denotation descriptors which represent the source domain and the target domain of the metaphorical projection. The use of metalanguage of signification and denotation descriptors makes it possible to describe the contexts of metaphor usage.

The use of words accepted in the descriptive metaphor theory reflects the linguistic aspect of metaphor functioning. The metaphorical model in this case turns out to be a homogeneous domain of the source — homogeneous from the point of view of human experience and semantics. In this sense, the metaphorical model in the descriptive metaphor theory is a linguistic metaphorical model.

We have developed a methodology for analyzing metaphorical models of coronavirus in medical myths: 1) the performance of the content analysis of the titles and leads in the British media to conceptualize coronavirus in medical myths; 2) the use of the metalanguage of signification and denotation descriptors allowing to describe the functioning of metaphors.

The language of descriptors makes it possible to evaluate the quantity of metaphorical models from the point of their functioning in the discourse. For example, it is possible to determine the “cognitive loads” of signification descriptors. The more realities are described by the signification descriptors, the greater potential of the metaphorical model is in this type of the discourse.

Results and discussion

The results of the content analysis of 150 titles and leads of the British press show that the following metaphorical models for the conceptualization of coronavirus in medical myths are used: ‘*military rival*’, ‘*natural disaster*’ and ‘*silver lining*’.

The results of the analysis show that thematically related fields of signification descriptors form ‘metaphorical models’ (M-models). For example, signification descriptors that have the semantics of military operations form the model ‘*Coronavirus — military rival*’, descriptors thematically related to natural disaster form the model ‘*Coronavirus — natural disaster*’ and descriptors thematically related to hopeful prospects form the model ‘*Coronavirus-silver lining*’.

According to the descriptive metaphor theory, the metaphor ‘*Coronavirus — military rival*’ is represented as a two-element set of the following type: <coronavirus>, <military combatant, military activity>. As for the model ‘*Coronavirus-natural disaster*’, it is described as a two-element set of the following type: <coronavirus>, <natural catastrophe, natural disaster>. Regarding the model ‘*Coronavirus-silver lining*’, it is shown as a two-element set of the following type: <coronavirus>, <hopeful prospect, silver lining>. The first descriptor is a signification, the other two are denotations.

The metaphorical model ‘*Coronavirus-military rival*’ is used as during the pandemic people strive to fight it, and war is the extreme form of confrontation.

Military terms which serve as the means of verbalization of metaphors are as follows: *'secret weapon against Covid-19'*, *'New Covid-19 variant is beating all others'*, *'volunteers are the hidden army'*. The metaphorical model *'Coronavirus-military rival'* can be illustrated by the following example:

*"The new variant of coronavirus spreading across London and the South East is "beating all the others" in transmission"*¹.

In this example the journalist uses the metaphor *'the new variant of coronavirus is beating all the others'* to explore the myth that the new variant, which is said to be the cause for a rapid rise in infections, is becoming the dominant strain.

In the next example the journalist uses the metaphor *'Covid-19 fractured medical aid delivery'* to establish the myth that the pandemic has had a significant impact on medical aid; going beyond the obvious financial implications of an economic crisis and extending to personnel, supplies, and disease control:

*"Covid-19 fractured medical aid delivery"*².

A large number of metaphors in the British media belong to the model *'Coronavirus-natural disaster'*. In this case, the virus is perceived as a kind of dangerous element. Sometimes this metaphorical model is based on specific comparisons with a hurricane or a storm, for example: *'new wave is overwhelming hospitals'*, *'new wave is hitting Europe'*, *'Covid is a disaster'*. The metaphorical model *'Coronavirus-natural disaster'* can be shown in the following example:

*"Coronavirus is the biggest disaster for developing nations in our lifetime"*³.

In this example the journalist uses the metaphor *'coronavirus is a disaster'* to establish the myth that devastating economic and health crises in poorer countries will affect the whole world.

In the next example the journalist uses the metaphor *'wave of Covid-19'* to demystify the myth that the virus breaks out and is suppressed in peaks and troughs, until enough of the population is vaccinated or potentially develops immunity:

*"The first wave of Covid-19 is not over — but how might a second look?"*⁴.

A separate group of metaphors is formed according to the model *'Coronavirus-silver lining'*. Experts have high hopes for vaccination and believe that thanks to it, it will be possible to get rid of the terrible consequences of the Coronavirus. This model is represented by the following metaphors: *'our Covid-19 silver lining'*, *'a silver lining in the dark Covid-19 cloud'*. The metaphorical model *'Coronavirus-silver lining'* can be represented in the following example:

---

¹ Evening Standard. URL: <https://www.standard.co.uk/news/uk/covid-variant-beating-others-transmission-b393809.html> (accessed: 02.02.2021).

² British medical journal. URL: <https://blogs.bmj.com/covid-19/2020/09/25/how-covid-19-fractured-medical-aid-delivery/> (accessed: 02.02.2021).

³ The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/21/coronavirus-disaster-developing-nations-global-marshall-plan> (accessed: 02.02.2021).

⁴ The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/science/2020/jun/05/the-first-wave-of-covid-19-is-not-over-but-how-may-a-second-look> (accessed: 02.02.2021).

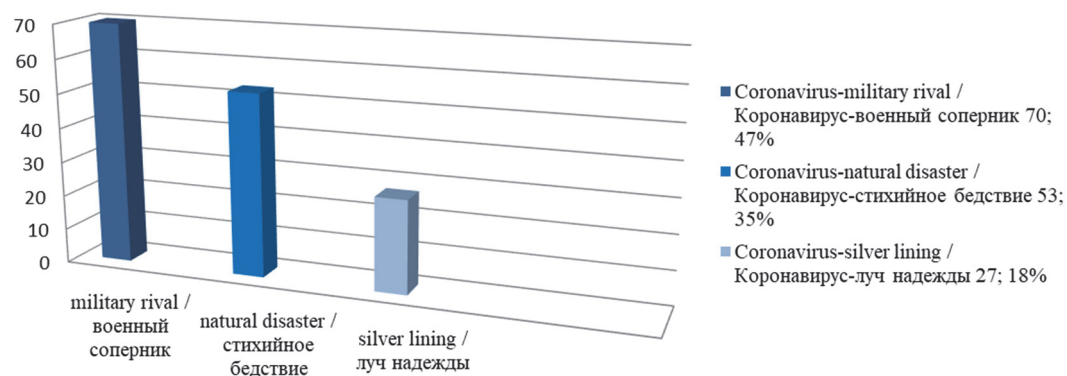
“*The Covid-19 pandemic is like a big black cloud that has descended on earth, bringing with it death and destruction. However, without minimising the seriousness of the situation we are in, I see some silver linings in the dark cloud... the elevation of the importance of international organisations, such as the World Health Organisation (WHO)*”⁵.

In this example the journalist uses the metaphor ‘*silver linings in the dark cloud*’ to create the myth that the current pandemic is a good reminder of the indispensable role played by the WHO in maintaining international public health.

In the next example the journalist uses the metaphor ‘*surprising silver lining of lockdown*’ to establish the myth that the social distancing and lockdown have given us an opportunity to reconnect. Reconnect with ourselves:

“*The surprising silver lining of lockdown ...*”⁶.

The results of the sampling analysis of metaphorical models that represent the disease in medical myths indicate that the most widely used metaphorical model is ‘*Coronavirus-military rival*’ (70 units, 47% of sampling), the less used one is ‘*Coronavirus-silver lining*’ (27 units or 18% of sampling) (see Fig. 1).

Fig. 1. The frequency of coronavirus metaphorical models in medical myths
Рис. 1. Частота использования метафорических моделей при описании коронавируса в медицинских мифах

The wide use of metaphorical model ‘*Coronavirus-military rival*’ is explained by the fact that the virus becomes an enemy, and the fight against it becomes a war. At the same time, the virus is a rival that causes fear and anxiety. However, the dominance of military terms contributes to the idea of the virus as an enemy: it is possible and necessary not only to fight it, but also to defeat it.

As for the model ‘*Coronavirus-natural disaster*’, it is less frequent as not all people recognize its natural origin. Some people think that COVID-19 passed on to

⁵ The Straits Times. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/7-silver-linings-in-covid-19-dark-cloud> (accessed: 12.02.2021).

⁶ The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/may/22/silver-lining-lockdown-wotsits-spaghetti-toast-proustian-madeleine> (accessed: 12.02.2021).

humans from bats in the Chinese city of Wuhan. Others say that it was not the result of the evolution of coronavirus, but the result of the systemic work of scientists.

Regarding the model ‘*Coronavirus-silver lining*’, it is the least widespread since the incidence of Covid-19 is very high and does not allow people to hope for the best. “Silver lining” is an additional component since the situation with coronavirus is very serious.

Conclusion

People have different views on the origin of coronavirus. Some people believe that it is the war, as it has become the reason of a great number of human deaths. Others believe that it is a natural disaster since coronavirus occurs in multiple-wave outbreaks. The situation with Covid-19 is horrifying. And the incidence rate is falling very slowly. Thus, hope is very rare in headlines.

Our research dwelt upon the problem of representation of coronavirus in medical myths established by the British media. Metaphorical models contribute to the conceptualization of coronavirus in medical myths. Metaphorical models as means of expressing the notion “coronavirus” show associations of this phenomenon with well-known concepts, adopt a mental attitude, a certain approach to it either as a military rival, natural disaster or silver lining.

References

1. King, K.C. & Hoffman, J.R. (2000). Myths and medicine. *Western Journal of Medicine*, 172(3), 208. <https://doi.org/10.1136/ewjm.172.3.208>
2. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
3. Kövecses, Z. (2016). Conceptual metaphor theory. In: *The Routledge Handbook of Metaphor and Language*. New York: Routledge. pp. 13—27.
4. Davidson, D. (1980). What Metaphors Mean. In: *Reference, Truth and Reality: Essay on the Philosophy of Language*. London. pp. 238-254.
5. Searle, R.J. (1984). Metaphor. In: *Metaphor and Thought*, Andrew Ortony (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. pp. 92—124.
6. Walter, J. & Helmig, J. (2005). Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analysis of Metaphors. In: *ECPR Granada Workshop Metaphors in Political Science*. URL: <https://seis.bristol.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Helmig.pdf> (accessed: 1.03.2021).
7. Simpson, P., Mayr, A. & Statham, S. (2018). Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis. In: *Language and Power*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge. pp. 58—65.
8. Charteris-Black, J. (2004). *Corpus approaches to critical metaphor analysis*. Hampshire: Palgrave Macmillan.
9. Simpson, P., Mayr, A. & Statham, S. (2018). Critical Metaphor Analysis. In: *Language and Power*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge. pp. 229—236.
10. Sweetser, E. (1990). *From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Turner, M. & Fauconnier, G. (1995). Conceptual Integration and Formal Expression. *Metaphor and Symbolic Activity*, 10(3), 183—203.
12. Ricoeur, P. (2004). *The rule of Metaphor: the Creation of Meaning in Language*. London, New York: Routledge.
13. Baranov, A.N. (2003). On the Types of Combinability of Metaphorical Models. *Voprosy yazykoznaniya*, 2, 73—94. (In Russ.).

14. Zinken, J., Hellsten, I. & Nerlich, B. (2008). Discourse metaphors. In: *Body, Language, and Mind*, R. Dirven, R. Frank, T. Ziemke, J. Zlatev (eds.). Vol. 2: Sociocultural Situatedness. Berlin: Mouton. pp. 363—385.
15. Li, W. (2016). Rethinking Critical Metaphor Analysis. *International journal of English Linguistics*, 6(2), 92.
16. Stepanova, E.S. (2021). Linguocognitive Specifics of the Disease Myth. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 153—164. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-153-164>

Библиографический список

1. King K.C., Hoffman J.R. Myths and medicine // *Western Journal of Medicine*. 2000. № 172 (3). С. 208. <https://doi.org/10.1136/ewjm.172.3.208>
2. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
3. Kövecses Z. *Conceptual metaphor theory* // *The Routledge Handbook of Metaphor and Language*. New York: Routledge, 2016. pp. 13—27.
4. Davidson D. *What Metaphors Mean* // *Reference, Truth and Reality: Essay on the Philosophy of Language*. London, 1980. pp. 238—254.
5. Searle R.J. *Metaphor* // *Metaphor and Thought*, Andrew Ortony (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1984. pp. 92—124.
6. Walter J., Helmig J. *Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analysis of Metaphors*. In: ECPR Granada Workshop Metaphors in Political Science, 2005. URL: <https://seis.bristol.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Helmig.pdf> (accessed: 01.03.2021).
7. Simpson P., Mayr A., Statham S. *Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // Language and Power*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2018. pp. 58—65.
8. Charteris-Black J. *Corpus approaches to critical metaphor analysis*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2004.
9. Simpson P., Mayr A., Statham S. *Critical Metaphor Analysis // Language and Power*. Milton Park, Abingdon, Oxon, New York: Routledge, 2018. pp. 229—236.
10. Sweetser E. *From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
11. Turner M., Fauconnier G. *Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. № 10 (3). P. 183—203.
12. Ricoeur P. *The rule of Metaphor: the Creation of Meaning in Language*. London, New York: Routledge, 2004.
13. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // *Вопросы языкознания*. 2003. № 2. С. 73—94. (In Russ.).
14. Zinken J., Hellsten I., Nerlich B. *Discourse metaphors // Body, Language, and Mind*, R. Dirven, R. Frank, T. Ziemke, J. Zlatev (eds.). Vol. 2: Sociocultural Situatedness. Berlin: Mouton, 2008. pp. 363—385.
15. Li W. *Rethinking Critical Metaphor Analysis // International journal of English Linguistics*. 2016. № 6 (2). P. 92.
16. Stepanova E.S. *Linguocognitive Specifics of the Disease Myth // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. № 12 (1). С. 153—164. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-153-164>

Information about the author:

Elena S. Stepanova, PhD of Philology, Department of Foreign and Latin Languages, Samara State Medical University; *Research Interests*: Cognitive linguistics, Cultural linguistics, Semantics; *e-mail*: pretty.step@bk.ru eLIBRARY SPIN-code: 6992-0076. Scopus Author ID: 57222422219

Сведения об авторе:

Степанова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и латинского языков Самарского государственного медицинского университета; *научные интересы*: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, семантика; *e-mail*: pretty.step@bk.ru eLIBRARY SPIN-код: 6992-0076. Scopus Author ID: 57222422219

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА TEXT LINGUISTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200

УДК 811.161.1'373:821

Научная статья / Research article

«Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русифонном) художественном тексте

У.М. Бахтикирева , О.А. Валикова

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 bakhtikireeva-um@rudn.ru

Аннотация. Авторы статьи рассматривают транслингвальный (шире — транскультурный) художественный текст как «место встречи языков и культур», результатом чего становится формирование нового горизонта понимания эстетической действительности. Транслингвизм как практика художественного творения на языке, который не является для автора этнически первичным, подразумевает ретрансляцию этноспецифических образов, базисных для исходной лингвокультуры, через язык-посредник (в нашем случае русский). Безэквивалентные для русской языковой системы слова с национально-культурным компонентом семантики нельзя отнести к заимствованиям, так как автор-билингв производит, в строгом смысле, перенос (трансфер) коммуникативно-когнитивного феномена из одной языковой системы в другую. Инкорпорированные элементы выполняют в данном случае ряд онтически значимых функций, так как участвуют в сюжетостроении художественного произведения, апеллируют к архетипическому субстрату этноса, несут символическую нагрузку и участвуют в формировании новой — более сложной — эстетики. Авторы осмысливают феномен транслингвизма на постсоветском пространстве и иллюстрируют механизмы функционирования инокультурных элементов русифонного художественного текста на материале стихотворения А. Кодара «Этим впавшим в язычество днем».

Ключевые слова: транслингвизм, транскультурация, русифонная литература, лексика с национально-маркированным компонентом семантики, А. Кодар

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

© Бахтикирева У.М., Валикова О.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (руссофонном) художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 184—200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200>

UDC 811.161.1'373:821

“Language Keys”: Foreign Cultural Lexicon in the Translingual (Russophonetic) Literary Text

Uldanai M. Bakhtikireeva , Olga A. Valikova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

 bakhtikireeva-um@rudn.ru

Abstract. The authors of the article consider the translingual (more broadly, transcultural) literary text as a “meeting place for languages and cultures”, which results in the formation of a new horizon for understanding aesthetic reality. Translingualism as the practice of artistic creation in a language that is not ethnically primary for the author implies the retranslation of ethnospecific images that are basic for the original linguistic culture through an intermediary language (in our case, Russian). Words with a national-cultural component of semantics that are not equivalent for the Russian language system cannot be attributed to borrowings, since a bilingual author produces, in the strict sense, the transfer (transfer) of a communicative-cognitive phenomenon from one language system to another. In this case, the incorporated elements perform a number of ontically significant functions, since they participate in the plot construction of a work of art, appeal to the archetypal substrate of an ethnos, carry a symbolic load and participate in the formation of a new — more complex — aesthetics. The authors comprehend the phenomenon of translinguism in the post-Soviet space and illustrate the mechanisms of functioning of foreign cultural elements of a Russophonetic literary text based on the poem by A. Kodar “On this day that fell into paganism.”

Key words: translingualism, transculturation, Russophonetic literature, vocabulary with a nationally-marked component of semantics, A. Kodar

Article history:

Received: 01.03.2021

Accepted: 15.11.2021

For citation:

Bakhtikireeva, U.M. & Valikova, O.A. (2022). “Language Keys”: Foreign Cultural Lexicon in the Translingual (Russophonetic) Literary Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 184—200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200>

Введение

Границы современного мира становятся все более неустойчивыми — в некоторых случаях они размываются, в иных — подвергаются чрезмерной «флексбилизации», в третьих — явственнее очерчиваются там, где прежде были обозначены лишь пунктирно. Это касается границ в самых разных

смыслах — от геополитического до языкового, от экономического до культурного. С одной стороны, это обусловлено последовательной реализацией «проекта глобального социума» — т.е. глобализацией, которая, по сути, начинается еще в эпоху великих географических открытий и, пройдя несколько стадий формальных и содержательных модификаций, продолжается сегодня. Некоторые исследователи склонны полагать, что глобализация — финальная стадия всемирной капитализации, «вестернизации» (И. Валлерстайн, М. Тлостанова). По мнению М. Тлостановой, глобализация не тождественна геополитической экспансии, т.к. формально сохраняет «суверенитеты, национальные границы, правительства» [1. С. 13], но нивелирует при этом главенствующую роль «характерных традиций и образов мира». «Локальное» не в силах противиться «глобальному» именно в силу своей локальности; в то же время в каждой из мировых этнических культур срабатывают механизмы самосохранения, усиленной самоидентификации, активного семиотического «бордирования» (фронтирования) собственного жизненного пространства. Многие исследователи видят альтернативу глобализации в транскультурации, ориентированной на продуктивную межкультурную кооперацию, эмпатию в отношении к Другому, «критический космополитизм».

Закономерно, что термин «транскультурация» впервые появляется в работах антрополога, философа культуры Ф. Ортиса, изучавшего сложные этнические и социально-культурные процессы на Кубе. Эпистемологическая неудовлетворенность ученого термином «аккультурация», предполагающим стратегию безболезненного «вхождения» индивида/социума в другую (доминирующую) культуру путем адаптации к ней как к беспрекословному «образцу», побудила его к выдвиганию нового понятия — транскультурации. По мнению Ф. Ортиса, транскультурация — сложный процесс утраты (частичной или полной) своей культуры (декультурации) и создания нового культурного феномена (неокультурации). Результат подобного взаимодействия культур не сводим к их слиянию: «...the result of every union of cultures is similar to that of the reproductive process between individuals: the offspring always has something of both parents but is always different from each of them» [2. P. 103].

Таким образом, каждая культура в процессе взаимодействия сохраняет за собой право на собственную аутентичность, «непрозрачность». Известный ученый З.Г. Прошина акцентирует внимание мирового научного сообщества на четком разграничении таких понятий, как транскультурация (и транскультура как ее результат), мультикультурализм и интеркультурализм. В первом случае мы имеем дело с новым качеством культурного пространства, достигнутым за счет преодоления замкнутости этнических традиций, языковых и ценностных детерминант. Во втором — с провозглашением этнокультурной специфики индивида и созданием теорий и практик для осмысления этой специфики. В третьем случае нас интересуют стратегии и тактики преодоления культурных барьеров и успешная коммуникация между индивидами, представляющими разные культуры [3. С. 6].

Транскультурация не предполагает стирания границ между этносами. Напротив, границы в этом случае остаются «нерастворимыми», хотя и являются в некоторой степени проницаемыми. Она прокладывает коммуникативный мост через культурные фронтиры, соединяя территориально, этнически, лингвально отдаленные друг от друга культуры и обеспечивая транспортировку разнообразных культурных элементов из одного пространства в другое. В результате этого двунаправленного процесса культурный ландшафт обоих пространств видоизменяется. (Латинский префикс «транс» вбирает такие смысловые компоненты, как «за», «по ту сторону», «на той стороне», «через», «на другую сторону»). В условиях гетерогенного по своему составу мирового общества транскультурация видится одной из наиболее продуктивных стратегий этнокультурного «самосохранения».

М. Тлостанова справедливо подчеркивает, что транскультурация бросает вызов монокультурной природе конструкта «нация-государство», апеллирующего к мифической идее «чистой культурной идентичности, не зараженной гибридизацией» [4. С. 134]. Диахроническая ось истории подтверждает этот тезис множеством аргументов. Этнически гомогенных государств не было ни в эпоху Римской экспансии, ни во время великого переселения народов, ни в ренессансный период расширения культурной Ойкумены и открытия «нового мира». Тем более этой гомогенности нет сейчас, когда в мире интенсифицировались миграционные процессы и успешно функционирует модель виртуального социума, преодолевающая любые расстояния с помощью сети Интернет. Как отмечает Суреш Канагараджа: «Эта идеология языковой чистоты и автономии противоречит повседневной практике, когда языки находятся в постоянном контакте и смешиваются, порождая новые грамматики и новые значения. Общаясь, люди берут, что им нужно, из разных кодов и семиотических ресурсов, не ограничиваясь знаками одного языка. Конечно, по мере использования в конкретной местности эти разные коды оставляют отпечаток в грамматиках и употреблении и образуют свою специфику» [5. С. 16].

Утверждение о том, что современное мировое общество транскультурно по своей сути, на наш взгляд, справедливо. Транскультурные тенденции в социуме «уравновешивают унификацию» [4. С. 138].

Мы не отрицаем того факта, что создание и функционирование некоторых «чистых», или имманентных, познавательных концепций и моделей продуктивно на определенных эвристических этапах. Так, тезис В. Гумбольдта, получивший на сегодняшний день статус аксиомы, «Язык — это дух народа», способствовал тектоническому сдвигу в парадигме лингвистических исследований, став точкой отсчета для нового вектора — антропоцентрического. Этот тезис логически справедлив в том случае, если

- А) Есть некий народ, отличающийся гомогенностью своего состава (X);
- В) Есть некий язык, на протяжении веков обеспечивающий жизнедеятельность этого народа (Y).

В этом случае X и Y находятся в безусловной причинно-следственной связи: этнос в процессе собственного бытия обретает определенные этнические

черты-доминанты, вырабатывает нормы поведения, предписания (скрипты), регламент распределения социальных ролей и пр. Язык фиксирует подобные факты на уровне лексики и грамматики, а впоследствии транслирует накопленную информацию из одного поколения в другое. Тем самым определенный способ миропонимания закрепляется уже на уровне коллективной когниции, которая вновь и вновь объективируется в языке. В этом смысле язык, действительно, является «духом народа», или «домом его бытия», если прибегнуть к определению М. Хайдеггера. «Изучение языков мира — это также всемирная история мыслей и чувств человечества» [6]. Но здесь мы вынуждены поставить под сомнение саму «чистоту» подобного этнического коллектива и подобного языка — как и объективное существование тождества $X=Y$ (то есть полное совпадение этноса и языка). В XIX «гумбольдтианском» веке такая чистота условно (и только условно) сохранялась в отдельно взятых государствах или коллективах. В большинстве же случаев под действием экстралингвистических факторов (например, расширения территориальных границ империй путем колонизации других стран) такое тождество оказалось невозможным.

Обсуждение

Характерный пример несовпадения этноса и языка — феномен русскоязычия на территории сначала Российской Империи, а затем советского и постсоветского пространства.

В 20-х годах XX века сформировалась единая культурно-историческая область, включавшая в себя Россию, Украину, Белоруссию, Молдавию, Прибалтику (Латвию, Литву, Эстонию), Закавказье (Азербайджан, Армению, Грузию), Центральную Азию (Казахстан, Киргизию) и Среднюю Азию (Таджикистан, Туркмению, Узбекистан). Языковая политика в контексте советского общества базировалась в том числе на идеологемах-суррогатах, например: «Все нации и языки равноправны», «Русский язык — второй родной для советского человека», «Функциональная нагрузка русского и национальных языков рационализирована», «В советском обществе развито гармоничное и паритетное двуязычие». Каждый из этих тезисов оказался нежизнеспособным на практике. Мы не ставим целью критически осмыслить данную ситуацию в рамках статьи, но примем за точку отсчета в наших рассуждениях тот факт, что русский язык — он же язык метрополии — стал коммуникативно доминирующим на огромной территории бывшего Советского Союза. В постсоветском социуме по сей день сохраняется устойчивая языковая асимметрия. В большинстве стран — бывших формантов СССР — национальные языки только сейчас возвращаются к своему изначальному функциональному диапазону. Так, для современного Казахстана характерна активная вернакулизация, возвращение функциональных «прав» автохтонному казахскому языку, на протяжении многих лет выполнявшего лимитированную коммуникативную функцию (т.е. общение в ограниченных социальных кругах — внутри

семьи, близкого окружения и пр.). Основную же нагрузку, а именно коммуникативную, когнитивную, кумулятивную, экспрессивную, транспортную, транслятивную нес на себе русский язык. Подчеркнем, что русский язык эффективно справлялся и справляется со своими задачами и полностью соответствует своему статусу «языка межнационального общения». Нас, однако, интересует феномен литературного трансязычия, порожденный его (русского языка) нативизацией, которая привела к своего рода «кризису идентичностей» внутри социума, провозглашаемого «единым». Этническая и языковая личности большинства жителей СССР не совпадали, так как усвоение другого языка вовсе не ведет к усвоению другой культуры (по крайней мере, для подобного явления необходим существенный временной период).

Повсеместный литературный процесс на усвоенном русском языке — показательный пример транслингвальной творческой практики этнически нерусских авторов. Вот лишь небольшой перечень их имен, который продолжает пополняться и сегодня: киргизы Чингиз Айтматов, Шербото Токомбаева; казахи Олжас Сулейменов, Аскар Сулейменов, Ануар Алимжанов, Мурат Ауэзов, Ауэзхан Кодар, Аслан Жаксылыков; белорусы Василь Быков и Алесь Адамович; грузины Чабуа Амирэджиби, Александр Эбаноидзе; молдаванин Ион Друцэ; башкир Анатолий Генатуллин; осетины Езетхан Ураймагова, Гайто Газданов, Руслан Тотров; лакец Эфенди Капиев; чуваш Геннадий Айги; узбеки Тимур Пулатов, Учкун Назаров; азербайджанцы Чингиз Гусейнов, Максуд и Рустам Ибрагимбековы; украинец Виталий Коротич; чеченцы Эльбрус Минкаилов, Исса и Тимур Кодзоевы; ингуши Идрис Базоркин, Багаудин Зязиков; карачаевец Иса Капаев; таджик Тимур Зульфикаров; чукча Юрий Рэтхэу; манси Юван Шесталов; нивх Владимир Санги; татарка Гюзель Яхина и многие, многие другие.

По мнению О. Гарсия и Ли Вей, в понятиях «транслингвальная деятельность» и «транслингвальная практика» заложена идея лингвистической креативности писателей-билингвов [7].

Актуальность термина «транслингвизм» сигнализирует о новом качестве текстов (в том числе художественных), которые нельзя обозначить ни как «билингвальные», ни как собственно «моноязычные». Транслингвальный текст подразумевает отсутствие четких границ между контактирующими языками и определенную интеграцию языковых ресурсов внутри художественного целого. В распоряжении автора-билингва оказывается ресурсная база двух языков, но его творческая самоактуализация достигается через язык-доминанту. В нашем случае этот язык — русский. Русский язык перестал совпадать только с русской языковой культурой как в геолингвистическом, так и в культурно-духовном пространстве. Но остается ли в этом случае язык «духом народа»? И, если да, то какого именно народа? Утрачивается ли этническая культура из-за функционального перехода к другому языку?

Очевидно, что не утрачивается. Более того — через посредство языка, наделенного большими функциональными «полномочиями», этническая культура транслируется во внешнее пространство, т.е. расширяет территорию

своей экзистенции. Возвращаясь к метафоре Гумбольдта, можно резюмировать: чтобы оставаться «духом народа», язык должен перманентно наполняться новым этническим содержанием. Это содержание не вытесняет и не замещает исконного, но вступает с ним в синергетическое взаимодействие. И.С. Хугаев говорит в этом случае о наличии «этнического субстрата» в русскоязычных художественных текстах, М. Тлостанова указывает на «мерцающую внутреннюю форму произведения». Язык (в нашем случае русский) выступает здесь «единящим началом» (формулировка М. Хайдеггера). По мысли М. Хайдеггера, понимание есть бытие-в-мире, бытие-с-другими. Рассуждая о природе языка, философ указывает на то, что «орудием языка» служит человек. Говоря через автора-транслинга, язык не может не выражать его (говорящего, пишущего) этническую самость, не может не преломляться сквозь его этническое самосознание. Как справедливо отмечает Л.А. Новиков, «художественное произведение несет на себе отпечаток мировоззрения, поэтического видения действительности, языка, стиля своего творца» [8. С. 12]. Ученый полагает, что художественный текст представляет собой поток сознания автора, определенным образом вербализованный.

Транслингвальный автор — это человек семиотического «пограничья», посредник между культурами, а транслингвальный текст — своеобразный кроссовер, вбирающий в себя черты нескольких культур, но не соответствующий ни одной из них полностью.

Каждый этнос на протяжении веков формирует свои инвариантные «образы мира», детерминированные особенностями форм существования, национальной культуры и психологии. Эти образы одновременно коллективны и индивидуальны, осознанны и бессознательны. Именно они структурируют впоследствии вербализованное знание. По мнению русского философа Н. Бердяева, каждый человек входит в человечество через свою этническую индивидуальность. Эту мысль продолжает И.А. Ильин, отмечая, что все гениальное в культуре порождено национальным опытом, духом, укладом.

«Мы установили уже, что национальность человека определяется не произволом, а укладом его инстинкта и творческого акта, укладом его бессознательного, и больше всего укладом его бессознательной духовности. Покажи мне, как ты веруешь и молишься, как проявляются у тебя доброта, геройство, чувство чести и долга; как ты поешь, пляшешь и читаешь стихи; что ты называешь «знать и понимать», как ты любишь свою семью; кто твои любимые вожди, гении и пророки, — скажи мне все это, и я скажу, какой нации ты сын; и все это зависит не от твоего сознательного произвола, а от духовного уклада твоего бессознательного» [9]. Именно поэтому транслингвальные тексты, написанные на русском языке, воспринимаются исследователями (и читателями) как «не-русские». (Показательна формулировка казахстанского писателя М. Ауэзова: «Я пишу на русском, но не по-русски»).

Транслингвальная практика русскоязычных писателей (как и писателей, прибегающих к посредству других языков) преодолевает лингвистический постулат о том, что по-настоящему осознаваться человеком может лишь один

(бытийный) слой культуры. В континууме транслингвального текста не происходит заимствования некоторого явления из одной культуры в другую, в результате которого появляются «ущербные» в своей вторичности образы (Н.Ф. Алефиренко) [10]. Происходит перенос самого концепта во всей его когнитивной, эмоциональной, культурной сложности из одной семиосферы в другую. Механизм этого переноса можно обозначить как трансфер [11].

Так что же такое трансфер? Его можно определить как способ передачи информации от одного индивида к другому внутри одной культуры и — шире — от одной культуры к другой внутри культуры мировой, способ, который выводит человеческую цивилизацию на новый виток развития. Трансфер — явление когнитивно-коммуникативного порядка. Отметим здесь первичность когнитивного аспекта: в другую культуру — язык — текст транспортируется, в первую очередь, понятие, характеризующееся уникальностью определенного миропостижения. В каком-то смысле данное понятие (переносимое) безэквивалентно в другой знаковой системе. Прибегая к терминологии А. Вежбицкой, такие понятия можно обозначить как семантически некоррелятивные для другой культуры, это «неопределяемые данного языка» [12]. Отсутствие определенного понятия в культуре влечет за собой отсутствие номинации этого понятия в языке. Транслингвальный автор, таким образом, вынужден переносить в усвоенную культуру и само понятие (когнитивный уровень), и его вербальную оболочку (слово). И схема переноса в данном случае выглядит как «понятие, выраженное в изоморфном ему слове», а не как слово, призванное «познакомить» русского читателя с экзотическим фрагментом «иной» действительности. В этом плане трансфер кардинально отличен от языкового заимствования. В транслингвальном тексте исследователь имеет дело с вербализацией «национальных образов мира», но не с экзотизмами, варваризмами или ксенонимами. Моноязычный читатель, бесспорно, может увидеть в подобных структурах ксенонимы. По сути же, с точки зрения авторской интенции, они таковыми не являются. Каждый вербальный факт «инобытия» наделяется в транслингвальном тексте статусом «онтического», если прибегнуть к формулировке М. Хайдеггера.

Онтология — в широком понимании учение о бытии, его фундаментальных принципах и сущностном основании. В центре проблематики онтологии искусства — исследование способа бытия художественного произведения как чувственно-материального объекта, соотношение его содержания с формой фактического воплощения, а также зависимость актуализации заложенного в произведении смысла от воспринимающего сознания читателя и широкого культурно-исторического контекста.

Любое произведение словесного искусства — это текст, наличествующий в объективной реальности и воплощенный в соответствующей оболочке.

Смысл, как пишет Л.А. Новиков, понятие интегративное. Он рождается в процессе сложного взаимодействия образно-тематического строя текста с его чувственным воплощением, обращенным к восприятию.

Искусство не существует как исключительно физическая структура. Как утверждает Р. Ингарден, если рассматривать произведение со стороны его неприкосновенной действительности, не принося в него ничего своего, оно уподобляется вещи. Подлинное бытие художественного творения — это бытие духовное [13].

По мнению Р. Ингардена, искусство овеществляется через такой способ бытия, как видимость. Если невозможно установить психический смысл произведения, то оно не более, чем воздух. Творение искусства всегда воссоздается и не может быть создано раз и навсегда — в этом причина возможности его интерпретации.

В чем, собственно, состоит специфика искусства? С одной стороны, художественное творение не совпадает с реальностью, с другой — не является чистой фикцией. Вопрос онтологии искусства состоит в том, что являет собою сущность его бытия — имманентного и заданного в сознании воспринимающего произведение субъекта.

К пониманию онтологии художественного произведения философия пришла в XX веке с развитием феноменологической парадигмы и логико-математического знания с его моделью семантики возможных миров.

С точки зрения онтологии эстетики, произведение есть возможный мир, некая потенциальная реальность, отличная от действительности. Возможный, или потенциальный, мир онтология эстетики рассматривает как метафизическую альтернативу миру объективному, которая все же помогает понять, осмыслить и увидеть в новом ракурсе этот объективный мир. Мир, создаваемый Демиургом (писателем, художником, архитектором и пр.), определяют как интенциональный. Он обладает своим собственным бытием, отличным от бытия объективного мира, но при этом он не фикция и не иллюзия. Скорее, как отмечал А.Ф. Лосев в отношении мифа, такой мир осязаем, аффективен и поюсторонен.

Возможный художественный мир исследовали многие философы — Дж. Серль, Р. Ингарден, Д. Льюис, Б. Миллер и другие. Приступая к исследованию художественного мира, мы должны ориентироваться на некоторые априорные положения. Во-первых, литературное произведение всегда содержит в себе определенное количество лакун, которые мы можем интерпретировать различно; по мнению Р. Ингардена, это не дефект художественного творения, но черта особого его бытия: искусство не хуже реального мира, оно бытийствует по-иному, и в этой инаковости состоит его специфика [13]. Э. Гуссерль склоняется к тому, что условная реальность произведения существует независимо от того, наличествует ли на самом деле реальность, к которой она нас отсылает [14]. В отличие от объективной реальности, художественное творение сообщает нам лишь то, что умещено в рамки текста. Особая эстетическая задача онтологии художественного творения — изображение человека с его сложной природой (судьба, ситуация, действие, идея). При утрате одного из уровней этой структуры произведение становится

дефектным, а художник — личностью, не способной углубиться в онтологические «слои» предмета, явленного в модусе прекрасного.

Х.Г. Гадамер полагает, что искусство подразумевает познание, способствующее преображению реципиента. Одно и то же произведение искусства каждый раз становится источником нового опыта, поскольку опыт этот никогда не завершен, он подвержен различным модификациям и трансформациям. Бытие литературного произведения дискретно, оно (произведение) не находится в чьем-либо восприятии непрерывно. Его незавершенность вызвана тем, что актуализация его смысла предполагает смешение истории и настоящего, их контаминации. Произведение бытийствует в модусе прошлого и настоящего одновременно, ему присуща собственная темпоральность [15]. При этом, по мысли Гадамера, толкование текста не произвольно, оно находится в пределах горизонта понимания. Интерпретация при этом мыслится не как процесс вторичный, но как акт воссоздания, акт нового творения, результат которого не теряет связи с исходным материалом истолкования. Читателю как интерпретатору необходимо установить вектор горизонта смысла, предзаданный самим текстом, вслушаться в словесную ткань, уловить подтекст. В произведении искусства открывается новый мир, и познающий его субъект становится тем, кто провозглашает существование этого мира. Интерпретатор, таким образом, сам вовлекается в произведение, становится его частью. Возникает понятие эминентного текста, который не исчерпывается значениями входящих в него элементов. Эминентный текст требует все новых и новых прочтений. Таким образом, произведение — не объект, противопоставленный субъекту, но субъект в мире онтологического субъект-субъектного сближения.

Л.В. Карасев предлагает такую интеллектуальную стратегию познания литературного произведения, как онтологическая поэтика. Это один из вариантов философского, или глубинного, понимания текста [16].

Применительно к онтологической поэтике автор говорит о том, что основная ее задача — поиск ответа на вопрос, что являет собой эстетическая реальность, как она организована и как соотносится с воспринимающим субъектом. При этом поэтика рассматривается как сумма приемов, принципов, оснований, согласно которым оформляется художественное целое. Атрибутив «онтологическая» предполагает указание на бытийные («онтические») основания, из которых текст произрастает. Исследователя при этом интересует не соотношение формы и содержания, а то, с помощью чего реализуются эти форма и содержание, то, благодаря чему текст обретает витальность. Необходимо понять тот механизм, с помощью которого связываются между собой отдельные повествовательные компоненты, формируется сюжет и оформляются облики конкретных сцен и эпизодов. Онтологический подход нацелен на уровень повествования, который скорее реконструируется, нежели присутствует в материи произведения. Это то, что явлено в отсутствии, организует, не выдавая воли организующего. Исследователь пытается понять смыслы,

которые стоят за видимыми действиями актантов и при этом несводимы к требованиям сюжета, стиля, жанра, направления.

Онтологическая поэтика ориентирована на удивление перед фактом бытия текста в его вещественном оформлении. Быть — значит, наличествовать, присутствовать. Применительно к анализу текста это предполагает, что предмет нашего исследовательского интереса явлен в тех местах повествования, где пространственно-вещественные структуры представлены в наивысшей выразительной форме. Это «сильные» места произведения, способные указать на нечто весьма существенное.

Такие участки произведения порождают ряд вопросов, требующих особого разрешения. Что в них явлено такого, что позволяет им представлять художественное целое?

Исходность того или иного образа в тексте означает степень его укорененности в материи повествования, его базисный характер. Исходный смысл есть идея жизни, принципиально противопоставленная идее разрушения. Это сила, воздействующая на сюжет и ту парадигму символических подробностей, которая образует эстетическое целое произведения. Это ретранслируемый из текста в текст мотив, приобретающий каждый раз новый облик, неразложимая семантическая целостность, минимальная единица наррации.

Творимая реальность изоморфна личности писателя. Автор, как неоднократно подчеркивает Л.А. Новиков, сказывается в тексте целиком.

Онтологически ориентированный взгляд на произведение обращен к тем повествовательным элементам, в которых ключевая тема произведения присутствует в наиболее выразительном виде. И хотя эти элементы имеют меньший объем по отношению к объему целого, их роль в организации повествования трудно переоценить.

Итак, вербализованные факты иноязыкового бытия, инкорпорированные в «материю художественного текста» (Л.А. Новиков), не ограничиваются одной лишь номинативной функцией, так как представляют собой онтические элементы, способные (при адекватной дешифровке потенциальных коннотаций) эксплицировать базисные уровни иноязыковой картины мира. Они коррелируют с несколькими уровнями художественного текста и выполняют различные функции, эссенциально значимые для его интерпретации. Рассуждая об уровнях художественного произведения, Л.А. Новиков выделяет три ключевых: 1) идейно-эстетический; 2) жанрово-композиционный; 3) языковой уровень.

В первом случае художественный текст рассматривается как результат эстетического освоения автором изображаемой им действительности; для адекватной его интерпретации необходимо учитывать социально-культурный контекст произведения, его связь с эпохой, литературным процессом, направлением, языковой биографией автора. Второй уровень апеллирует к «устройству» текста, соразмерности его частей в единстве целого, архитектонике, способам сцепления образов и мотивов, наррации. Каждый образ рассматривается ученым как «клеточка» произведения, квант смысла, способный

эксплицировать замысел автора. На третьем уровне идейно-эстетический ярус произведения реализуется в системе изобразительных средств языка [8. С. 16].

В процессе создания художественного творения автор-биллинг производит тщательный отбор каждого элемента; ни один из них не может быть квалифицирован как «лишний», семантически избыточный, так как каждое инокультурное слово призвано не только занять определенное место в синтагматике целого, но и предоставить читателю коды доступа к постижению иного этнического мироощущения. Ощущение — принципиально важный в данном случае фактор. По мнению Б.Р. Рассела, национально-маркированная лексика всегда апеллирует к сенсibiliческому уровню, то есть помимо лингвального аспекта задействует ментально-чувственный комплекс индивида, транслируя вовне как определенную информацию о мире, так и конкретные ощущения субъекта, связанные с переживанием этой информации.

Возвращаясь к классификации Л.А. Новикова, мы рассматриваем инокультурное *слово* в художественном тексте как единицу *эстетического* уровня; это тем более справедливо в отношении инкорпорированных слов, которые выступают маркерами иной лингвокультуры, а потому наделяются множественными этнокультурными коннотациями и могут квалифицироваться как сигнификаторы определенных представлений, ценностей, скриптов этнического коллектива.

В своей работе [17. С. 13—15] мы доказываем, что использование в художественном тексте лексики с национально-культурным компонентом семантики является одним из важных параметров текстообразования. Заимствования-тюркизмы, которые условно можно назвать «свидетелями эпохи» (к ним относятся архаизмы, историзмы, поэтонимы тюркского происхождения), безэквивалентны в системе языка-посредника (русского), так как апеллируют к иному культурному фону — этноспецифической ЯКМ. Главная функция этой лексики — быть адекватным средством описания внутренней жизни персонажа, его психических состояний. Посредством лексических единиц с национально-культурным компонентом происходит сцепление микро- и макроситуаций; таким образом, их функция становится тексто- и сюжетобразующей. Инкорпорированное слово выступает в этом случае как знак авторской модальности: именно в выборе средств изобразительности в процессе моделирования художественной реальности проявляется авторское отношение к миру. Национально-маркированная лексика, как мы полагаем, может рассматриваться и в характерологическом аспекте: через портретную зарисовку действующих лиц раскрываются их доминантные качества.

Описательно-изобразительная функция подразумевает, что безэквивалентная, фоновая, коннотативная лексика в структуре описаний экстерьера и интерьера произведения способна через внешние детали выявить внутреннюю сущность героя и дать авторскую оценку изображаемого мира.

Заимствованная лексика может нести символическую нагрузку. В семиотическом аспекте это знак с конвенциональным и неконвенциональным

значением и индивидуально-авторским периферийным компонентом в семантической структуре слова [17. С. 13—15]. Резюмируем. Лексика с национально-культурным компонентом семантики, инкорпорированная в русофонный художественный текст, не ограничивается номинативной функцией. Это онтически значимая система элементов, организующая эстетическое пространство художественного целого и участвующая в создании образов инокультурного бытия как на описательно-изобразительном, так и на сенсibiliческом уровне. Попытаемся проиллюстрировать наши наблюдения на материале стихотворения А. Кодара «Этим впавшим в язычество днем».

Ауэззхан Кодар — самобытный казахстанский писатель, поэт «новой волны», культуролог, философ, литературный критик и переводчик, которого исследователь Р. Кулжанова сравнила с кентавром — химерическим образом греческо-скифского пограничья, единящего кочевье и оседлость, природу и культуру, душу и тело. До семи лет А. Кодар не знал русского языка, однако быстро освоил его, попав в языковую среду. Образование, полученное писателем на русском языке, позволило ему избрать этот язык для реализации своих поэтических и научных потенциалов. Знанием казахского языка Кодар обязан своей матери, «златоусту» степного слова. Каждая из двух языковых систем даровала автору, по его признанию, различные творческие возможности. Поэзия на казахском — гимн языческой радости жизни, лирика на русском языке исполнена грусти, что обусловлено различным опытом двух языков, порождающих различную ментальность поэтического стиля [18. С. 143]. Лирика транслингвальная (шире — транскультурная) — синергетическое слияние двух языковых стихий, генерирующее усложненные модусы художественного постижения бытия. В стихотворении, выбранном нами для анализа, читаем:

Этим впавшим в язычество днем,
Над раздраем и цвирканьем птиц
Купол неба как чаша вверх дном
В дробной россыпи солнечных спиц.

Как наложницы бога небес,
Перебором браслетов звеня,
Бой капелей повсюду, знать, здесь
Бес попутал не только меня.

Мать Умай здесь честит молодых,
Разгоняя в дым мужнин гарем.
Треск такой, что насилуешь слух
В буреломе невнятных фонем.

Воздавая себе за труды,
Чтимый всеми за власть и красу,
Юрких духов Земли и Воды
Здесь собрал их хозяин Йер-Су.

Средним миром он правит всеблаг,
Славным миром, где царствует плоть.
Если здесь ты и сыт, и не наг,
Это он тебе все подает.

Нижним миром злой правит Эрклиг,
По реке под названьем Курдым
Поплывешь ты, дремучий старик,
Чтоб не стать никогда молодым.

Чтоб не видеть, не слышать, не петь,
Потерять благодать свою — “кут”.
Если кто-то там сможет согреть,
То лишь музыкой мудрый Коркут.

Все оденется в стоны и звень,
И ты вспомнишь тогда хоть на миг
Этот впавший в язычество день
На границе столетий лихих¹.

В этом стихотворении — квинтэссенция архаической картины мира тюрков, в которой космогоническое и эсхатологическое начала, срединный мир человеческой жизни, аутентичные образы мира иной культуры слиты воедино и осмысливаются человеком, живущим на изломе эпох, как изначальный и вечный «зов крови». В первых двух строфах путем неназывания актуализирован образ Тенгри — верховного божества номадов. Тенгри — бог неба и Верхнего мира; вокабула «Тенгри» сакральна. Зачастую образ верховного божества реконструируется на уровне дополнительных коннотаций, входящих в текстуальное семантическое поле концепта-ядра [18. С. 556]. В данном случае это метафора и сопряженное с ней сравнение (купол неба, как чаша вверх дном; бой капелей). Тенгри — бог «дающий»; неслучайно кочевники воспринимали его как неисчерпаемую чашу, опрокинутую над «срединным миром сынов человеческих». Из нее на землю изливается благодать — солнце и дождь. «Бой капелей» — образ-импликатура (заметим, что более узуальный вариант «звон капелей» автором не принят): наряду с функцией гармонизации пространства Тенгри выполняет и функцию великого защитника смертных. Эта ипостась связана с образами батыра-исполина, на плечах которого покоится небесный свод, громовержца и покровителя славных героев, бросающих вызов силам зла. И порождение жизни, в представлениях тюрков, есть мучительная схватка любви. В третьей строфе актуализирован образ великой матери Умай — бурой земли, олицетворяющей плодоносящее, изобильное начало. Умай — извечная спутница Тенгри. По природе своей образ ее

¹ Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2007/6/doroga-k-stepnomu-znaniyu.html> (дата обращения: 18.05.2021).

диалектичен: как и Тенгри, Умай предстает в ипостаси великой воительницы (ее атрибут — золотой лук), разящей силы зла, но в то же время выступает покровительницей мирной жизни, домашнего очага, детей и плодородия земли; она же дарует людям тихую, благостную смерть, так как в «лунном» своем проявлении наделена сакральными знаниями о бытии. В стихотворении Кодара Умай подвержена влиянию античной (греческой) мифологической традиции: ее качествами провозглашаются ревность и собственничество (аспекты верховной богини греческого пантеона Геры). Срединным миром управляет собирательное божество — Йер-Су (Земля—Вода). По мнению Е.М. Мелетинского, в комплекс Йер-Су входит семнадцать его различных проявлений. В казахской культуре Йер-Су — женское божество, входящее в триаду «Тенгри — Умай — Йер — Су». Примечательно, что в стихотворении Кодара феминный образ становится маскулинным. Йер-Су наделяет человеческий род различными благами: ее/его волей рождается и вызревает семя, скот дает приплод, люди учатся вживаться в пространство и производить материальные объекты. Враждебное человеку божество — Эрлик («потусторонний»), повелитель подземного царства. Изначально феминное, божество с «реформой патриархата» стало восприниматься как маскулинное. Это извечный антипод Тенгри; однако отношения между ними суть антиномия, нерасторжимое единство противоположностей. Зло людям несут девять дочерей Эрлика, в образах которых репрезентированы главные человеческие пороки — зависть, корысть, леность и др.

В миропонимании древних номадов смерти нет; есть уход в сон и последующее пробуждение души в новом качестве. Река Курдым («Ничто») — последний путь смертного, и ничто не способно повернуть ее воды вспять. Этот образ связан с неотвратимостью трансформаций в великом круге жизни. Человек утрачивает свой «кут» — благостную жизненную силу, семя счастья и благодати, потому что с каждым новым рождением кут даруется свыше, если человеческая душа осталась чистой и достойной награды. И только музыка мудрого Коркыта способна обогреть человека в царстве теней, потому что Коркыт, сумевший обмануть смерть, знаменует собой идею вечного преобразования и ре-креации.

Выводы

Как видим, лексические элементы с национально-маркированным компонентом семантики участвуют как сюжетогенные; благодаря их дешифровке становится возможным реконструировать «мифопоэтический сценарий», значимый для понимания иной лингвокультуры. Они онтически значимы и апеллируют к базисным представлениям этноса о категориях пространства, времени, мироустройства и человеческой жизни, а потому их нельзя причислить к заимствованиям. Это поэтонимы уникальной картины мира, мерцающие сквозь русофонный художественный текст.

Библиографический список

1. *Тлостанова М.В.* Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. М.: URSS, 2004.
2. *Ortiz F.* Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. Transl. into English by Harriet de Onis. New York: Knopf, 1947. Reprint: Durham, NC, and London: Duke University Press Books, 1995.
3. *Прошина З.Г.* Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 6—9.
4. *Тлостанова М.В.* Транскulturация как новая эпистема эпохи глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2006. № 2. С. 5—16. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/transkultursiya-kak-novaya-epistema-epochi-globalizatsii> (дата обращения: 18.05.2021).
5. *Канагараджа С.* Мультилингвальная педагогика неолиберального времени: расчистка территории и планирование движения вперед // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 10—21.
6. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985. С. 370—382.
7. *Garcia O., Wei L.* Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
8. *Новиков Л.А.* Художественный текст и его анализ. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
9. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М.: Институт русской цивилизации, 1993. С. 134—289.
10. *Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Шахнурова З.Х.* Автохтонная синергия русского художественного дискурса // Русистика. 2021. Т. 19. № 3. С. 253—270. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270>
11. *Бахтикиреева У.М.* Трансфер. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2009/12/transfer-transfer.html> (дата обращения: 18.05.2021).
12. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011.
13. *Ингарден Р.* Исследования по эстетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.
14. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2015.
15. *Гадамер Х.Г.* О круге понимания. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 72—91.
16. *Карасев Л.В.* Онтологическая поэтика (краткий очерк) // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. Вып. 1. М.: ИФ РАН, 2005. С. 91—113.
17. *Бахтикиреева У.М.* Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день»: автореф. дис. ... кандидата филологических наук. М.: Российский университет дружбы народов, 1995.
18. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: ЦБО и МИ, 2009.
19. *Новиков Л.А.* Избранные труды. Т. II: Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Изд-во РУДН. Серия «Труды ученых филологического факультета», 2001. С. 554—570.

References

1. Tlostanova, M.V. (2004). *Never live, write from nowhere. Post-Soviet literature and the aesthetics of transculturation*. Moscow: URSS. (In Russ.).
2. Ortiz, F. (1995). *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar*. New York: Knopf, 1947. Reprint: Durham, NC, and London: Duke University Press Books.
3. Proshina, Z.G. (2016). Problems and prospects of translanguing and transcultural contacts. *Social and Human Sciences in the Far East*, 2(50), 6—9. (In Russ.).
4. Tlostanova, M.V. (2006). Transculturation as a new episteme of the era of globalization. *RUDN Journal of Philosophy*, 2, 5—16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transkultursiya-kak-novaya-epistema-epochi-globalizatsii> (accessed: 18.05.2021). (In Russ.).

5. Canagaraja, S. (2016). Multilingual pedagogy of the neoliberal time: clearing the territory and planning for movement forward. *Social and Human Sciences in the Far East*, 2(50), 10—21. (In Russ.).
6. Humboldt, V. (1985). *Language and philosophy of culture*. Moscow: Progress. pp. 370—382. (In Russ.).
7. Garcia, O. & Wei, L. (2014). *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. New York: Palgrave Macmillan.
8. Novikov, L.A. (2007). *Literary text and its analysis*. Moscow: LKI Publishing House. (In Russ.).
9. Plyn, I.A. (1993). *The path of spiritual renewal in the path to evidence*. Moscow: Institut russkoj tsivilizatsii Publ. pp. 134—289. (In Russ.).
10. Bakhtikireeva, U.M. *Transfer*. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2009/12/transfer-transfer.html> (accessed: 05.18.2021). (In Russ.).
11. Alefirenko, N.F., Nurtazina, M.B. & Shakhputova, Z.K. (2021). Autochthonous synergy of Russian literary discourse. *Russian Language Studies*, 19(3), 253—270. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270> (In Russ.).
12. Vezhbitskaya, A. (2011). *Semantic universals and basic concepts*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.).
13. Ingarden, R. (1962). *Research in aesthetics*. Moscow: Publishing house of foreign literature. (In Russ.).
14. Husserl, E. (2015). *Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy*. Moscow: Akademicheskiiy proyekt publ. (In Russ.).
15. Hadamer, H.G. (1991). *About the circle of understanding. Relevance of the beautiful*. Moscow: Isskustvo publ. pp. 72—91. (In Russ.).
16. Karasev, L.V. (2005). Ontological poetics (short essay). In: *Aesthetics: Yesterday. Today. Always*. Issue 1. Moscow: IF RAS. pp. 91—113. (In Russ.).
17. Bakhtikireeva, U.M. (1995). *Artistic functions of vocabulary with a national-cultural component of semantics in the novel by Ch. Aitmatov "And the day lasts longer than a century"* [dissertation]. Moscow: RUDN. (In Russ.).
18. Bakhtikireeva, U.M. (2009). *Creative bilingual personality (features of the Russian text of the author of Turkic origin)*. Astana: CBO and MI publ. (In Russ.).
19. Novikov, L.A. (2001). *Selected Works*. Vol. II: Aesthetic aspects of language. Miscellanea. Moscow: RUDN. pp. 554—570. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Бахтикиреева Улданаи Максумовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов. *Научные интересы*: билингвизм, транслингвальные и транскультурные практики, русофонная литература, теория перевода; *e-mail*: uldanai@mail.ru Scopus Author ID: 57188757248; ResearcherId: ABA-966-5-2021.

Валикова Ольга Александровна, PhD в области филологии, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов. *Научные интересы*: транслингвальная литература, русофонная литература, лингвокультурология, теория дискурса; *e-mail*: leka.valikova@mail.ru Scopus Author ID: 57188766962; ResearcherId: C-6510-2015.

Information about the authors:

Uldanai M. Bakhtikireeva, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Peoples' Friendship University of Russia. *Research interests*: bilingualism, translational and transcultural practices, Russophonics literature, translation theory; *e-mail*: bakhtikireeva-um@rudn.ru Scopus Author ID: 57188757248; ResearcherId: ABA-966-5-2021.

Olga A. Valikova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Peoples' Friendship University of Russia. *Research interests*: translational literature, russophonics literature, cultural linguistics, discourse theory; *e-mail*: valikova-o@rudn.ru Scopus Author ID: 57188766962; ResearcherId: C-6510-2015.

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-201-212

UDC 821.111:003

Research article / Научная статья

Colour Meaning in English Literary Pieces

Faina I. Kartashkova , Liubov E. Belyaeva Ivanovo State University (IvSU University),
39, Yermak St., Ivanovo Region, Ivanovo, Russian Federation, 153025 belyalyubov@yandex.ru

Abstract. The article deals with the colour meaning and colour symbolics of a literary piece. Analysis of colour world in English fiction is aimed at determining the linguistic means of representing the individual writer's idea of colour via the system of colour values. Along with it, analysis of the expression of colour sensations and their influence both on characters and on the plot development was carried out. It was shown that colour vocabulary is represented by words in their direct and figurative meanings. It was proved that language units may be represented in the form of a complex individual-authorial interpretation. Adjectives which convey or specify various colours and their shades make the main group of colour vocabulary discussed in the article. The same function may be performed by attributive phrases the semantic centre of which form names of animate/inanimate nature. Frequency of adjectives denoting colour was stated. Of special importance is the way colour names carry a special psychoemotional load. On the basis of analysis of literary pieces, it is shown that together with other psychological details colour meaning and colour symbolism perform esthetic function. Colour value can enhance a positive or negative assessment of the work of art described in a literary piece. The article presents classification of colour names based on different types of meaning: direct, metaphoric and symbolic. An attempt (based on an analysis of the color names) was made to determine the author's idea of further development of the plot. Study of the role of light in works of art verbalised in fiction proved that light and transparent colour scheme render high spirits of the characters of literary pieces and evokes the recipient's positive emotions.

Key words: colour meaning, colour names, colour scheme, esthetic and evaluative functions

Article history:

Received: 01.09.2021

Accepted: 15.11.2021

For citation:

Kartashkova, F.I. & Belyaeva, L.E. (2022). Colour Meaning in English Literary Pieces. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 201–212. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-201-212>

© Kartashkova F.I., Belyaeva L.E., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК 821.111:003

Значение цвета в английских литературных произведениях

Ф.И. Карташкова , Л.Е. Беляева

Ивановский государственный университет,
153025, Российская Федерация, Иваново, ул. Ермака, 39
 belyalyubov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению цветовой картины мира в английском художественном тексте, репрезентирующей индивидуальное представление писателя о цвете через систему цветовых значений. В настоящей статье анализу подвергаются языковые единицы, которые выражают цветоощущения, а также их влияние на характеристику персонажей и на развитие сюжета. Выявлено, что цветовая лексика представлена языковыми единицами в прямом и метафорическом значениях, а также в формате усложненного индивидуально-авторского толкования. Показано, что основной группой языковых единиц цветообозначения являются прилагательные, которые передают (либо уточняют), различные оттенки цвета, установлена их частотность, а также атрибутивные фразы с опорным компонентом, представленным именем живой/неживой природы. В качестве языковых коррелятов цвета выступают именные и глагольные компоненты. Выявлено, что цветообозначение несет особую психоэмоциональную нагрузку. Показано, что, вкупе с другими психологическими деталями значение и символика цвета, которые выполняют эстетическую функцию, могут меняться под воздействием различных факторов. Цветообозначения могут усиливать позитивную или негативную оценку объекта. Анализ фактического материала позволил дать классификацию цветовой лексики, которая включает языковые единицы в прямом, переносном и символическом значениях. На основе анализа роли света в произведениях искусства, вербализуемых в художественной литературе, доказано, что свет и транспарентная цветовая гамма передают позитивный настрой персонажей литературного произведения и вызывают у его реципиента положительные эмоции. Предпринята попытка определить установку автора на дальнейшее развитие сюжета на основе анализа используемых им цветообозначений.

Ключевые слова: цветовая семантика, цветообозначение, цветовая гамма, эстетическая и оценочная функции

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

Для цитирования:

Kartashkova F.I., Belyaeva L.E. Colour Meaning in English Literary Pieces // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 201—212. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-201-212>

Introduction

Semantic and esthetic categories are known to represent meaning in the broad sense of the word. Language as representation of esthetic function and the author's idea implemented in literary and artistic images may be treated as kind of art. Hence — the implication that language is incorporated in a literary piece as esthetically organized system [1. P. 18—20].

The notion of colour is considered to be contradictory as the perception of colour depends on many things, the main of which is the man's cultural adherence. Some scholars consider colour to be a psychic phenomenon born by the brain and the visual apparatus of a person. It is assumed that colour world picture is based on colour and on individual, professional, cultural, age and temporal peculiarities [2. P. 62].

Colour picture of the world includes conceptual and lexical systems of language world picture. In different languages colour is reflected in a different way, which is proved by different names of colours and shades. Under the term "the phenomenon of colour space" is meant a complex of colour names of psychological nature which is accounted for by existence of light waves, colour being a result of brain and eye work [3. P. 1991]. Thus, colour names represent lingvocolour world picture. One of the peculiarities of colour naming is that authors of fiction often describe a symbolic meaning to the colour scheme that helps the reader to better understand the psychology of the characters. Of special interest is the colour picture of the world as represented by authors of literary pieces. In this connection it is clearly seen why it is important to analyse the linguistic expression of colour sensations and their influence on characters as well as on the development of the plot.

Colour meaning and colour symbolics may be treated from the angle of creating the verbal image. It is of vital importance to study the role of colour in a literary piece in order to state the mechanism of how colour makes the reader's representation of the objects depicted closer to reality.

Discussion

Esthetic function of the language is performed by different meanings of words. Colour-denoting words belong to expressive means of artistic image of fiction. They are used in psychological portraits, in the description of the characters' outward appearance and while describing the surrounding world. The main peculiarity of colour-denoting is that authors often ascribe some symbolic meanings to a certain colour scheme which helps the reader understand the psychology of the characters better.

Colour naming is known to have inherent connection with human norms and values [4; 5]. Colour is said to participate in complex processes of language conceptualization of the world which can't be confined to mere physiological reflection of the substance [6. P. 152]. Hence the assumption that different cultures and peoples have their own colour world picture, which is predetermined not only by different perception of colour but by the peculiarities of the environment as well. Which is why one can speak about conventional associations in a certain society.

Colour feelings are rendered with the help of certain linguistic means. The colour image prompts the reader's associations, evokes his/her emotions and codes rational and emotional information of a literary piece. The author has to find such colour names which contribute to the author's message, while the reader is to

gain the required associations and a visual picture evoking corresponding emotions [7. P. 72].

According to some scholars, in a literary piece there may appear additional meanings to the main colour meaning, which is a result of interrelation of the given units with the elements of different language levels [8. P. 25].

Psychologists hold the opinion that colour is connected with human emotions and that each emotion occupies a place of its own in the colour space. It is implied that each colour evokes definite emotions [9. P. 21].

Colour sensations are referred to prototypes: of all visual sensations they were the first to be objectivized in the language. Colour represents the deep level of ethnic cognitive base which is characterized by value-semantic contents and has national-cultural properties belonging to the system of values [10. P. 115].

Scholars assume that naïve colour world picture fixed by means of the language is inherent in the psyche of a common native speaker although the speaker is unaware of this process as well as of its connections and relations.

Linguistic theories of colour naming are based on lingvo-cultural, lingvo-cognitive and ethnolinguistic approaches. Lingvo-cultural approach implies that the cultural peculiarities are the main means in colour naming formation. Colour names are treated as lingvoculturemes which combine linguistic and extralinguistic contents. The adherents of lingvo-cognitive approach claim that colour-naming formation is predetermined by the anthropocentric factor in the language, by the way colour naming correlates with the realia of the surrounding world that not always coincide, which is a specific feature of cognitive human activity [6. P. 86]. Cognitive-discursive study of the linguistic colour picture of the world and its basic component, namely the achromatic fragment, based on the universal archetype semantic opposition white — black in the Russian and English languages combines macrosituational and microsituational approaches, which makes it possible to reveal collective prototypical and individual discourse senses of the concepts under study. According to ethnolinguistic approach, colour naming is a result of linguistic activity of a certain ethnosociety [11. P. 9].

Names of colour may be classified according to certain systems, basic colour words making the main system. American scholars B. Berlin and P. Kay speak about 11 universal colour categories which correspond to English colour names [12. P. 1969]. English adjectives *white*, *black*, *green*, *blue*, *yellow*, *red*, *brown*, *pink*, *purple*, *orange*, *grey* are considered to be the main terms of colour naming. However, the notion of the main colour is ambiguous, that's why all the attempts to introduce strict criteria which would enable us to refer this or that colour to the "main" ones failed [13. P. 32].

The concept of colour is treated as a perception scheme in accordance with which the objects of the surrounding world may be characterised as "being dyed". Adjectives denoting colour serve as language correlates. The linguistic units that form the class of colour names are considered to be markers of the concept "colour", which enables us to speak about the nucleus and the periphery of the semantic field, the former being represented by the colour names *white* and *black* characterized by

a high frequency of occurrence. The terms denoting colour are characterized by one-to-one correspondence [14. P. 76].

Another way of classifying colour names was suggested by experts in experimental psychology. It was based on the principle of “warm” and “cold” colours which influences the process of colour naming. “Warm” colours are considered to be stimulating colours as this group of colours is connected with the processes of activity and tension. The so-called “cold” colours are referred to the passive group. As a result of such distinction colour acquires additional meanings that belong to its psychological correlate and to its physical characteristics [2. P. 62].

Scholars pay special attention to the way colour functions in a literary piece [7. P. 68]. Colour image in literary pieces expresses the general emotional tone of the units of semantic field “colour”. Scholars stress the emotional tone of the situation or phenomenon expressed by the colour image in a literary piece that evokes the reader’s associations.

Repetitions of the units of the conceptual field “colour” leads to a greater effect the image described produces on the reader. Colour image is highly differentiated, which contributes to the integration of vague emotions and diminishes cognitive overloading. Colour image renders not only emotional but esthetic information in the process of communication. Different stylistic means help the author of a literary piece create the colour image by rendering the outer image which influences the reader emotionally and helps to reveal the sense implied. The colour image prompts the reader a number of associations and codes the national and emotional information of a literary piece. The author has to select such names of colour which render the plot most adequately, while the reader is expected to gain the right associations [7. P. 74]. Thus, the problem of colour picture of the world has been studied mainly from the angle of lingvoculture and from the point of cognitive — discursive outlook.

The insufficient number of papers devoted to the role of colour names in the process of verbalization of works of art in a literary piece enables us to claim the novelty of the given research.

Results

The research enabled us to monitor the way colour perception is expressed in the English language and how colour-denoting words influence both the characters and the plot of a literary piece. The results of our analysis of colour-denoting in English fiction are as follows.

O. Wilde’s novel “The Portrait of Dorian Grey” is characterized by a wide range of colour names, which serves as a means of the author’s outlook. In the very title we find the adjective *grey*, the general meaning of which is *colourless*; it denotes achromatic colour and when ascribed to a person, it expresses negative attitude. Within the text of the novel the meaning is modified. The main character’s temper and his mode of life prompt the reader that his surname is symbolic: it expresses negative connotation. For example, in the sentence *its gold would wither*

into grey we observe negative dynamics and regress, youth is turning into old age, beauty is transformed into weakness and ugliness. The adjectives denoting colour form the main group of colour names *white, green, yellow, blue, black, red, brown, gold, lilac, jade, purple, pink, violet, grey*. Within the conceptual field of colour we find not only adjectives but also nouns (*the scarlet, the white, the black*) and verbs (*to redden*).

Colour shades in the novel are rendered either by the elements of the corresponding lexico-semantic group *pale blue* or by means of word-composition *light-blue*. Compounding enables the author to point to the shades of the same colour and mixed colours as well.

Typical of the novel under discussion are specific adjectives used in preposition to the colour names. Among them we find colour names modified by colour intensifiers: *rich purple, deep green, dark red*. Some adjectives found in the book, while serving as a name for a certain colour, point out its shade: *blue-green, fawny yellow, golden brown, grey-green, rose-red, scarlet gold, rose-white, green-and-white, purple-and-gold*.

Some colour names coined by means of compounding contain names of objects of nature: *olive-green, copper-green, coin-red, pearl-coloured a buttercup-yellow landscape, corn-red hair, a copper-green sky, the great crocus — coloured robe, olive-stained oak, bright emerald-green, the snowy table-cloth, flesh-coloured stockings, honey-coloured blossoms, apricot-coloured light, moss-coloured jacket, wine-yellow stone, amber-coloured silk, jade-green, pearl-coloured, flame-red, cinnamon*.

The analysis proved that the most frequently used colour in the novel is red, the corresponding adjective serving as its language correlate: *in red foam* [15. P. 31], *the red petals* [15. P. 47], *red whiskered* [15. P. 199], *growing rather red* [15. P. 52].

Another colour which is important for the characteristics of Dorian Grey is blue (*his eyes are blue*), the corresponding adjective being its language correlate. This colour symbolizes freedom, the sky's clarity. This colour also denotes honesty, devotedness, noble-heartedness: *a blue thread* [15. P. 58], *buzzed round the blue — bowl* [15. P. 14], *the sodden eyes had kept something of the loveliness of their blue* [15. P. 73]. O. Wilde often uses green colour in his novel. The meaning of the corresponding adjective in English is associated with youth and being inexperienced: *the green lacquer leaves of the ivy* [15. P. 201], *I am no more to you than a green bronze figure* [15. P. 12].

In other cases the meaning of this colour is close to “fading”: *Yet it was watching him, with its beautiful marred face and its cruel smile. Its bright hair gleamed in the early sunlight. Its blue eyes met his own. A sense of infinite pity, not for himself, but for the painted image of himself, came over him. It had altered already, and would alter more. Its gold would wither into grey. Its red and white roses would die. For every sin that he committed, a stain would fleck and wreck its fairnyss. But he would not sin. The picture, changed or unchanged, would be to him the visible emblem of conscience. He would resist temptation* [15. P. 30].

To represent the portrait of young Dorian the author uses not only certain colours but their shades as well, which may be illustrated by the adjective rendering the colour shade — *coal black*. The meaning of the nucleus of the adjective *coal-black* is qualified as strong, negative and passive. This colour is associated with inner tension, disharmony and loneliness. All these features are ascribed to Dorian. So we can suppose that the author has chosen this colour to describe the young man's hair, thus implying that Dorian is bad-tempered and is doomed to hard lot.

In contrast to his temper, Dorian is really beautiful. To emphasize it, O. Wilde uses such attractive colours as *ivory, gold, rose, scarlet, blue*. The corresponding adjectives serve as epithets stressing the beauty of Dorian Grey. Ivory colour symbolizes luxury, tenderness, nobility and the like: *who looks as if he was made out of ivory*.

Golden [hair] symbolizes luxury as well as *ivory* [Adonis], the latter also denoting tenderness and nobility, rose colour — sweetness, exquisiteness *rose* [petals], blue colour prompts intelligence *blue* [eyes] [15. P. 3].

The above-mentioned colours are typical of Dorian when he is young, rich, light-minded, extravagant and optimistic. But later on, in accordance with the plot of the novel, we see the dynamics of the face colour of the man's portrait: *Perhaps, some day, the cruel look would have passed away from the scarlet sensitive mouth, and he might show to the world Basil Hallward's masterpiece* [15. P. 123].

Changes of the colour scheme contribute to the changes of the portrait which is expressed, in particular, with the help of metaphors: *Its gold would wither into grey; Its red and white roses would die*. So, we see that O. Wilde used to describe a symbolic meaning to a certain colour scheme, which helps the reader understand the characters' psychology better.

The results of the analysis of colour names in the novel "The Goldfinch" by D. Tartt are of special interest. The main figure of the novel is known to be *yellow* finch. The adjective modifying the name of the bird — *yellow* — denotes certain colour which implies certain connotations. It is *yellow* finch that causes the dramatic events in the novel. Despite its light and clarity which draws crowds, *yellow* finch symbolizes the forthcoming tragedy.

In some cases a certain colour scheme predetermines the way the character of literary piece perceives paintings. The statement may be illustrated by the following example. A small boy, Theo by name, the main character of the book under discussion, when brought to the art exhibition, associates the picture seen with red-black colour scheme: *The show was complicated to find, and as we wandered the busy galleries (weaving in and out of crowds, turning right, turning left, backtracking through labyrinths of confusing signage and layout) large gloomy reproductions of The Anatomy Lesson appeared erratically and at unexpected junctures, baleful signposts, the same old corpse with the flayed arm, red arrows beneath: operating theater, this way* [16. P. 28]. Here we come across the cases when colour meaning is implied in the meanings of the adjectives used in the given passage. The adjective *gloomy* implies the black colour of the gloom; the red colour

used in the attributive phrase *red arrows* causes excitement and stimulates agitation. Thus, the black-red colour scheme affects the character's imagination by its ugliness which causes repulsion and aversion towards works of art, namely, to some pictures of Dutch painters. In contradistinction to that is the device used by D. Tartt when he contrasts dark and light colours: *I was not very excited at the prospect of a lot of pictures of Dutch people standing around in dark clothes, and when we pushed through the glass doors — from echoing halls into carpeted hush — I thought at first we'd gone into the wrong hall. The walls glowed with a warm, dull haze of opulence, a generic mellowness of antiquity; but then it all broke apart into clarity and color and pure Northern light, portraits, interiors, still lifes, some tiny, others majestic: ladies with husbands, ladies with lapdogs, lonely beauties in embroidered gowns and splendid, solitary merchants in jewels and furs. Ruined banquet tables littered with peeled apples and walnut shells; draped tapestries and silver; trompe l'oeils with crawling insects and striped flowers. And the deeper we wandered, the stranger and more beautiful the pictures became. Peeled lemons, with the rind slightly hardened at the knife's edge, the greenish shadow of a patch of mold. Light striking the rim of a half-empty wine glass* [16. P. 29].

Dark clothes are contrasted to the things seen in pure Northern light, the latter making a positive effect on the recipient's imagination. The play of colours as described in the novel in some cases creates certain cultural images and may acquire symbolic meaning, as in the following example: *I like this one too, whispered my mother, coming up alongside me at a smallish and particularly haunting still life: a white butterfly against a dark ground, floating over some red fruit. The background — a rich chocolate black — had a complicated warmth suggesting crowded storerooms and history, the passage of time. They really know how to work this edge, the Dutch painters — ripeness sliding into rot* [16. P. 29].

The colour “triangle” *white-real-chocolate black* suggests the idea that everything in this world is temporary and passing, as the author himself expresses it: “*ripeness sliding into rot*”.

Every now and then colour makes part of the so-called psychological detail in the novel. It is the psychological detail that helps to verbalize the plot of the picture described. Moreover, the psychological detail helps to decipher the secret message of the artist that is implied in the picture: *Well, the Dutch invented the microscope, she said. They were jewelers, grinders of lenses. They want it all as detailed as possible because even the tiniest things mean something. Whenever you see flies or insects in a still life — a wilted petal, a black spot on the apple — the painter is giving you a secret message. He's telling you that living things don't last — it's all temporary. Death in life. That's why they're called natures mortes. Maybe you don't see it at first with all the beauty and bloom, the little speck of rot. But if you look closer — there it is* [16. P. 31].

By depicting the psychological details in this passage of the literary piece which are rendered with the help of attributive phrases *a wilted petal, a black spot on the apple* the author stresses the idea that beauty and bloom are not eternal.

The author expresses it in a metaphoric way: *death in life*. The black spot that implies life always ends with death.

Curious enough, in certain cases a character of a literary piece makes literary allusions to the work of art by associating the contents of what is written with visual imagery: *Kay smiled. He was always making these funny literary allusions. "Why Thys Maris?" she demanded. "Read this and see if it doesn't remind you of a Maris canvas, where the writer describes an old castle on a rock, with the autumn woods in twilight, and in the foreground the black fields, and a peasant who is ploughing with a white horse."* [16. P. 44]

One of the characters of I. Stone's novel "Lust for Life", Kay, is inclined to associate the description of a certain location with what is depicted in a well-known picture that he perceives in a white-and-black colour scheme. It is rendered in the novel by the attributive phrases *the black fields, a white horse*, which are contrasted as the black colour is more often than not associated with maliciousness, while the white colour symbolizes the attribute of divine powers struggling with the evil.

Close to the above-mentioned scheme of perception of a picture is the scheme where together with white and black colours the brown one is used: *He stood in silence before Mauve's painting, a large picture of a fishing smack being drawn up on the beach by horses. He knew that he was looking at a masterpiece. The horses were nags, poor, ill-treated old nags, black, white and brown; they were standing there, patient and submissive, willing, resigned and quiet. They still had to draw the heavy boat up the last bit of the way; the job was almost finished. They were panting, covered with sweat, but they did not complain. They had got over that long ago, years and years ago. They were resigned to live and work somewhat longer, but if tomorrow they had to go to the skinner, well, be it so, they were ready. Vincent found a deep, practical philosophy in the picture* [17. P. 266].

Brown colour is considered to be the colour of common people symbolizing poverty and hopelessness: the character is working hard but is still famished and sleep-deprived despite being a righteous person. The colour scheme of the picture prompts the reader the development of the plot: the character Vincent Van Gogh is destined to find himself in the Borinage mines where he would vainly confront the suffering of local people.

Another colour that is of great importance in the process of verbalizing of pictures is the yellow one, which plays an important role in Van Gogh's works of art: *He settled down to work. He found that bistre and bitumen, which most painters were abandoning, made his colouring ripe and mellow. He discovered that he had to put little yellow in a colour to make it seem very yellow, if he placed it next to a violet or lilac tone* [17. P. 357].

The meaning of this colour is positive as in Christianity, it is associated with the colour of the Holy Spirit, of divine revelation and enlightenment. This colour correlates with the artist's creative rise. At the same time his health deteriorates and he is seeking harmony in colours, choosing violet and lilac for balance, which is meant to bring him piece of mind.

A place of its own within the problem of colour meaning is given to the question of rendering of light in works of art verbalized in fiction. Light and transparent colour scheme are known to render high spirits and evoke the recipient's positive emotions, which can be illustrated by the example from the book "Lust for Life" (verbalization of Georges-Pierre Seurat's picture), where the adjective *light* serves as the key word: *The scene represented the Island of the Grande Jatte. Architectural human beings, made out of infinitely graduated points of colour, stood up like poles in a Gothic cathedral. The grass, the river, the boats, the trees, all were vague and abstract masses of dotted light. The canvas was done in all the brightest shades of the palette, lighter than those Manet or Degas or even Gauguin dared to use. The picture was a withdrawal into a region of almost abstract harmony. If it was alive, it was not with the life of nature. The air was filled with glittering luminosity, but there was not a breath to be found anywhere. <...> I make my luminous colours dominant, so, and my warm tone dominant, so. There! Doesn't that suggest the abstraction of gaiety?" <...> "Listen! What is painting today? Light. What kind of light? Gradated light. Points of colour flowing into each other..." "That's not painting, that's pointillism!" [17. P. 402, 405, 452]*

Significantly enough, light colour is rather frequently transmitted through the use of the noun "sun" which embodies the idea of the light as we find in the episodes of verbalizing the general tone of Dega's and Gauguin's works of art: *The paintings that laughed at him merrily from the walls were like nothing he had ever seen or dreamed of. Gone were the flat, thin surfaces. Gone was the sentimental sobriety. Gone was the brown gravy in which Europe had been bathing its pictures for centuries. Here were pictures riotously mad with the sun. With light and air and throbbing vivacity. Paintings of ballet girls backstage, done in primitive reds, greens, and blues thrown next to each other irreverently. He looked at the signature. Degas [17. P. 376].*

Vincent had been prepared to see something unusual, but he could feel nothing but stunned amazement at Gauguin's work. He saw a confused mass of sun-drenched pictures; trees such as no botanist could discover; animals the existence of which had never been suspected by Cuvier; men whom Gauguin alone could have created; a sea that might have flowed out of a volcano; a sky which no God could inhabit. There were awkward and angular natives, with the mystery of the infinite behind their naive, primitive eyes; dream canvases done in blazes of pink and violet and quivering red; sheer decorative scenes in which wild flora and fauna burst with the heat and light of the sun [17. P. 399].

Conclusion

So we realize that colour names are used in literary pieces in their direct and metaphoric meanings. Of special interest are cases when the author treats this or that colour according to his outlook, which results in symbolic meaning ascribed to the colour.

Adjectives denoting colour and its different shades form the main lexicosemantic group of the conceptual field "colour". Adjective are also used in

combination with names of living nature and still life. Colour names may be used in their direct, figurative and symbolic meanings, the most frequently used were found out. It is proved that colour naming is closely connected with specific psychoemotional load and may affect positive or negative value of the object described.

When combined with other psychological details, colour name may change its meaning and acquire a symbolic meaning, thus performing the esthetic function. An attempt was made to determine the author's idea of further development of the plot.

The results gained during the analysis of colour meaning in literary pieces will contribute to systematic knowledge about colour perception and its interpretation in fiction from esthetic angle.

References

1. Novikov, L.A. (2001). *Selected works*. Vol. I. Problems of linguistic meaning. Vol. II. Aesthetic aspects of language. Miscellanea. Moscow: RUDN University. (In Russ.).
2. Polyakova, D.N. (2005). Some features of naive and professional linguo-color pictures of the world. In: *Languages of Professional Communication: Proceedings, Chelyabinsk, November 1—2, 2005*. Chelyabinsk. pp. 62—67. (In Russ.).
3. Soseliya, E.G. (1991). Semantic features of color designation terms. In: *Historical linguistics and typology*. Moscow: Nauka publ. pp. 20—25. (In Russ.).
4. Perfilieva, N.V., Peihua, W., Novospasskaya, N.V. & Lazareva, O.V. (2018). Cultural Code of Color Terms in Chinese and Russian Languages. In: *Wlc 2016: World Lumen Congress. Logos Universality Mentality Education Novelty (Lumen 15th Anniversary Edition)*. URL: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/104/4964/article_104_4964_pdf_100.pdf (accessed: 23.03.2021). <https://doi.org/10.15405/EPSBS.2019.03.02.171>
5. Pasechnik, T.B. & Savelieva, I.G. (2019). What is the Colour of the Feeling (A Case Study of English Idioms with Colour Components). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(3), 714—721. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-3-714-721> (In Russ.).
6. Kulpina, V.G. (2008). Presentation in linguodidactics of color stereotypes as socio-mental categories. In: *Language. Culture. Communication*. Moscow. pp. 312—328. (In Russ.).
7. Shelepova, N.V. (2005). Cognitive and semantic aspects of English color terms. *Issues of cognitive linguistics*, 2, 72—76. (In Russ.).
8. Bogdanova, I.A. (2015). *Fadeless color*. Moscow: Sibirskaja Blagozovonnica. (In Russ.).
9. Vasilevich, A.P. (1987). *The study of vocabulary in a psycholinguistic experiment: on the material of color terms in languages of different systems*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
10. Gataullina, L.R. (2004). Review of views on color within the framework of various linguistic concepts. In: *Questions of the functioning of language units*. Ufa. pp. 114—122. (In Russ.).
11. Komarova, Z.I. & Talapina, M.B. (2011). *Linguistic color picture of the world: achromatic fragment*: monograph. Ekaterinburg: the Ural Federal University named after V.I. the First President of Russia B.N. Yeltsin. (In Russ.).
12. Berlin, B. & Kay, P. (1969). *Basic Color Terms: their universality and evolution*. Los Angeles: Berkeley.
13. Frumkina, R.M. (1984). *Color, meaning, similarity*. Moscow. (In Russ.).
14. Komova, T.A. (2000). Color terms as an object of categorization: based on Russian and English languages. In: *Cognitive aspects of language categorization: collection of articles*. Ryazan: RGPU them. Yesenin. pp. 76—82. (In Russ.).
15. Wilde, O. (2010). *The Picture of Dorian Gray*. London: Collins Classics.
16. Tartt, D. (2015). *The Goldfinch*. New York; Boston; London: Little, Brown.
17. Stone, I. (2001). *Lust for Life*. London: Arrow Books.

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. I. Проблемы языкового значения. Т. II. Эстетические аспекты языка. *Miscellanea*. М.: РУДН, 2001.
2. Полякова Д.Н. Некоторые особенности наивной и профессиональной лингвоцветовой картин мира // Языки профессиональной коммуникации: материалы 2-й междунар. науч. конф., Челябинск, 1—2 ноября 2005 г. Челябинск, 2005. С. 62—67.
3. Соселия Э.Г. Семантические особенности терминов цветообозначения // Историческая лингвистика и типология. М.: Наука, 1991. С. 20—25.
4. Perfilieva N.V., Peihua W., Novospasskaya N.V., Lazareva O.V. Cultural Code of Color Terms in Chinese and Russian Languages // *Wlc 2016: World Lumen Congress. Logos Universality Mentality Education Novelty (Lumen 15th Anniversary Edition)*. 2018. Режим доступа: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/104/4964/article_104_4964_pdf_100.pdf (дата обращения: 23.03.2021). <https://doi.org/10.15405/EPSSBS.2019.03.02.171>
5. Пасечник Т.Б., Савельева И.Г. Какого цвета чувства? (на материале английских идиом с цветообозначениями) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 10 (3). С. 714—721. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-3-714-721>
6. Кульпина В.Г. Презентация в лингводидактике цветовых стереотипов как социоментальных категорий // Язык. Культура. Общение. М., 2008. С. 312—328.
7. Шелепова Н.В. Когнитивный и семантический аспекты английских цветообозначений // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2. С. 72—76.
8. Богданова И.А. Неувядаемый цвет. М.: Сибирская Благовонница, 2015.
9. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: на материале цветообозначения в языках разных систем. М.: Наука, 1987.
10. Гатаулина Л.Р. Обзор взглядов на цвет в рамках различных лингвистических концепций // Вопросы функционирования языковых единиц. Уфа, 2004. С. 114—122.
11. Комарова З.И., Таланова М. Б. Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент: монография. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2011.
12. Berlin B., Kay P. *Basic Color Terms: their universality and evolution*. Los Angeles: Berkeley, 1969.
13. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. М., 1984.
14. Комова Т.А. Цветообозначения как объект категоризации: на материале русского и английского языков // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. тр. Рязань: РГПУ им. Есенина, 2000. С. 76—82.
15. Wilde O. *The Picture of Dorian Gray*. London: Collins Classics, 2010.
16. Tartt D. *The Goldfinch*. New York; Boston; London: Little, Brown, 2015.
17. Stone I. *Lust for Life*. London: Arrow Books, 2001.

Information about the authors:

Faina I. Kartashkova, DSc in Philology, Professor, Professor of the chair of foreign philology, Head of the educational-scientific centre “Laboratory of People’s Communicative Behavior” of Ivanovo State University, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation; e-mail: kartashkova@rambler.ru

Lyubov E. Belyaeva, PhD student of the Chair of foreign philology of Ivanovo State University, Lecturer at the Department of Foreign Philology, Institute for the Humanities; e-mail: belyalyubov@yandex.ru

Сведения об авторах:

Карташкова Фаина Иосифовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии, руководитель научно-образовательного центра «Лаборатория коммуникативного поведения человека» Ивановского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования РФ; e-mail: kartashkova@rambler.ru

Беляева Любовь Евгеньевна, аспирант, преподаватель кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук, Ивановский государственный университет; e-mail: belyalyubov@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ. СОБЫТИЯ BOOK REVIEWS. EVENTS

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-213-223

УДК 811.161.1'23

Рецензия на книгу: Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966—1921) / научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания–ММА, 2021. 626 с.

Н.Л. Чулкина

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉ chulkina-nl@rudn.ru

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

Для цитирования:

Чулкина Н.Л. Рецензия на книгу: Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966—1921) / научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания–ММА, 2021. 626 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 213—223. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-213-223>

UDC 811.161.1'23

Book review: I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva & E.Y. Myagkova (eds.). Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966—1921). Moscow: Institute of Linguistics-MMA, 2021. 626 p.

Nina L. Chulkinina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
✉ chulkina-nl@rudn.ru

Article history:

Received: 01.03.2021

Accepted: 15.11.2021

© Чулкина Н.Л., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation:

Chulkina, N.L. (2022). Book review: I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva & E.Y. Myagkova (eds.). *Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966—1921)*. Moscow: Institute of Linguistics-MMA, 2021. 626 p. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 213—223. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-213-223>

На фоне метафорических и интригующих заголовков многих научных публикаций последних лет название коллективной монографии отечественных психолингвистов выглядит весьма стандартно и даже буднично — «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966—2021)». Однако уже один только просмотр Содержания сразу дает представление о масштабности этого направления российской науки о языке как речевой деятельности. И уже здесь обозначены несколько измерений этого научного труда.

Прежде всего, это исторический обзор, которому посвящен специальный раздел «Из истории российской психолингвистики» и который дает четкое представление о том, «как все начиналось», и об основополагающих постулатах зародившейся в 60-е годы XX века самостоятельной отрасли отечественного языкознания, о ее теоретическом фундаменте — теории речевой деятельности.

Следующий впечатляющий параметр — география, территориальный охват: развитие различных направлений психолингвистических исследований в регионах России: от Москвы и Петербурга до Омска и Новосибирска, Твери и Воронежа, Курска, Перми, Челябинска, Архангельска, Екатеринбургa, Уфы, Саратова; отметим также города бывшего СССР — Минск, Харьков, Черновцы, Чимкент; ряд психолингвистов находится в настоящее время в дальнем зарубежье — А.П. Журавлев, И.Э. Клюканов, И.Л. Медведева, Н.В. Мохамед (Рафикова), И.Г. Овчинникова, В.П. Белянин, Е.Ю. Протасова, Т.Ю. Сазонова, А.П. Сдобнова.

Наконец, колоссальный размах экспериментальных исследований, проводимых Московской психолингвистической школой в регионах — в Сибири, на Урале, в Татарстане и в Крыму.

Отдельно следует сказать и об организации и проведении в течение пяти десятилетий крупных Международных конгрессов, симпозиумов и конференций в разных странах мира и на родине — в России.

Структурно монография состоит из 6 крупных разделов, представляющих различные психолингвистические школы и направления, и трех Приложений, в которых содержатся наукометрические показатели ведущих российских психолингвистов, избранные монографии и пособия по психолингвистике и отдельные диссертации по психолингвистике (1966—2021).

В каждом разделе подробно описывается то или иное направление исследований, обсуждаются его теоретическое обоснование и применяемые методы. Однако при этом очень важным достоинством российской психолингвистики является то, что при всех различиях решаемых задач, используемых

методов, подчас неоднозначности получаемых результатов исследований или их интерпретации, порой недостаточной согласованности в использовании терминологии, российской психолингвистике как научному направлению удалось сохранить целостность и избежать «растаскивания по углам» отдельных, не связанных друг с другом аспектов изучения. Напротив, рассматриваемая монография является коллективной не просто по количеству авторов, а по самой своей сути: у всех представленных в ней исследований один *общий объект*, обозначенный ее основателем А.А. Леонтьевым, — *речевая деятельность* в разных ее ипостасях и созданная на основе ее изучения — *теория речевой деятельности*.

При этом важным является определение по-новому осмысленного в рамках данного направления *предмета лингвистики — языка как деятельности-ной структуры*, а саму теоретическую платформу, на которой зиждется российская психолингвистика, как *теории речевой деятельности* (ТРД), разработанной отечественной психологией (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Н.И. Жинкин, А.Р. Лурье). Именно рассмотрение языка не как застывшей, константной структуры (результата метаязыкового анализа лингвистов), а как деятельности сознания и духа человека, является отличительной чертой и конституирующим/направляющим вектором российской психолингвистики. При этом название этой науки — *психолингвистика* — это не результат механического соединения достижений психологии и лингвистики, а глубоко осмысленное, выстроенное и экспериментально подтвержденное самостоятельное учение.

Во введении «От редколлегии» составители монографии Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Е.Ю. Мягкова так кратко резюмируют основные направления развития российской психолингвистики: «Наиболее существенными достижениями российской психолингвистики можно признать модель порождения речи (Т.В. Ахутина — Рябова, А.А. Леонтьев), представление о языке как о деятельности-ной структуре и о значении как социокультурном феномене (А.А. Леонтьев), теорию языкового сознания (Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева), теорию речевого общения (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов), теорию лакун (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина), модель восприятия (смыслового восприятия) речи (И.А. Зимняя), теорию слова как единицы индивидуального лексикона и модель понимания текста (А.А. Залевская), интент-анализ текста (Т.Н. Ушакова и др.), сетевую психолингвистическую модель образа мира (ассоциативно-вербальная сеть) и принципы ее анализа (Н.В. Уфимцева, И.В. Шапошникова)» [1. С. 14].

Очевидно, что жанр журнальной рецензии не позволит нам сделать подробный анализ психолингвистических исследований как в историческом аспекте, так и современного состояния этой важной области лингвистики. Тем не менее, мы надеемся, что даже беглый обзор включенных в коллективную монографию работ позволит составить представление о теоретической базе, экспериментальных проектах, их широком междисциплинарном диапазоне.

Еще одно важное положение связано с местом Российской психолингвистики в мировой науке о языке. Вот как об это пишут авторы раздела «От редколлегии»: «Не вызывает сомнения, что в теоретическом, методологическом и прикладном аспектах основная проблематика и результаты ее разработки отечественной психолингвистикой не имеют аналогов в мировой лингвистике и психолингвистике или представлены совершенно оригинальными концепциями и методами» [1. С. 15].

Итак, коротко представим основные разделы монографии. Их, как мы уже отметили выше, — шесть.

Первый раздел «Из истории российской психолингвистики» посвящен основным этапам формирования этой науки о языке. В подразделе «1.1. Методологические основания отечественной психолингвистики» подчеркивается, что «Культурно-исторический подход Л.С. Выготского и системно-деятельностный А.Н. Леонтьева, в рамках которых построены психологические теории, находящие применение в анализе речевых процессов в ТРД, пока не знают альтернатив» [1. С. 20]. В подразделах, написанных И.В. Журавлевым, подробно раскрывается роль этих двух отечественных ученых-психологов. Приведем здесь лишь резюмирующие слова Л.С. Выготского, представляющие соотношение языка-речи и мысли, которые легли в основу разработанной в дальнейшем психолингвистами теории речевой деятельности: «Речь по своему строению не представляет собой простого зеркального отражения строения мысли. Поэтому она не может надеваться на мысль, как готовое платье. Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. *Мысль не выражается, но совершается в слове*» <...> Путь «от мысли к слову» — это не оречевление изначально бессловесной мысли, не «ассоциация» между «готовой» мыслью и «готовым» словом, а *формирование* мысли, «живая драма», *жизнь мысли внутри слова* [2. С. 271].

Чрезвычайно важным в контексте этого положения является также определение Л.С. Выготского об отношении между словом и значением (а значит, и между словом и мыслью), а также между значением и предметом: «Значение предстает не как «представление предмета», «мысль о предмете» и т.п., а как *форма общения и обобщения*, которая изменяется в ходе развития языка и развития психики. <...> Значение слова не константно. Оно изменяется в ходе развития ребенка. Оно изменяется и при различных способах функционирования мысли. Оно представляет собой скорее динамическое, чем статическое образование» [2. С. 268].

Отталкиваясь от этих представлений, российские психолингвисты разработали теорию *предметного значения*. А.Н. Леонтьев полагал, что «значения преломляют мир в сознании человека. Хотя носителем значений является язык, но язык не демиург значений. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность» [3. С. 105—106].

История предпосылок и этапов формирования теории речевой деятельности как теоретической основы российской психолингвистики в рецензируемой монографии посвящено несколько разделов, написанных ведущими отечественными психолингвистами (Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, В.А. Пищальникова, И.В. Журавлев). В этой истории центральное место занимает Московская психолингвистическая школа. Прослеживая этапы развития этой научной школы с позиции сегодняшнего дня, нельзя не отметить четкую логику в траектории выстраивания основных теоретических постулатов — от теории совместной деятельности, органично включающей в себя речевую деятельность и речевое общение, к формированию теории языкового сознания.

Одним из ключевых направлений исследований Московской психолингвистической школы — разработка теории речевого общения. Важнейший постулат этой теории, ее «исходное методологическое положение, основанное на наблюдении за процессами совместной деятельности (СД) и речевого общения (РО), состоит в утверждении их неразрывной генетической связи. <...> предлагаемая модель РО — это модель в рамках не информационного, а системно-деятельностного подхода, который позволяет анализировать РО в контексте реальной жизни коммуникантов, понимаемой как СД, погруженную в РО <...> РО состоится только в том случае, если знания, ассоциированные с телами языковых знаков в речевой цепочке, будут общими для обоих коммуникантов <...> информация в РО *не передается, а создается* реципиентом в качестве реакции на воспринятое речевое сообщение (в виде цепочки тел языковых знаков) и *каждый раз заново*» [1. С. 72—73].

Важность такого преимущества психолингвистического подхода обнаруживается на фоне игнорирования проблемы общности сознаний коммуникантов в теоретической лингвистике. При этом психолингвисты не утверждают, что им удалось решить все проблемы исследования речевого общения. Напротив, они отмечают, что теорию речевого общения (ТРО) «на современном этапе нельзя считать полностью сформированной. Для дальнейшего развития ТРО необходима обширная программа экспериментальных исследований» [1. С. 75].

Следующий подраздел, представляющий Московскую психолингвистическую школу, написан Е.Ф. Тарасовым и посвящен исследованию *языкового сознания*. На сегодняшний день это направление получило развитие не только в МПШ, но и в различных регионах РФ.

Одним из важнейших вопросов теории языкового сознания является вопрос о связи между неязыковым и языковым сознанием. И здесь принципиальным для психолингвистического взгляда является, сформулированное С.Э. Поляковым положение о том, что: «С помощью вербальных конструкций люди не только вербально конструируют (или повторно по-новому репрезентируют) реальность, доступную восприятию и уже чувственно репрезентированную ими, но и „препарируют“, „расчлениают“ и видоизменяют ее. Они также вербально конструируют реальность недоступную восприятию»

[4. С. 165]. Если в традиционной лингвистике, исследуя содержание текста, аналитик конструирует и анализирует сам это содержание как содержание собственного сознания, то психолингвистика опирается на *редуцированное вербальное сознание испытуемых*.

Нельзя не остановиться хотя бы кратко и на понятии *внутренней речи*, сформулированное Л.С. Выготским и принятое в психолингвистике для обозначения «*промежуточной формы, опосредующей связь индивидуальной образной формы мысли с внешней речью*. <...> «Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. <...> Действительное и полное понимание чужой мысли становится возможным только тогда, когда мы вскрываем действительную, аффективно-волевою подоплеку [1. С. 80].

Раздел 1.5 — *Направления современной отечественной психолингвистики как следствие расширения предметной области исследования*, написанный В.А. Пищальниковой, посвящен обзору новых аспектов изучения языкового сознания с применением различных методов его моделирования в гендерном и возрастном аспектах. Так, представители Омской школы психолингвистики проводят комплексное изучение ценностей пожилого человека, которое осуществляется на основе аутентичных разговоров лиц «в возрасте поздней зрелости» во всех сферах деятельности с последующим моделированием типичных моделей коммуникации и установлением различий «поколенческой и возрастной специфики языка — речи» определением «ценностно-оценочных составляющих дискурсов с субъектами речи в возрасте “обычной” и “поздней” зрелости» [5].

Чрезвычайно важное и, если хотите, политическое значение приобретают исследования, направленные на осуществление социальных программ, в том числе региональных, связанных с *вербальным диагностированием внутриэтнической и межэтнической напряженности и напряженности в отношениях между разными социальными группами* населения страны [6].

В настоящее время актуальны *психолингвистические исследования базисных духовно-нравственных ценностей/антиценностей* [7] и идеалов современной личности и факторов, определяющих социально-психологическую адаптацию человека к условиям мегаполиса.

Сравнительно недавно открытое отдельное направление составляют психолингвистические исследования, объединенные общим названием «*Лингвистическая безопасность*» [8], в рамках которого изучаются разные аспекты влияния современной лингвистической экспансии, ведущей к деформации национального языка, познавательных моделей и стратегий под воздействием информационных технологий. В монографии справедливо отмечается, что «Прагматически это важно для сохранения стабильности языка как самобытной семиологической структуры, а, следовательно, сохранения специфической ментальности народа, его познавательных моделей и стратегий, без чего

невозможно сохранение народа как этнической целостности. Во-вторых, психолингвисты обосновывают необходимость законодательно урегулировать практически бесконтрольное использование лингвопсихологических методов информационного воздействия на индивидуальное и массовое сознание, осуществляющегося, например, в рекламе и иных речевых продуктах СМИ» [1. С. 120].

При всем многообразии различных и, безусловно, важных направлений современной психолингвистики можно сказать, что **моделирование и исследование языкового сознания** сегодня составляет стержень этой отрасли знаний о языке-способности. В ряду экспериментальных исследований назовем *гендерные исследования* этого феномена с опорой на понятие *психолингвистическое значение слов*, под которым понимается «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка; тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов — более и менее ярких, ядерных и периферийных» [9. С. 125]. Эти исследования позволяют делать вывод о сходствах и различиях в образах языкового сознания мужчин и женщин. В монографии приведены конкретные данные проводимых исследований и список литературы по теме в конце раздела [9. С. 127—132].

Ответом на упреки оппонентов этого направления в использовании респондентов только одной социальной группы — студентов вузов России, явился проект **«Языковое сознание: возрастной аспект»**, который осуществляется на кафедре русского языка, славянского и классического языкознания Омского ГУ им. Ф.М. Достоевского в рамках широкой научной темы «Лингвистические исследования человека в русском языке, речи, языковом сознании» с 2000-х гг. Проект объединяет теоретические и экспериментальные исследования языкового сознания подростков, детей и взрослых носителей русского языка разного возраста, включая пожилых.

Этот масштабный междисциплинарный проект осуществлялся в несколько этапов с использованием различных психолингвистических, социолингвистических и когнитивных методик. Так как он ограничен территориально г. Омском и Омской областью, было введено понятие *региональное языковое сознание*. Как отмечают авторы этого проекта (Л.О. Бутакова (руководитель), Н.В. Орлова, Е.Н. Гуц, О.В. Коротун), перед ним стоят задачи «исследовать динамику этической, эстетической, эмоционально-оценочной составляющих языкового сознания жителей города Омска с акцентированием возрастной, гендерной, социальной дифференциации информантов» [1. С. 133].

В монографии также подробно представлены результаты исследований в рамках данного проекта. Не имея возможности представить эти результаты в рецензии, отсылаем заинтересованных исследователей к рецензируемой коллективной монографии и списку литературы в конце раздела [1. С. 133—148].

Не менее масштабное исследование возрастного параметра языкового сознания проведено в г. Саратове под руководством А.П. Здобновой. В этом проекте ставилась и была успешно решена задача создания модели языкового сознания школьников, модели ментального лексикона: совокупный лексикон школьников; его возрастные, гендерные и другие варианты; базовая часть лексикона; ядро ментального лексикона (ЯЛ) и его возрастные, гендерные и другие варианты; периферия лексикона.

Специальный раздел монографии посвящен *этнопсихолингвистическим исследованиям* (В.А. Пищальникова). В современных условиях глобализации и сопровождающих ее сложных процессов национальной идентификации подобные проекты приобретают особую значимость. Автором данного раздела, в частности, отмечается, что «сохранение этнической идентичности становится проблематичным в условиях глобализации, проявляющейся в целенаправленном и даже агрессивном распространении американских и так называемых «европейских» ценностей, хотя одновременно резко активизируется защитная функция этнической культуры, что приводит к напряженности в межэтнических отношениях» [1. С. 178].

В монографии подчеркивается, что «этнопсихолингвистика — наука интегративного типа, объединяющая в себе изучение разных сторон речевой деятельности как одного из видов психической деятельности человека в аспекте ее национально-культурной вариантности.

В рамках этого направления создана большая экспериментальная база, в которой нашли отражение социальное, гендерное, возрастное варьирование ядра этнической культуры, этнической ментальности и этнокультурных норм поведения. «На этой основе осуществляется лингвистическое моделирование базовых ценностей ядра национальных культур и социальных трендов современной культуры, создаются двуязычные и многоязычные ассоциативные словари, вышел в свет первый ассоциативный многоязычный словарь базовых ценностей, который тоже можно рассматривать как фундамент социо- и этнолингвистических исследований» [5. С. 178]. И это лишь небольшая часть проводимых исследований.

Следует отметить, что несмотря на полученные результаты, этнопсихолингвистика не стоит на месте, а участники этого большого проекта дают себе отчет о существующих проблемах и нерешенных задачах. Так, автор рассматриваемого раздела В.А. Пищальникова отмечает, что «исследование национально-культурной специфики элементов языка в перечисленных выше аспектах нельзя считать исчерпывающим. Во-первых, эти аспекты, как правило, не учитывают и не могут учесть всего многообразия факторов, влияющих на этнически специфичную речевую деятельность. Во-вторых, они не пытаются вскрыть механизмы, лежащие в основе такой деятельности, и, таким образом, не отвечают на вопрос о специфике речевой деятельности того или иного этноса. В-третьих, они не объясняют принципов понимания в межкультурной коммуникации» [1. С. 178].

Еще два раздела, посвященные энопсихолингвистике, истории ее возникновения и развития, написаны Н.В. Уфимцевой. Автор устанавливает органическую связь этой области с теорией речевой деятельности как основы отечественной психолингвистики. И здесь снова обнаруживается прочная «скрепа» всех направлений этой науки о языке.

Этническая конфликтология, выделенная Ю.А. Сорокиным как возможная область этнопсихолингвистических исследований, получила в последнее время активное развитие. Отметим широкомасштабное исследование, выполненное сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН «Конфликтотенные зоны в языковом сознании русских, коми, якутов, татар и бурят: межъязыковые параллели» [10].

В рамках этой тематики находится **теория лакунарности**, разрабатываемая Ю.С. Сорокиным и его ученицей И.Ю. Марковиной и также вошедшая в рецензируемую коллективную монографию.

Нельзя не остановиться хотя бы коротко на разделе **Концепция языковой личности в системе наук о человеке**, автором которого является И.В. Шапошникова (Новосибирск). Развитие этой концепции, разработанной в конце XX — начале XXI века Ю.Н. Карауловым, снова подтверждает тезис о востребованности сегодняшней лингвистикой идей о необходимости изучать язык как часть наук о «человеке говорящем». Вот как пишет об этом И.В. Шапошникова: «Общая, как нам думается, для психологии и лингвистики концентрация на функционально-смысловом, психо-когнитивном содержании личности как саморегулирующемся динамическом смысловом поле с учетом ее включенности в смысловое поле культуры и должна быть в центре внимания междисциплинарного исследования» [1. С. 203].

Нельзя не отметить достижения **тверской психолингвистической школы**, основанной А.А. Залевской в 60—70-х годах прошлого века и продолжающей сегодня свои исследования ментального лексикона, процесса понимания текста, проблем двуязычия (А.А. Залевская, Н.О. Золотова, Е.Ю. Мягкова, Н.В. Мохамед (Рафикова)).

Раздел 4 монографии посвящен **ассоциативной лексикографии** и его авторы (И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева и др.) представляют описания ассоциативных словарей разных типов, как уже вышедших, так и находящихся в процессе подготовки. Мы не имеем возможности привести здесь данные о составлении и содержании этих словарей, на основе которых проведены и проводятся многочисленные исследования обыденного языкового сознания носителей русского языка и некоторых иностранных языков. Заинтересованным читателям рекомендуем обратиться к соответствующей главе и специальному приложению, помещенному в конце монографии. Скажем только, что в создание этих мощных баз данных были вложены колоссальные усилия их составителей — большой группы ученых-психолингвистов Москвы, Новосибирска, Твери, Омска и других городов России.

Подводя итоги работы по созданию ассоциативных словарей различных типов, составители рецензируемой монографии представляют солидный

список их использования в различных областях: образования; переводоведения и автоматизации перевода; в компьютерной лингвистике и автоматической обработке текстов; в рекламе; изучении социальных отношений; в гендеристике и изучении индивидуальных отличий.

В Заключении составители этого монументального труда представляют также и перспективы развития российской психолингвистики. Это продолжение и расширение исследований языкового и лингвокультурного сознания, расширении проблематики, связанной с межкультурной коммуникацией; в развитии исследований по смысловому восприятию мультимодальных текстов.

Завершая обзор коллективной монографии «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966—2021)», мы отдаем себе отчет в том, что не смогли исчерпывающе перечислить все направления этой науки и тем более подробно их представить. Но мы также надеемся, что даже такое короткое обозрение привлечет внимание всех лингвистов, заинтересованных в расширении сферы гуманитарных наук и углублении наших знаний о «человеке говорящем». И еще: мы хотим выразить благодарность составителям этого монументального труда (объемом в 700 страниц!) и всем авторам, представившим в нем свои исследования.

Библиографический список

1. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966—2021): коллективная монография / научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания—ММА, 2021.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.—Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.
3. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012.
4. *Поляков С.Э.* Концепты и другие конструкции сознания. СПб: Питер, 2017.
5. *Пищальникова В.А., Адамова З.Г., Кошелева Ю.П., Панарина Н.С., Хлопова А.И., Пэй Цайся, Яо Чжипэн.* Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей. М.: Р. Валент, 2020.
6. *Кирилина А.В., Терентий Л.М.* Опыт лингвистической диагностики межнациональной напряженности в интернет-дискурсе // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1. С. 130—139.
7. *Яо Чжипэн.* Содержательная специфика этического понятия «вежливость» — «貌» в русском и китайском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.
8. *Баженова И.В., Пищальникова В.А.* Актуальные проблемы лингвистической безопасности: монография М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2015.
9. *Стернин И.А., Рудакова А.В.* Трафаретная модель описания психолингвистического значения слова // Психолингвистика и лексикография. 2015. Вып. 2. С. 97—110.
10. *Балясникова О.В., Уфимцева Н.В.* Конфликтогенные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 19. № 1. С. 28—40.

References

1. Russian psycholinguistics: results and prospects (1966—2021): *A collective monograph.* (2021), I.A. Sternin, N.V. Ufimtseva, E.Yu. Myagkova (eds.). Moscow: Institute of Linguistics-MMA. (In Russ.).

2. Vygotsky, L.S. (1934). *Thinking and speech*. Moscow-Leningrad: State Socio-Economic Publ. (In Russ.).
3. Leontiev, A.N. (2012). *Activity. Conscience. Personality*. Moscow: Kniga. (In Russ.).
4. Polyakov, S.E. (2017). *Concepts and other constructions of consciousness*. St. Petersburg: Peter. (In Russ.).
5. Pishchalnikova, V.A., Adamova, Z.G., Kosheleva, Yu.P., Panarina, N.S., Khlopova, A.I., Pei Tsai & Yao Zhipeng. (2020). *Bilingual associative dictionary of basic values*. Moscow: R. Valent. (In Russ.).
6. Kirilina, A.V. & Terenty, L.M. (2016). The experience of linguistic diagnostics of interethnic tension in Internet discourse. *Journal of Psycholinguistics*, 1, 130—139. (In Russ.).
7. Yao, Zhipeng. (2019). *The content specificity of the ethical concept of “politeness” — “貌” in Russian and Chinese: [dissertation]*. Moscow. (In Russ.).
8. Bazhenova, I.V. & Pishchalnikova, V.A. (2015). *Actual problems of linguistic security: monograph*. Moscow: UNITY: Zakon i pravo. (In Russ.).
9. Sternin, I.A. & Rudakova, A.V. (2015). Stencil model of the description of the psycholinguistic meaning of the word. *Psycholinguistics and lexicography*, 2, 97—110. (In Russ.).
10. Balyasnikova, O.V. & Ufimtseva, N.V. (2019). Conflictogenic zones of linguistic consciousness in intercultural interaction. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19(1), 28—40. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Чулкина Нина Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: психолингвистика, лингвокультурология, лексикография; *e-mail*: chulkina-nl@rudn

Information about the author:

Nina L. Chulkina, Doctor of philology studies, Associate professor, Professor at the Department of general and Russian linguistics, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia); *Research interests*: psycholinguistics, linguoculture, lexicography; *e-mail*: chulkina-nl@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-224-238

УДК 811.16'373:398.9(063)

Информационная статья

**Международная научная конференция
«СЛАВОФРАЗ-2021»
г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины¹,
29—30 ноября 2021 года**

Е.В. Ничипорчик

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
246028, Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104

✉ vnich@gmail.com

Аннотация. Представлена хроника Международной научной конференции «СЛАВОФРАЗ-2021». Обосновывается выбор места проведения очередного форума фразеологов и паремиологов-славистов, приглашенных для обсуждения темы «Мир славян во фразеологической и паремиологической интерпретации». Определяется круг ключевых вопросов, подлежащих обсуждению. К числу таких вопросов относятся: ценности и оценки во фразеологической и паремиологической интерпретации мира славянами; история и современность в славянской фразеологии и паремиологии; общее и специфическое в национальных картинах мира, реконструируемых на основе фразеологического и паремиологического наследия славян; славянская фразеология и паремиология в словаре и дискурсе. Дан краткий обзор докладов, прозвучавших на пленарном и секционных заседаниях форума. Акцентировано внимание на дискуссионных решениях научных проблем. Подчеркнута важность проведения ежегодных славистических конференций фразеологов и паремиологов.

Ключевые слова: СЛАВОФРАЗ, ГГУ имени Ф. Скорины, международная научная конференция, доклад, фразеология, паремиология

Финансирование. Благодарность

Публикация выполнена в соответствии с заданием Государственной программы научных исследований 2021—2025 гг., № 20212024 (Республика Беларусь).

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2021

Дата приема в печать: 15.12.2021

Для цитирования:

Ничипорчик Е.В. Международная научная конференция «СЛАВОФРАЗ-2021» г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины, 29—30 ноября 2021 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 224—238. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-224-238>

---

¹ ГГУ имени Ф. Скорины — Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.

© Ничипорчик Е.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDC 811.16'373:398.9(063)

**International Scientific Conference
“SLAVOPHRAS-2021”
Gomel: Francisk Skorina Gomel State University,
29—30 November, 2021**

Elena V. Nichiporchik

Francisk Skorina Gomel State University,
104, Sovetskaya str., Gomel, Belarus, 246028
✉ vnich@gmail.com

Abstract. The chronicle of the International Scientific Conference “SLAVOPHRAS-2021” is presented. The choice of the venue for the next forum of phraseologists and paremiologists-Slavists invited to discuss the topic “The World of Slavs in Phraseological and Paremiological Interpretation” is substantiated. A range of key issues to be discussed is determined. These issues include: values and assessments in the phraseological and paremiological interpretation of the world by the Slavs; history and modernity in Slavic phraseology and paremiology; general and specific in national pictures of the world, reconstructed on the basis of the phraseological and paremiological heritage of the Slavs; Slavic phraseology and paremiology in the dictionary and discourse. A brief review of the reports made at the plenary and breakout sessions of the forum is given. Attention is focused on the debatable solutions of scientific problems. The importance of holding annual Slavic conferences of phraseologists and paremiologists is emphasized.

Key words: SLAVOPHRAS, Francisk Skorina Gomel State University, international scientific conference, report, phraseology, paremiology

Financing. Acknowledgement

The publication was carried out in accordance with the task of the State Program of Scientific Research in 2021—2025, No 20211335 (Republic of Belarus).

Article history:

Received: 01.12.2021

Accepted: 15.12.2021

For citation:

Nichiporchik, E.V. (2022). International Scientific Conference “SLAVOPHRAS-2021” Gomel: Francisk Skorina Gomel State University, 29—30 November, 2021. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 224—238. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-224-238>

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины известен далеко за пределами Беларуси традицией проведения культурно-образовательной и научной программы мероприятий «Славянские встречи». Каждый год международные научные конференции, которые проводятся в рамках «Славянских встреч», становятся знаменательным событием в жизни старейшего вуза региона, являющегося настоящим интеллектуально-культурным центром Белорусского Полесья. В мировом рейтинге университетов Webometrics ГГУ имени Ф. Скорины занимает третью позицию среди вузов

Беларуси. Вуз по праву получил признание отечественной и мировой научной общественности. Ученые-слависты из разных стран мира знают не понаслышке, как тепло принимают гостей на филологическом факультете ГГУ имени Ф. Скорины и насколько высок уровень международного научного диалога, организатором которого ежегодно при поддержке Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь и Российского центра науки и культуры в Гомеле выступает кафедра русского, общего и славянского языкознания. Каждый год итогом проведения «Славянских встреч» является издание сборников научных статей, в том числе сборников докладов молодых ученых (см.: «Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем: К 80-летию со дня рождения профессора В.М. Мокиенко» (2020) [1], Славянская фразеология и паремиология в языке и речи (2020) [2], «Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме» (2019) [3], «Славянские языки и культуры в современном мире» (2019) [4] и др.).

В 2021 году «Славянские встречи» стали особенными, так как в программу мероприятий была включена Международная научная конференция «СЛАВОФРАЗ-2021». Высокой чести проведения Международной научной конференции «СЛАВОФРАЗ-2021» ГГУ имени Ф. Скорины был удостоен по инициативе профессора кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета, мэтра славянской фразеологии и постоянного участника «Славянских встреч» В.М. Мокиенко. Инициатива В.М. Мокиенко была поддержана Фразеологической комиссией при Международном комитете славистов.

ГГУ имени Ф. Скорины может гордиться тем, что впервые «СЛАВОФРАЗ», ставший важнейшим научным событием для европейских фразеологов-славистов, проводится на белорусской земле. Начало традиции проведения «СЛАВОФРАЗА» было положено в 2016 году. Организатором первой Международной конференции фразеологов-славистов выступил Институт славистики Университета имени Карла и Франца в Австрии, и название для конференции — «СЛАВОФРАЗ» — было предложено профессором этого института, известным во всем мире ученым Вольфгангом Айсманом. В первой Международной научной конференции «СЛАВОФРАЗ», состоявшейся в австрийском городе Грац, приняли участие фразеологи из Беларуси, Германии, Польши, России, Словении, Украины, Хорватии и Чехии. В 2017 году эстафету проведения «СЛАВОФРАЗА» приняла Македония, конференция состоялась на филологическом факультете имени Блаже Конеского в Университете Святых Кирилла и Мефодия в Скопье. В 2018 году Международная научная конференция «СЛАВОФРАЗ» проводилась на философском факультете Риекского университета в Хорватии. В 2019 году «СЛАВОФРАЗ» проходил в Словакии, организаторами конференции выступили кафедра славянской филологии философского факультета университета Коменского в Братиславе и Комиссия по исследованию фразеологии при Словацком комитете славистов. В 2020 году почетное право проведения Международной

научной конференции «СЛАВОФРАЗ-2020» было получено одним из старейших вузов Чешской республики — Университетом имени Палацкого в Оломоуце.

Открытие Международной научной конференции «СЛАВОФРАЗ-2021» в Гомеле состоялось 29 ноября. Офлайн и онлайн-диалог объединил филологов-славистов из 14 стран: Беларуси, Венгрии, Вьетнама, Грузии, Китая, Кыргызстана, Польши, России, Румынии, Словакии, Словении, Украины, Хорватии, Чехии. В конференции приняли участие 79 ученых, в том числе 40 докторов наук. И пленарное заседание, которое длилось весь первый день, и пять секционных заседаний второго дня конференции прошли в атмосфере дружеского диалога. Тема конференции «Мир славян во фразеологической и паремиологической интерпретации» была определена В.М. Мокиенко. Проблемное поле конференции, разработанное организаторами конференции с учетом приоритетных направлений славистики и в продолжение научных дискуссий прежних лет, было согласовано с Фразеологической комиссией при Международном комитете славистов.

На торжественном открытии конференции «СЛАВОФРАЗ-2021», вызвавшей большой резонанс у общественности и получившей широкое освещение в средствах массовой информации, буквально с первых слов дружескую тональность научному диалогу придал ректор ГГУ имени Ф. Скорины доктор физико-математических наук С.А. Хахомов. В своем приветственном выступлении ректор университета подчеркнул актуальность и значимость обсуждения вопросов, связанных с использованием в речи устойчивых выражений, обладающих зарядом культурной значимости, и пожелал высокому научному собранию славянских «лириков» от лица славянских «физиков» поставить все точки над *i* в решении самых сложных лингвистических проблем. С.А. Хахомов обратился с поздравительной речью и в адрес юбиляра — известного белорусского фразеолога и этнолингвиста, инициатора проведения «Славянских встреч» в Беларуси, профессора кафедры русского, общего и славянского языкознания В.И. Ковалю.

Профессору Владимиру Ивановичу Ковалю исполнилось 70 лет. И все приветственные выступления на открытии конференции (профессора Санкт-Петербургского государственного университета В.М. Мокиенко, профессора Яского университета имени А.И. Кузы Л.Е. Беженару, профессора Ужгородского национального университета Н.Ф. Венжинович, профессора Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского С.Н. Стародубец) начинались с поздравления юбиляра. В.И. Ковалю организаторы конференции посвятили сборник научных статей с докладами участников «СЛАВОФРАЗ-2021», опубликованный еще до начала конференции [5]. По случаю юбилея В.И. Ковалю к началу конференции в ГГУ имени Ф. Скорины был издан и библиографический справочник «Коваль Владимир Иванович: к 70-летию со дня рождения» [6]. В этом справочнике, а также во вступительной статье «Слово о Юбилеяре» [7] к сборнику научных докладов участников конференции отмечается, насколько широк круг научных

интересов Владимира Ивановича и какой значительный вклад внесен им в развитие этнофразеологии. Фразеологам-славистам Владимир Иванович известен, прежде всего, по своим научным трудам, многим знакомы монографии юбиляра «Чым адгукаецца слова: Фразеалагізмы ў павер'ях, абрадах і звычаях» (1994) [8], «Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение» (1998) [9], «Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение» (2011) [10], «Язычество в языке и тексте» (2021) [11] и др. Отечественные и зарубежные ученые хорошо знают Владимира Ивановича и по ярким, запоминающимся выступлениям на международных научных форумах и конференциях.

Безусловно, В.М. Мокиенко предложил проведение очередного «СЛАВОФРАЗА» в Гомеле и в связи с юбилеем истинно преданного славянской фразеологии профессора В.И. Коваля, ведь благодаря активной деятельности Владимира Ивановича ГГУ имени Ф. Скорины стал местом ежегодных встреч фразеологов-славистов.

Свой пленарный доклад на тему «Аксиологические доминанты в славянской соматической фразеологии и паремиологии» В.М. Мокиенко предварил рассказом о том, почему Полесье так дорого ему. Валерию Михайловичу посчастливилось быть участником экспедиций в Полесье, руководил которыми крупнейший ученый-славист, фольклорист, основоположник советской этнолингвистики Н.И. Толстой. В одной из таких экспедиций, предусмотренных программой по составлению «Полесского этнолингвистического атласа» [12], Валерий Михайлович и познакомился с В.И. Ковалем. А потом было множество встреч с В.И. Ковалем на международных научных конференциях, конгрессах, плодотворное общение на Международных съездах славистов: в 1998 г. — в Кракове, в 2003 г. — Любляне, в 2008 г. — Охриде, в 2013 г. — Минске.

Подчеркнем, что такие контакты, как правило, и становятся основой для настоящего славистического братства, «кузницей» творческих судеб, способствуют рождению новых научных проектов, идей для написания монографий, гипотез для диссертационных исследований. Каждый, кто общался с Валерием Михайловичем Мокиенко на конференциях, выездных фразеологических семинарах, хорошо знает, как стратегически верно Валерий Михайлович умеет определять актуальные задачи в области фразеологии и паремиологии, по-отечески бережно поддерживать молодых исследователей, создавать творческие коллективы, подвергать критике научные положения, которые оказываются уязвимыми с точки зрения человека, «просеявшего» через фразеологическое сито десятки тысяч устойчивых выражений. Вот и в этот раз Валерий Михайлович, оценивая методологическую эффективность предложенного полвека назад польским фразеологом Ст. Скорупкой разграничения «натуральной» и «конвенциональной» фразеологии, выразил мысль о необходимости учета относительности такого разграничения, о подтвержденной практикой научных изысканий и, в частности, наблюдениями над аксиологически маркированным символьным симбиозом соматизмов *Голова* —

Нога в разноязычных паремиях переходности границ от универсального к национальному и наоборот [13].

«Натуральной» фразеологии, по терминологии Ст. Скорупки, был посвящен пленарный доклад «*Jeszcze o frazeologii gestycznej — x załamie ręce*» профессора Ягеллонского университета Мачея Рака. Польский фразеолог сообщил о результатах своих изысканий, связанных с решением вопроса об образе, положенном в основу широко известного в фольклоре и имеющего аналоги в других языках устойчивого выражения *załamie ręce*.

О смысловом тождестве разноязычных фразеологизмов с другим соматизмом (соматизмом *srce / heart*) шла речь в пленарном докладе профессора Загребского университета Жельки Финк. Исследователь установила, что для обозначения спортивной самоотверженности в хорватском и английском языках используются сходные по структуре и семантике фразеологизмы. Докладчик выразила предположение, что хорватские фразеологизмы (не зафиксированные еще словарями) возникли в результате калькирования английских фразем. Желька Финк проследила, как расширялась в хорватском языке семантика фразеологизмов с компонентом *srce (igrati sa srcem, ostaviti / ostavljati srce na terenu (parketu, travnjaku, ledu i td)*, как подвергался варьированию их компонентный состав, нашла объяснение тому, почему хорваты, так же как и другие южные славяне, для выражения семантики самоотверженности предпочитают употреблять фразеологизмы с соматическим компонентом *srce*, а не синонимичные им обороты с компонентом *sve*.

Об относительно новом фразеологизме *нигерийские письма*, явившемся порождением неограниченных коммуникативных возможностей, которые дает сегодня представителям любых национальностей Интернет, рассказал в своем пленарном докладе профессор В.И. Коваль. Докладчик вскрыл отдаленную аналогию сетевых посланий с просьбой перечисления денег, именуемых *нигерийскими письмами*, с другими речевыми жанрами манипулятивного характера, показал сюжетное разнообразие *нигерийских писем* и заострил внимание на специфичности распределения смысловой и фразеобразующей нагрузки в анализируемом устойчивом выражении.

Характеристике русской фразеологической картины мира с позиций деятельностного и когнитивного подходов был посвящен доклад известного белорусского лингвокультуролога, профессора Витебского государственного университета имени П.М. Машерова В.А. Масловой. В своем докладе В.А. Маслова подчеркнула, что наивная (языковая) картина мира отличается прагматичностью особого рода: знания, отображенные в языке, могут противоречить тому, что считает истиной традиционная наука. Критерием верности знаний, отраженных в формулах типа *солнце садится, дождь идет*, выступает, по мнению докладчика, не логическая безупречность, а способность модели служить объясняющей матрицей для структурирования человеческого опыта.

Известный российский ученый, специалист в области аксиологической лингвистики, лингвокультурологии и теории дискурса профессор Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина В.И. Карасик

выступил с докладом о самооценке личности в афористике. Докладчик обратил внимание на разнообразие поведенческих характеристик, положенных в основу самооценки личности. Многомерность самооценки личности связывается с объективацией в афористических выражениях целой группы концептов («честь», «репутация», «честолюбие», «амбиция», «самолюбие», «самоуважение», «высокомерие», «спесь» и др.), образующих диффузное поле с оценочным содержанием. Естественное желание людей оценивать себя на фоне других, по заключению В.И. Карасика, вариативно и амбивалентно, и эта амбивалентность находит отражение в афористических текстах, созданных представителями разных этнических культур.

Лингвооксиологический подход к изучению фразеологии был продемонстрирован в пленарном докладе профессора Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова С.Г. Шулежковой. На примере анализа устойчивых словесных комплексов в древнейших славянских текстах С.Г. Шулежкова показала, как в эпоху христианизации оказывалось влияние на формирование мировоззрения славян и как вербализаторы концептов «Добро» и «Зло», которые занимали важнейшее место в дохристианском менталитете славян, в связи с процессом христианизации «обогатились новыми семантическими гранями».

О феноменологическом статусе перифразы, обусловленном рецептивным вектором «для кого», говорил в пленарном докладе профессор Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина В.И. Сенкевич. Феноменально-этологический статус перифразы, по мнению В.И. Сенкевича, исключает ее из области языковой парадигматики. Семиотический план в перифразе уступает место аспекту знаменательности: референты перифразы не являются «знаковыми», релевантными для перифрастических выражений оказываются известность и распознаваемость референтов. Феноменологический вектор «для кого», соответственно, выводит перифразу, по мнению В.И. Сенкевича, из области формально-грамматического анализа, использующего традиционные методы и категории.

Интересным по постановке проблемы был пленарный доклад «Лексемы и фраземы: количественное соотношение двух классов номинативных единиц» профессора Белорусского государственного университета Н.Б. Мечковской. Н.Б. Мечковская поставила под сомнение тезис Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука о том, что количество фразем в словаре на порядок, а именно в 10 раз, превышает количество слов [14]. Одним из ключевых тезисов докладчика стала мысль о том, что телеология саморазвития языка на протяжении многих тысячелетий, «отмеряет для разных уровней разные пропорции клишированных языковых средств — от практически 100-процентной воспроизводимости и идиоматичности слов до максимальной свободы говорящих в порождаемых высказываниях». Аргументируя свои сомнения относительно количественного превосходства фразем над словами в языке, Н.Б. Мечковская обращается к количественным аспектам уровневой организации языка в целом — к анализу пропорций воспроизводимых единиц на

разных уровнях языка, а также к анализу зависимости между такими свойствами языковых единиц, как воспроизводимость и степень идиоматичности. Одним из осложняющих факторов в определении количественного состава фразеологизмов, характеризующихся, как известно, разной степенью идиоматичности, по мнению Н.Б. Мечковской, выступает трудность разграничения слабо идиоматичных фразем от высокочастотных сочетаний (коллокаций), особенно с учетом того, что по мере возрастания частотности коллокаций появляются и / или усиливаются черты их идиоматичности. Н.Б. Мечковская подчеркнула, что при адекватной оценке количественного соотношения слов и фразем не избежать двойственного подхода, обусловленного выделением в языке, с одной стороны, немногочисленного подкорпуса образных и полных (необразных) идиом, значительно уступающих по количеству собственно словам, с другой стороны, слабо идиоматичных фразеологических выражений и близких к ним коллокаций, общее количество которых, по мнению докладчика, предположительно превышает количество лексем. Проблема, затронутая в докладе Н.Б. Мечковской, вызвала дискуссию, в ходе которой были выражены мнения о необходимости принятия во внимание выводов современных лексикографов об ограниченных пределах действительно свободной сочетаемости слов (О.Л. Бирюк, В.Ю. Гусев, Е.Ю. Калинина (2008)) [15], а также о необходимости учета массы переходных, полуоформленных языковых единиц, размывающих, как считают М.В. Копотев и Т.И. Стексова (2016) [16], границы между лексикой и грамматикой, границы между уровнями языковой системы.

Активное обсуждение вызвал также пленарный доклад «Фразеология в конструировании кинематографической образности: теоретические и методологические аспекты» доктора филологических наук, доцента Института языкознания Российской академии наук И.В. Зыковой. Докладчик сообщила о креативном использовании кинематографистами широко известных носителям языка фразеологических единиц, показала пошаговый алгоритм анализа кинометонимий и кинометафор, основанных на фразеологических единицах. Исследование фразеологических единиц, используемых для создания кинематографических образов, по мнению И.В. Зыковой, позволяет расширить представление о креативных возможностях фразеологии в кинематографическом дискурсе.

В докладе «Над бібліографією чеської фразеології і пареміології: результати й роздуми» профессор Киевского национального университета имени Тараса Шевченко Л.И. Даниленко представила результаты большой работы, проведенной ею в ходе подготовки библиографического указателя чешской фразеологии и паремииологии. Изданный Л.И. Даниленко библиографический указатель охватывает научные изыскания чешских фразеологов и паремииологов в широких хронологических пределах — с начала XIX века по двадцатые годы XXI века, и его концептуальным лейтмотивом является демонстрация основных тенденций развития чешской фразеологии и паремииологии. Докладчик подчеркнула, что издание библиографических

указателей имеет большую научную значимость, так как позволяет выявлять исследовательские лакуны. Л.И. Даниленко выразила надежду, что подготовленный ею библиографический указатель может стать составной частью сводного библиографического указателя фразеологии и паремиологии славянских языков [17].

Пленарный доклад «Мир человека в паремиографической репрезентации: актуальные проблемы и перспективы их решения» заведующего кафедрой русского, общего и славянского языкознания ГГУ имени Ф. Скорины, доктора филологических наук Е.В. Ничипорчик был посвящен паремиографической практике славистов. Докладчик отметила высокую востребованность электронных вариантов фразеологических и паремиологических словарей и выразила сожаление, что оцифровкой таких словарей и размещением оцифрованных версий словарей в интернет-сети занимаются сторонние лица. Зачастую владельцы сайтов-агрегаторов размещают оцифрованные версии словарей с нарушением авторских прав, искажением имен и фамилий составителей словарей либо со снятыми именами и отчествами авторов-составителей (см., например: <https://dic.academic.ru/>; <http://niv.ru/articles/copyright.htm>), а «народные» составители «своих» собраний пословиц и поговорок дают неверные дефиниции значений устойчивых выражений (см., к примеру, https://skazka-dubki.ru/zhizn-slavyan/russkiy-folklor/russkie-narodnye-poslovitsy-i-pogovorki/#so_znacheniem). Докладчик обратила внимание на уже накопленный в европейской паремиографии опыт создания электронных паремиологических словарей, в том числе электронных многоязычных паремиологических словарей, подчеркнула, что главное преимущество таких словарей, в отличие от обычных оцифрованных версий словарных материалов, в наличии разнообразных поисковых инструментов (см., к примеру, «Deutsches Sprichwörter-Lexikon» [18], «Refranero multilingüe» [19] и др.). Е.В. Ничипорчик предложила объединить усилия паремиографов-славистов, и тех, кто уже внес значительный вклад в создание двуязычных и многоязычных словарей славянских паремий (М.Ю. Котова (2000) [20], Е.Е. Иванов (2001) [21], Е.Е. Иванов, В.М. Мокиенко (2007) [22], С.Ф. Иванова [23], Е.Е. Иванов (2007), Х. Вальтер, В. Мокиенко, Е. Коморовска, К. Кусаль (2014) [24]; Ю.А. Петрушевская (2020) [25] и др.), и тех, кто в настоящее время разрабатывает оригинальные электронные версии паремиологических словарей, для создания славянского паремиологического мультитрана — электронного мультилингвального паремиологического словаря. В завершение своего выступления Е.В. Ничипорчик систематизировала сведения о том, какими именно инструментами должны быть снабжены электронные паремиологические словари.

Если обобщить перечень вопросов, которые подлежали обсуждению на конференции «СЛАВОФРАЗ-2021» и по которым развернулись научные дискуссии, то все эти вопросы можно объединить в пять блоков, тематика которых коррелирует с тематикой пленарных докладов и тематикой докладов, прозвучавших 30 ноября на секционных заседаниях.

На заседании первой секции «Ценности и оценки во фразеологической и паремиологической интерпретации мира славянами» предметом обсуждения стали воплощенные во фразеологических и паремиологических единицах духовные, интеллектуальные, фратерниальные, семейные и иные ценности славян (доклады Н.Г. Арефьевой (г. Одесса), А. Браксаторисовой (г. Трнава), Л.Е. Беженару (г. Яссы), Т.Е. Владимировой (г. Москва), Л.Б. Воробьевой (г. Псков), М.Л. Лаптевой (г. Астрахань) и др.). Профессор Т.Е. Владимирова предложила обратиться к анализу аксиологической направленности паремий с позиций антропологии, это, по мнению исследователя, позволяет сформировать более точное представление о коллективной восточнославянской личности. Колоритным фразеологизированным конструкциям оценочного характера был посвящен доклад Е.В. Огольцевой (г. Москва); с опорой на материалы Национального корпуса русского языка исследователь выявила целый ряд коммуникативно-прагматических функций конструкций *баба бабой* и *мужик мужиком*, детерминированных культурно значимыми ценностями языкового коллектива. Польский фразеолог Я. Тарса в своем докладе опровергла распространенное мнение о том, что надежда «на авось» является чертой исключительно русского характера: польское крылатое выражение *jakoś to będzie* Я. Тарса считает аналогом русского *полагаться на авось*, докладчик определила как общие, так и отличительные семантические признаки сопоставляемых оценочных выражений.

Проблемное поле, обсуждаемое на заседании второй секции «История и современность во фразеологической и паремиологической интерпретации мира славянами», предполагало обращение как к историческому прошлому славян, так и к актуальному для носителей славянских языков настоящему, нашедшему отражение в семантике устойчивых выражений. Доклады о древних, архаичных устойчивых выражениях свидетельствовали о том, что исследовательский интерес к таким выражениям не ослабевает, их изучение в семантико-мотивационном, историко- и социокультурном плане весьма плодотворно. О первом списке чешской «алкогольной» фразеологии шла речь в докладе профессора А.М. Архангельской (г. Оломоуц); о терминологии орнамента деревни Неглюбки рассказала сотрудник музея старообрядчества и белорусских традиций Г.Г. Нечаева (г. Гомель). Профессор Е.Н. Степанов в своем докладе проанализировал влияние социально-исторических событий Петровской эпохи на формирование и особенности функционирования фразеологии Санкт-Петербурга. Доклад А.Д. Бакиной (г. Орел) был посвящен библейской фразеологии; доклад Е. Н. Денисенко (г. Москва) — паремиологическим репрезентантам архетипа «дерево». Активное обсуждение вызвали доклады и о новообразованных устойчивых выражениях, антипословицах и мемах, о специфике бытования паремий в современном дискурсе (доклады Л.Н. Чурилиной, Е.В. Бодровой (г. Магнитогорск), А.А. Осиповой, Н.В. Поздняковой (г. Магнитогорск), Т.В. Володиной (г. Минск), Т.В. Сивовой (г. Гродно), О.В. Ширяевой (г. Ростов-на-Дону) и др.).

Доклады третьей секции «Общее и специфическое в национальных картинах мира, реконструируемых на основе фразеологического и паремиологического наследия славян» в соответствии с постановкой проблемы отражали реализацию разных стратегических замыслов исследователей. Речь шла и об идеях, демонстрирующих единство культурного пространства славян, и о специфике в восприятии и интерпретации мира носителями различных этнических культур (доклады З. К. Адамия (г. Тбилиси) и Имре Пачаи (г. Ньиредьхаза), О.Б. Абакумовой (г. Орел), проф. З.К. Дербишевой (г. Бишкек), Е.В. Ивановой (г. Санкт-Петербург), О.А. Лещинской (г. Гомель), О.В. Радчук (г. Харьков), Л.Л. Федоровой (г. Москва), А.А. Аксенчиковой-Бирюковой (г. Гомель), П.С. Завтриковой (г. Гомель) и Чан Тхи Суен (г. Одесса)). Неугасающий интерес исследователей к данной проблематике является ярким свидетельством того, что разграничение «Своего» и «Чужого», как неоднократно подчеркивал в своих работах В.М. Мокиенко (см. материалы XV Международного съезда славистов (2013) [26], В.М. Мокиенко (2015) [27] и мн. др.), — одна из актуальных задач славянской паремиологии, о сложности решения этой задачи говорит и тот факт, что методики установления происхождения паремий, выявления языковой и национально-культурной специфичности пословичных фондов пока не сняты с повестки дня (Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина, Ю.А. Петрушевская (2021) [28]).

На заседании четвертой секции «Славянская фразеология и паремиология в словаре и дискурсе» состоялось плодотворное обсуждение накопленного опыта и проблем составления паремиологических словарей. С докладами выступили участники двух научных проектов, реализация которых нацелена на создание словарей нового типа. Докладчики Д.В. Андрианова и Н.Д. Игнатъева (г. Санкт-Петербург), участники проекта, возглавляемого профессором В.М. Мокиенко, вынесли на обсуждение вопрос о некоторых сложных случаях формирования словарной статьи в создаваемом научным коллективом «Аксиологическом словаре русских, украинских и белорусских пословиц». О реализации проекта «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц» (руководитель профессор М.Ю. Котова) на заседании секции с докладами выступили Н.Е. Боева, О.В. Гусева, О.В. Раина, В.В. Мушинская, О.С. Сергиенко (г. Санкт-Петербург). Прозвучали и другие доклады, связанные с паремиографической и лексикографической деятельностью. С докладом об опыте составления «Школьного словаря крылатых слов русского языка» выступила Е.И. Зыкова (г. Санкт-Петербург); анализу вариантов фразеологических единиц в «Слоўніку беларускай мовы» И.И. Носовича был посвящен доклад Н.Е. Кошкиной (г. Минск). Кроме того, на заседании секции были сделаны доклады СЛОВОФРАЗ СЛОВОФРАЗ о функционировании фразеологизмов и паремий в разных типах текстов (с докладами выступили А.А. Алексеева (г. Санкт-Петербург), И.Г. Гомонова (г. Гомель), С.Б. Кураш (г. Мозырь), С.Н. Стародубец (г. Новозыбков) и др.).

На заседании пятой секции «Системные описания славянской фразеологии и паремиологии» докладчики останавливались на разных аспектах изучения

фразеологических и паремиологических единиц: профессор Люблинского университета Э. Кржишник затронула проблему орфографической нормы в словенской фразеологии; П.С. Дронов (г. Москва) рассказал о нескольких близких моделях фразеосхем в русском языке; Е.И. Тимошенко (г. Гомель) — о фразеологизированных синтаксических конструкциях с компонентом «стоит / стоило» в русском языке; М.М. Козловская (г. Гомель) — о колоративных прилагательных в новых устойчивых сочетаниях русского языка; О.С. Орлова (г. Москва) посвятила свой доклад когнитивно-культурологическому анализу русских народных загадок о рождении; М.С. Попович (г. Загреб) — культурологическому анализу пословиц с наименованиями денежных единиц. Плодотворные дискуссии на заседании этой секции продолжались до закрытия конференции.

При подведении итогов Международной научной конференции «СЛАВОФРАЗ-2021» была подчеркнута важность организации ежегодных славистических форумов фразеологов и паремиологов. Такие форумы открывают новые горизонты фразеологии и паремиологии, способствуют объединению творческих коллективов для решения важных исследовательских задач, служат сохранению и преумножению славянского культурного наследия. Члены организационного комитета Международной научной конференции «СЛАВОФРАЗ-2021» пожелали ее участникам новых творческих достижений и пригласили всех на юбилейные 10-е «Славянские встречи», которые состоятся в ГГУ им. Ф. Скорины в ноябре 2022 года.

Библиографический список

1. Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем: к 80-летию со дня рождения профессора В.М. Мокиенко: сб. статей, Е.В. Ничипорчик (отв. ред.). Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020.
2. Славянская фразеология и паремиология в языке и речи: сб. статей, О.Н. Мельникова (отв. ред.). Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020.
3. Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сб. статей, Е.В. Ничипорчик (гл. ред.). Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019.
4. Славянские языки и культуры в современном мире: сб. статей, Е.В. Ничипорчик (гл. ред.). Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019.
5. Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В.И. Ковалья: сб. статей, Е.В. Ничипорчик (отв. ред.) Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021.
6. Коваль Владимир Иванович: к 70-летию со дня рождения библиографический справочник, Е.Ф. Асенчик, С.Н. Бойкова, Е.В. Ничипорчик (сост.). Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021.
7. *Тимошенко Е.И.* Слово о юбиляре // Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В.И. Ковалья: сборник статей, Е.В. Ничипорчик (отв. ред.). Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. С. 4—6.
8. *Коваль В.И.* Чым адгукаецца слова: Фразеалагізмы ў павер'ях, абрадах і звычаях. Мінск: Народная асвета, 1994.
9. *Коваль В.И.* Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение: монография. Гомель: ИММС НАНБ, 1998.

10. Коваль В.И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение: монография. Минск: РИВШ, 2011.
11. Коваль В.И. Язычество в языке и тексте. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021.
12. Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М.: Наука, 1983.
13. Skorupka St. Idiomaticzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza // Славянская филология. Т. 3. М., 1958. С. 124—155.
14. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: ЯСК, 2007.
15. Бирюк О.Л., Гусев В.Ю., Кашина Е.Ю. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка. М.: 2008. Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php (дата обращения: 10.12.2021).
16. Коптев М.В., Стексова Т.И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси, 2016.
17. Даниленко Л.І. Чеська фразеологія і пареміологія. Бібліографія джерел ХІХ—20-х років ХХІ ст. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2021.
18. Wander K. Deutsches Sprichwörter-Lexikon [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://woerterbuchnetz.de/#1> (дата обращения: 20.09.2021).
19. Refranero multilingüe [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/Default.aspx> (дата обращения: 20.09.2021).
20. Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб: Изд-во СПбГУ, 2000.
21. Иванов Е.Е. Русско-белорусский словарь пословиц = Руска-беларускі слоўнік прыказак: 777 пословиц русского языка, свыше 5000 белорусских паремиологических эквивалентов и соответствий : в 2 ч. Могилев: Брама, 2001.
22. Иванов Е.Е. & Мокіенко В.М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2007.
23. Иванова С.Ф. & Іваноў Я.Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruskisłownik paremiologiczny. Магілёў: МДУ, 2007.
24. Walter H., Mokienko W., Komorowska E., Kusal K. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Greifswald; Szczecin: Volumina, 2014.
25. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы : беларуска-іншамоўны слоўнік: больш за 950 беларускіх, каля 8600 іншамоўных прыказак / аўт.-склад. Ю.А. Петрушэўская. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2020.
26. Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: XV Международный съезд славистов (20—27 августа 2013 г., Минск, Беларусь): Nationales und Internationales in der slawischen Phraseologie / H. Walter, V.M. Mokienko (Hrsg). Greifswald: Ernst-Moritz-Universität Greifswald. Institut für Slavistik, 2013.
27. Мокіенко В.М. Аспекты исследования славянской паремиологии // Пареміологія в дыскурсе: Общие и прикладные вопросы пареміологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира ; под ред. О.В. Ломакиной. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 4—25.
28. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 12 (4). С. 996—1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

References

1. Slavic Phraseology and Paremiology: Traditional and innovative solutions to problems: To the 80th anniversary of the birth of Professor V.M. Mokienko (2020). E.V. Nichiporchik (ed.). Gomel: Francisk Skorina Gomel State University Publ. (In Russ.).

2. Slavic phraseology and paremiology in language and speech (2020). O.N. Melnikova (ed.). Gomel: Francisk Skorina Gomel State University Publ. (In Russ.).
3. Slavic linguocultures in the spatial and temporal continuum (2019). E.V. Nichiporchik (ed.). Gomel: Francisk Skorina Gomel State University Publ. (In Russ.).
4. Slavic languages and cultures in the modern world (2019). E.V. Nichiporchik (ed.). Gomel: Francisk Skorina Gomel State University Publ. (In Russ.).
5. Slavic phraseology and paremiology. National and international. Stable and changeable. To the 70th anniversary of the birth of Professor V.I. Koval (2021). E.V. Nichiporchik (ed.). Gomel: Francisk Skorina Gomel State University Publ. (In Russ.).
6. Timoshenko, E.I. (2021). A word about the hero of the day. In: *Slavic phraseology and paremiology. National and international. Stable and changeable. To the 70th anniversary of the birth of Professor V.I. Koval*. E.V. Nichiporchik (ed.). Gomel: Francisk Skorina Gomel State University Publ. pp. 4—6. (In Russ.).
7. Asenchik, E.F., Bojkova, S.N. & Nichiporchik, E.V. (eds.). (2021). *Koval Vladimir Ivanovich: to the 70th anniversary of the birth of a biobibliographic reference*. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University Publ. (In Russ.).
8. Koval, V.I. (1994). *How the word responds: phraseological units in beliefs, rituals and customs*. Minsk: Narodnaya asveta. (In Bel.).
9. Koval, V.I. (1998). *East Slavic Ethnophraseology: derivation, semantics, origin*. Gomel. (In Russ.).
10. Koval, V.I. (2011). *Phraseology of folk spiritual culture: composition, semantics, origin*. Minsk. (In Russ.).
11. Koval, V.I. (2021). Paganism in language and text. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University Publ. (In Russ.).
12. Polesky ethnolinguistic collection. Materials and research (1983). Moscow: Nauka. (In Russ.).
13. Skorupka, St. (1958) Idiomaticzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza. In: *Slavic philology*. 3. 124—155.
14. Iordanskaya, L.N. & Melchuk, I.A. (2007). *Meaning and compatibility in the dictionary*. Moscow: YASK. (In Russ.).
15. Biryuk, O.L., Gusev, V.Yu. & Kalinina, E.Yu. (2008). *Dictionary of verbal compatibility of non-objective names of the Russian language*. URL: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php (accessed: 10.12.2021).
16. Kopotev, M.V. & Steksova, T.I. (2016). *Exception as a rule: transitional units in grammar and dictionary*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi (In Russ.).
17. Danilenko, L.I. (2021). *Czech phraseology and paremiology. Bibliography of sources of the XIX—20s of the XXI centuries*. Kiev: Vidavnychiy dim of Dmitry Burago. (In Ukr.).
18. Wander, K. *Deutsches Sprichwörter-Lexikon*. URL: <https://woerterbuchnetz.de/#1> (accessed: 20.09.2021).
19. Refranero multilingüe. URL: <https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/Default.aspx> (accessed: 20.09.2021).
20. Kotova, M.Yu. (2000). *Russian-Slavic Dictionary of Proverbs (with English Equivalents)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University publ. (In Russ.).
21. Ivanov, E.E. (2001). *Russian Russian-Belarusian Dictionary of proverbs. 777 proverbs of the Russian language, over 5000 Belarusian paremiological equivalents and correspondences*. Mogilev: Brama. (In Russ.).
22. Ivanov, E.E. & Mokienko, V.M. (2007). *Russian-Belarusian Paremiological Dictionary*. Mogilev: Mogilev State University. (In Russ.).
23. Ivanova, S.F. & Ivanov, E.E. (2007). *Polish-Belarusian Paremiological Dictionary*. Mogilev: Mogilev State University. (In Bel.).

24. Walter, H., Mokienko, W., Komorowska, E. & Kusal, K. (2014). *Russisch-deutsch-polnisches Wörterbuch aktiver Sprichwörter (mit fremdsprachigen Äquivalenten und historisch-kulturellen Kommentaren)*. Greifswald; Szczecin: Volumina.
25. Petrushevskaya, Ju.A. (2020). *Universal and International Components in the Paremiological Fund of the Belarusian Language: Belarusian-Foreign Dictionary: more than 950 Belarusian, about 8600 Foreign Proverbs*. Mogilev: Mogilev State University. (In Bel.).
26. Nationales und Internationales in der slawischen Phraseologie (2013). H. Walter & V.M. Mokienko (Hrsg.). Greifswald: Ernst-Moritz-Universität Greifswald. Institut für Slavistik. E.M.A.-Universität.
27. Mokienko, V.M. (2015). Аспекты исследования славянской паремииологии In: *Paremiology in Discourse, O.V. Lomakina (ed.)*. Moscow: URSS: Lenand. pp. 4—25. (In Russ.).
28. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Ju.A. (2021). The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 996—1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Сведения об авторе:

Ничипорчик Елена Владимировна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (Республика Беларусь); *сфера научных интересов*: теория языка, лингвокультурология, лингвопрагматика, паремииология; *e-mail*: evnich@gmail.com eLIBRARY SPIN-код: 9071-3871

Information about the author:

Elena V. Nichiporchik, Doctor of Philology Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics, Francisk Skorina Gomel State University, (Belarus); *Research interests*: theory of language, linguoculturology, linguistic pragmatics, paremiology; *e-mail*: evnich@gmail.com eLIBRARY SPIN-code: 9071-3871.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
